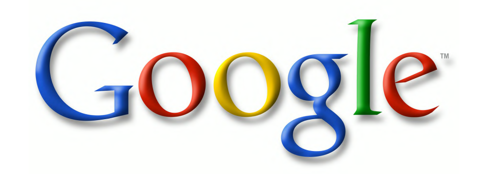

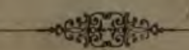

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIV, выпускъ 2.

ВОТЯКИ СОСНОВСКАГО КРАЯ.

Гр. Верещагина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

VE RI
TAS

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIV, выпускъ 2.

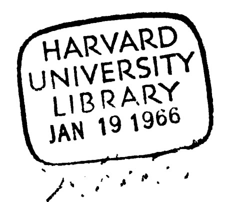
ВОТЯКИ СОСНОВСКАГО КРАЯ.

37

Гр. Верещагина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1886.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Второй выпускъ XIV тома Записокъ Импер. Русск. Геогр. Общества по отдѣленію Этнографіи изданъ подъ наблюденіемъ дѣйствительнаго члена П. А. Соколовскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣкоторыя изъ свѣдѣній, составляющихъ содержаніе предлагаемаго выпуска, были уже напечатаны въ XX томѣ Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Но въ виду того, что всѣ свѣдѣнія о Вотякахъ, доставленныя авторомъ, составляютъ одно цѣлое, пришлось по необходимости перепечатать здѣсь и ранѣе опубликованный матеріалъ.

Неодновременное поступленіе дополнительныхъ свѣдѣній во время печатанія послужило препятствіемъ къ строго послѣдовательному расположенію ихъ по отдѣламъ этнографической программы Географическаго Общества.

П. Соколовскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОТЯКИ СОСНОВСКАГО КРАЯ.

Сосновскій край, населенный вотяками, составляетъ одну изъ восточныхъ частей Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи. Центръ края—село Сосновка стоитъ въ 100 верстахъ отъ уѣзднаго города Сарапула и въ 64 отъ р. Камы. Въ этомъ краѣ самое густое вотское населеніе. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, сохранились и остатки язычества. Есть здѣсь также и русскія селенія, но они основаны уже послѣ обращенія вотяковъ въ христіанство переселенцами изъ Вятской стороны. Причиной переселенія русскихъ къ вотякамъ было безлѣсье и плохой грунтъ земли въ родной странѣ, а здѣшній край славился плодородіемъ и лѣсами. И нынѣ еще русскіе, слыша такую же славу о здѣшнемъ краѣ, охотно переселяются сюда чуть не каждый годъ, расходуя на это значительную сумму денегъ. Расходы по перечисленію на лучшее мѣсто простираются иногда до тысячи рублей, именно: вотякамъ того селенія, въ которое перечисляется новожилъ, приходится заплатить подчасъ рублей шестьсотъ; на угощеніе водкой каждаго селенія, входящаго въ составъ сельскаго общества, уходитъ рублей по двадцати; въ подарокъ волостному писарю за составленіе пріемнаго приговора нужно бываетъ дать рублей сто; старшинѣ за подпись—рублей пятьдесятъ; засѣдателю, старостѣ и т. д. рублей по пяти и по десяти. И безъ этого никто и не думай о перечисленіи на хорошее мѣсто. Иной новожилъ, т. е. новый членъ вотскаго общества, какъ ободранная до гола липка, переѣхавши на новое мѣсто со всѣмъ семействомъ и скарбомъ, купитъ на послѣдніе рубли какую нибудь

грязную вотскую избенку, помѣстить въ нее свою семью, а самъ идетъ на заработки куда-нибудь въ окрестныя селенія или въ города; семья же его, лишенная насущнаго хлѣба, принуждена бываетъ бродить по селеньямъ съ сумой на плечахъ. Земли у такихъ новожиловъ остаются не обработанными и незасѣянными, и подати за нихъ приходится платить самимъ же вотякамъ, по милости которыхъ они обнищали. Такъ обманываетъ нѣкоторыхъ переселенцевъ вотскій край! Зато сами вотяки здѣсь состоятельны; это доказываетъ и ихъ исправный платежъ податей, и скирды хлѣба на поляхъ, остающіяся нетронутыми на мѣстахъ двадцать и болѣе лѣтъ и, наконецъ, денежные вклады, находящіеся въ разныхъ банкахъ. Прежде старики-вотяки зарывали деньги въ землю и оттуда обратно ихъ не вырывали, такъ какъ по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ мѣста кладовъ старики забывали, а молодое поколѣніе о нихъ не знало.

Откуда и когда пришли сами вотяки въ этотъ край? Отвѣчать на это трудно, такъ какъ никакихъ письменныхъ документовъ объ этомъ нѣтъ; впрочемъ, о мѣстѣ прежняго ихъ жительства въ народѣ еще живо преданіе. По сказу престарѣлаго вотяка села Сосновки Захара Кондратьева, вотяки пришли сюда изъ-за рѣки Камы еще во время состоянія ихъ въ язычествѣ; объ этомъ старикъ Кондратьевъ говорилъ такъ: закамское начальство получило указъ о заготовкѣ лиственничнаго лѣса для сплава по рѣкѣ Камѣ; лѣсъ этотъ, говорили, нуженъ на постройку кораблей. Вслѣдствіе такого указа, начальство начало гнать вотяковъ въ закамскіе лѣса для рубки бревенъ и перевозки ихъ на берегъ рѣки Камы. Вотяки отправились; ихъ начали тамъ обременять работами, такъ что мало было времени и отдохнуть, а равно и заниматься своимъ дѣломъ; къ тому же приставленные къ нимъ смотрители обращались съ ними жестоко. Выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились во что бы ни стало бѣжать и вотъ, улучивъ время, переправились съ семействами и рухлядью за рѣку Каму, скрылись въ непроходимыхъ лѣсахъ, покрывавшихъ въ то время Сосновскій край, и въ лѣсахъ этихъ построили юрты въ родѣ шалашей и землянокъ изъ липовыхъ лубьевъ, хворосту и проч. Занимались они здѣсь звѣроловствомъ, употребляя при этомъ деревянныя стрѣлы съ желѣзными наконечниками и расчищали мѣста подъ посѣвъ хлѣбныхъ

растеній. Обыкновенными орудіями земледѣлія были: вмѣсто сохи—копылъ, вмѣсто бороны—грабли....

Общая характеристика жителей.

Ростъ жителей-мужчинъ среднимъ числомъ 2 арш. 4 вершк., а женщины еще малорослѣе мужчинъ; станъ сложенъ худо; ноги короткія и искривленныя; грудь плоская; цвѣтъ тѣла смуглый; щеки впалыя, носъ небольшой, прямой, остроконечный и нѣсколько впалый; глаза небольшіе, сѣрые, поставлены горизонтально, но въ орбитахъ лежатъ глубоко, выглядывая оттуда вяло и угрюмо; ротъ полуоткрытъ; губы тонкія и углы ихъ направлены нѣсколько къ низу; волосы свѣтлорусые, часто рыжіе; борода небольшая, клинообразная; волосы подстригаютъ кругомъ, вровень съ нижними концами ушей; расчесывать волосы обыкновенія не имѣютъ; усы стригутъ, не давая имъ рости болѣе мѣсяца времени.

Признаками мужской и женской красоты считаютъ: чистое лицо, носъ прямой, густыя брови, открытые глаза, тонкія губы, русые волосы; имѣющихъ такую красоту называютъ таза! чеберъ! Безобразіемъ считаютъ толстыя губы, большой носъ съ открытыми ноздрями, лицо шадровитое, отсутствіе бровей; имѣющихъ такое безобразіе называютъ: шэтэмъ!

Рѣдкій вотякъ поднимаетъ тяжесть въ пять пудовъ, а нести три пуда для вотяка составляетъ уже большой трудъ.

Въ движеніяхъ, занятіяхъ и ѣдѣ вотяки тихи, вялы, неповоротливы; на дѣло, на которое нужно употребить два часа, они употребляютъ три и четыре часа и притомъ любятъ все дѣлать съ отдыхомъ и куреньемъ табаку; ходятъ тихо, наклонившись нѣсколько впередъ, смотрятъ въ землю, какъ будто ищутъ потерянное и оглядываются подобно зайцу, напуганному шорохомъ въ лѣсу.

Живутъ вотяки грязно: въ избахъ у нихъ нечистота, неопрятность, дурной тяжелый воздухъ; въ зимнее время тутъ же и телята, ягнята и птицы; изъ какой посуды кормятъ животныхъ, изъ той же ѣдятъ и сами, не умывши рукъ. Рѣдкій вотякъ здѣшняго края не имѣетъ на тѣлѣ коросты (гижлò) и чирьевъ (посьы́), отчего у нихъ

*

является страшный зудъ (лыдонъ), отнимающій потребный для здоровья сонъ; страдая чесоткою, они парятся въ банѣ чуть не каждый день; въ этомъ состоитъ у нихъ все леченіе отъ чесотки. Страдаютъ еще болѣзнями глазъ (синъ висе́нъ) и сифилисомъ (уродъ висе́нъ); но главная боль, господствующая въ краѣ,—горячка, по мѣстному названію, радынъ висенъ килъ.

Отъ болѣзней лечатъ обыкновенно земскіе фельдшера, но лечатъ не мало и тайными нашептываніями особыя лекарки-старухи (пельтыси, пельясь-кыси). Способъ леченія нашептываніями таковъ: возьметъ лекарка чашку съ кумышкой (водкой), водой, пивомъ или другимъ напиткомъ и шепчетъ надъ ней какія то слова, а въ концѣ дунетъ и плюнетъ—и лекарство готово; лекарство это велятъ больнымъ принимать внутрь благословясь, т.е. передъ принятіемъ должны говорить: остэ, инмарэ! (Господи благослови!) Поятъ также разными травами, нарванными въ ночь на Ивановъ день (24 іюня), или брызжутъ три раза нашептанной водой въ лицо больному, говоря при этомъ: остэ инмарэ шу! «скажи: Господи благослови!» Слова заговоровъ и нашептываній составляютъ секретъ лекарокъ; по понятіямъ ихъ, если прочитать кому либо эти заговоры, или научить кого имъ, то они болѣе не будутъ имѣть цѣлительной силы. Заговорамъ учатся молодые люди отъ тѣхъ старухъ, которыя по старости лѣтъ уже не могутъ сами заниматься нашептываніями; только въ такомъ-де случаѣ вся сила заговоровъ переходитъ къ ученику. Говорятъ, что въ началѣ ученія заговорамъ и нашептываніямъ учащихся ломаетъ черная немочь. Въ случаѣ наружныхъ болѣзней, напримѣръ: переломовъ, нарывовъ, вывиховъ и проч. обращаются къ земскимъ фельдшерамъ.

Въ частной жизни жители тихи, терпѣливы; ссоръ, дракъ между собой не заводятъ, зломъ за зло другъ другу не платятъ; въ обществѣ у нихъ царствуютъ миръ и согласіе, а въ семействахъ—уживчивость; любятъ жить большими семьями, въ которыхъ бываетъ двадцать и болѣе человѣкъ при одномъ хозяинѣ; вотяки вообще не любятъ раздѣловъ, говорятъ, что раздробленіе рабочихъ рукъ подрываетъ основаніе благосостоянія, что отъ раздѣловъ бываютъ неудовольствія, ссоры, злоба и проч. Живя тихо и замкнуто, они въ бѣдѣ другъ другу помогаютъ мало; тотъ, кого постигло несчастіе, помощи отъ другаго не ждетъ и не проситъ, хотя и есть

ближній родственникъ, и живетъ, какъ и прежде, молчаливо покоряясь судьбѣ; собирать по міру идетъ онъ только въ случаѣ крайней нужды, когда уже не можетъ достать себѣ насущный хлѣбъ; поэтому нищаго вотяка приходится видѣть очень рѣдко. Деньги, особенно серебро, любятъ беречь, но, когда нужно, не жалѣютъ денегъ. Мужья со своими женами живутъ согласно, обращаются съ ними ласково и мужъ, не испросивъ согласія жены, не предпринимаетъ ничего. Женщины-вотячки цѣломудреннѣе сосѣднихъ русскихъ женщинъ, а мужчины трезвѣе. Вотякъ, хотя и выпьетъ, но до безчувствія не напивается. Зайдя въ кабакъ, онъ больше стакана водки не выпьетъ и когда зашумитъ въ головѣ, ходитъ между своими единоплеменниками съ трубкой во рту, слегка покачиваясь и извиняясь: кудзи́, кудзи́! энъ лекатэ! (распьянѣлъ, распьянѣлъ! не судите!). Если вотякъ увидитъ ссорящихся собратьевъ, то обыкновенно говоритъ: пинальёсъ! энъ тышъ-каськè, урчè улонò! (ребята, не ругайтесь, не ссорьтесь! надо жить мирно). Счастье полагаютъ только въ дѣтяхъ, особенно въ сыновьяхъ; поэтому, у кого есть дѣти, тотъ считаетъ вправѣ назвать себя счастливымъ, довольнымъ судьбой. Воспитаніе сына лежитъ на обязанности отца, а дочери—на обязанности матери. Находясь при работахъ и занятіяхъ родителей съ малолѣтства, дѣти ихъ скоро и легко привыкаютъ къ работѣ; сынъ находится постоянно при отцѣ, а дочь—при матери. Съ семи лѣтъ сыновья уже боронятъ, ѣздятъ за дровами, за сѣномъ и т. п., а съ десяти владѣютъ сохой и съ этого времени вотскій мальчикъ уже замѣняетъ большаго работника во всѣхъ полевыхъ работахъ. Дѣвочки тоже съ семилѣтняго возраста много помогаютъ матерямъ въ трудахъ ихъ.

Вотяки народъ миролюбивый, спокойный; всѣ ихъ пирушки, сколько дней бы онѣ не продолжались—проходятъ безъ шуму, безъ ссоръ. Чтобы познакомиться съ семейной жизнію ихъ, войдите въ жилище вотяка зимой и всмотритесь въ жизнь его въ кругу семьи. Вошедши днемъ, на лавкахъ у оконъ увидите мужиковъ, сидящихъ въ шапкахъ и зипунахъ или же въ шубахъ, а не рѣдко и въ рукавицахъ, какъ будто готовы они броситься къ мѣсту пожара по первому удару набатнаго звона. Въ сторонѣ отъ нихъ увидите бабъ, прядущихъ коноплю или ленъ для холста. Ночью тѣхъ же мужиковъ увидите въ однѣхъ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ безъ шапокъ и каждый изъ нихъ на из-

бранномъ мѣстѣ занять какимъ нибудь дѣломъ: кто плететъ лапти, кто вьетъ веревки, а кто поправляетъ ветхую сбрую и т. п. и все это дѣлается тихо, вяло, какъ будто нехотя, въ глубокомъ сосредоточенномъ молчаніи. Стариковъ обыкновенно увидите сидящими безъ дѣла съ трубками во рту; но мы не говоримъ, что они вовсе ничего не дѣлаютъ: и они занимаются тоже какимъ нибудь дѣломъ, но мало. Посмотрите въ задній уголъ—и вы непремѣнно увидите хозяина дома лежащимъ съ трубкою во рту. Такую позу при куреніи трубки онъ принимаетъ какъ хозяинъ, сознающій въ себѣ достоинства предъ прочими. Въ комнатѣ безмятежная тишина; слышно только жужжанье веретенъ, трескъ горящей въ свѣтцѣ лучины, шуршаніе мочала, напоминающее шелестъ травы во время вѣтра; изрѣдка услышите и короткія безсодержательныя слова, касающіяся какихъ нибудь житейскихъ вещей; а гдѣ есть дѣти—услышите и плачъ одного изъ нихъ, обиженнаго другимъ какой нибудь игрушкой; но этотъ плачъ продолжится не долго: стоитъ только отцу или матери сказать какое нибудь ласковое словцо, напримѣръ «ѳнъ бэрды гыдыкѐ»! (не плачь голубчикъ!)—и дитя утѣшится—и въ комнатѣ опять водворится тишина. Никакихъ ссоръ, перебранокъ не услышите. Такую же тишину замѣтите и на полевыхъ работахъ лѣтомъ. Иногда, можетъ быть, услышите и разговоръ, но разговоръ тихій, сдержанный, какъ будто секретный, чтобы слова не могли дойдти до ушей постороннихъ. По вечерамъ зимой дѣвушекъ дома не увидите: всѣ онѣ на посидѣнкахъ въ баняхъ, гдѣ занимаются пряденіемъ льна или конопли. Зайдите въ это время въ баню—и вы увидите въ обществѣ дѣвушекъ холостыхъ парней, пришедшихъ туда полюбезничать съ дѣвушками гдѣ нибудь въ наружномъ углу бани и сидящихъ въ ожиданіи удобной на это минуты на лавкахъ. Вотъ одинъ изъ парней увидѣлъ у дѣвушки на рукѣ кольцо.... подсѣлъ къ ней—и давай снимать съ руки силой. Если парень изъ богатаго дома и при томъ считается красавцемъ—дѣвушка обыкновенно отбивается только для примѣра; а въ умѣ принимаетъ это ухаживанье за честь для себя и конечно кольцо перейдетъ въ руки парня. Снятое парнемъ кольцо обыкновенно выкупается дѣвушкой постыдной цѣной. Напротивъ, если парень изъ бѣднаго дома и не отличается пригожествомъ, то за дерзость получаетъ иногда въ спину ударъ кулакомъ.

Въ церкви вотякъ отъ русскаго отличается, не только типомъ и одеждой, но еще и тѣмъ, что онъ, вотякъ, ставитъ свѣчку къ иконѣ идетъ съ женой и маленькими дѣтьми; самъ станетъ впереди, а жена и дѣти—позади его. Присутствуйте при мірскомъ сходѣ, гдѣ съ вотяками смѣшались и русскіе—вы опять замѣтите рѣзкое отличіе между вотякомъ и русскимъ: русскій кричитъ, какъ говорится, во все горло, готовъ заглушить другаго своимъ крикомъ, а вотякъ молчитъ хладнокровно, какъ будто онъ не членъ общества и въ сужденіи не долженъ принимать участія. Мы прежде сказали, что вотяки счастье полагаютъ въ дѣтяхъ, особенно сыновьяхъ. Поэтому, если у кого нѣтъ сыновей и дочь отъ сожительства съ холостымъ парнемъ подаритъ отца внучкомъ—отецъ это принимаетъ за счастье. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ деревень дочь зажиточнаго вотяка, не имѣющаго сыновей, подарила отца здоровымъ мальчикомъ, и онъ, отецъ ея, подарилъ дочери «на зубокъ» 30 рублей и отпраздновалъ рожденье внучка особенно блистательно.

Въ отношеніи предметовъ, являющихся вновь по части сельскаго хозяйства, жители очень любознательны. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1882 года священникъ мѣстной церкви, отецъ Василій Богдановъ, выписалъ изъ Казани жатвенно-косильную машину Узнавши это, вотяки приходили группами смотрѣть означенную машину и, разсматривая ее кругомъ, говорили съ удивленіемъ: Э, Инмарѐ! кинь лэнъ окмизъ сѝ мындѐ визьызъ? ялáмъ таѐ малпазъ дыръ немѝчь! (Господи, у кого хватило столько ума? все это, должно быть, выдумка нѣмца!). Къ другимъ же предметамъ, напримѣръ, къ явленіямъ природы, вотяки остаются равнодушны. «На что намъ это знать?» говорятъ они. «Умѣлъ бы добывать хлѣбъ, былъ бы сытъ, одѣтъ—и довольно!» Если предпринимаютъ какое либо дѣло, то сначала обдумываютъ, посовѣтуются между собой сосѣдъ съ сосѣдомъ или мужъ съ женой и потомъ приступаютъ къ дѣлу. Если нужно ѣхать въ городъ или въ заводъ съ хлѣбомъ или съ деньгами для покупокъ, то непремѣнно возьмутъ товарищей, а одни не поѣдутъ.

Обычаевъ, перешедшихъ отъ предковъ, придерживаются упорно; особенно твердо соблюдаютъ обряды жертвоприношеній.

Выдающіяся черты въ ихъ характерѣ—необыкновенная робость, сдержанность и скрытность въ выраженіи своихъ чувствъ. Замах-

нись на здѣшняго вотяка, ради шутки, русскій, и вотякъ въ моментъ станетъ въ тупикъ и чуть не задрожитъ. Веселъ онъ или грустенъ, богатъ или бѣденъ, или имѣетъ какое либо предпріятіе—не узнаешь; онъ все молчитъ, не хвастается и на судьбу не жалуется; спроси его и онъ скажетъ: «терпѣть надо!» Только рѣдкій скажетъ: «Богъ наказалъ». Выпытывай сколько угодно о томъ, есть ли у него деньги,—онъ никогда не скажетъ; бывали случаи, что тѣ вотяки, которыхъ считали безденежными, послѣ пожаровъ на мѣстахъ пепелища вырывали сотни рублей серебряныхъ монетъ, зарытыхъ ими въ землю гдѣ нибудь въ углу подполья, или объявляли извѣстную сумму потерянныхъ или сгорѣвшихъ денегъ. За робость русскіе составили о нихъ поговорку: вотякъ труслив҃ъ какъ заяцъ, смѣлъ какъ волкъ! Смѣлъ онъ бываетъ только въ состояніи опьяненія, когда уже довольно нагрузился кумышкой. Если обругаютъ его въ трезвомъ состояніи—онъ терпитъ; не умѣя говорить хорошо по русски, вотяки безъ возраженія переносятъ отъ русскихъ насмѣшки и презрительныя прозвища: вотская мышь! слѣпая мышь! На сходѣ человѣкъ десять русскихъ легко перекричатъ пятьдесятъ и болѣе человѣкъ вотяковъ и перевѣсъ всегда остается на сторонѣ русскихъ.

Въ послѣднее время въ вотякахъ замѣтна склонность къ грамотности, на что они оказываются способнѣе русскихъ; въ тѣхъ селеніяхъ, которыя далеки отъ земскихъ школъ, вотяки нанимаютъ частныхъ учителей, для обученія дѣтей грамотѣ, особенно письму, и уже открыты во всѣхъ селахъ, по собственному желанію ихъ, школы, въ которыхъ каждый годъ обучается около 70 мальчиковъ и до 10 дѣвочекъ.

Строенія и жилища.

Вотяки строятся безъ плана, поэтому строенія ихъ разбросаны вездѣ—и по срединѣ двора, и по задворкамъ, гдѣ попало; улицы узки, идутъ извилинами.

Строенія всѣ деревянныя, бревенчатыя; избы ставятся на мху, поднимаютъ ихъ обыкновенно помочью въ 15—20 человѣкъ. Послѣ основанія дома въ передній уголъ на третье бревно хозяинъ дома, перекрестившись, кладетъ серебряную монету около 20 коп., завернувши ее въ холстину; а если хозяинъ человѣкъ бѣдный—кладетъ

монету мѣдную, причемъ что то говоритъ про себя. Положивши монету въ уголъ и покрывши ее мхомъ, хозяинъ отрѣзываетъ отъ цѣльнаго коровая небольшую горбушку и дѣлитъ между всѣми, участвующими въ подъемѣ. У кого есть состояніе—угощаетъ водкой, если нѣтъ кумышки. Угощеніе помочанамъ бываетъ простое: кисель, щи, пирожки и проч.; поятъ еще кумышкой и пивомъ. Когда изба срублена, опять приглашаютъ сосѣдей на помочь бить печь изъ сѣрой глины. Предпочитаютъ обыкновенно молодыхъ людей, въ разсчетѣ, что молодые немного выпьютъ кумышки. Мальчишки и дѣвчонки возятъ глину, а взрослые бросаютъ ее чрезъ окна лопатами въ избу, если окна не высоки; въ противномъ же случаѣ носятъ на носилкахъ. Дѣвушки же, собравшись въ одну группу, толкутъ глину палками, при чемъ поютъ пѣсни чтобы работа шла весело; толченую глину бросаютъ мужики на деревянные своды, сдѣланные въ родѣ опрокинутаго ящика и тамъ бьютъ деревянными молотами, называемыми чокмаръ. Сбивши печь, садятся за общій столъ и начинаютъ обѣдъ, во время котораго женщины безпрерывно угощаютъ гостей кумышкой, а изрѣдка и пивомъ. Къ ночи въ сбитую печь запираютъ пѣтуха и выпускаютъ его около обѣда. Въ избѣ выше оконъ, вдоль стѣнъ, устраиваются полки, а ниже оконъ—лавки для сидѣнья; въ переднемъ углу—божница съ одною или нѣсколькими иконами Николая Чудотворца, Богородицы или Спасителя; больше иконъ съ изображеніемъ Николая Чудотворца, такъ какъ къ нему имѣютъ особенное усердіе и уваженіе; въ переднемъ же углу стоитъ столъ своей работы, а у стола—стулъ, на который женщины, особенно снохи, не имѣютъ права садиться; здѣсь сидитъ только хозяинъ дома во время обѣдовъ и угощеній гостей. Печь стоитъ въ углу на заднемъ планѣ. По угламъ, кромѣ передняго, устраиваются пустыя нары въ родѣ ящиковъ и здѣсь лежатъ постели женатыхъ; въ нарахъ хранится разная рухлядь и кумышка, а у нѣкоторыхъ—шкатулки съ деньгами. Третью часть пространства выше оконъ и дверей вровень съ полками занимаютъ палати, на которыя взбираются по лѣстницѣ, устроенной у самыхъ дверей, ведущихъ въ избу; у печи сдѣлана дверь съ заборкою, изъ которой спускаются по лѣстницѣ въ подполье. На вышку взбираются по веревкамъ, привязаннымъ къ стропиламъ крышъ.

Къ надворнымъ строеніямъ относятся слѣдующія: клѣть, гдѣ хранится вся одежда и лѣтомъ спятъ молодые люди; для каждаго женатаго устраиваются особыя клѣти; рядомъ съ клѣтью стоитъ амбаръ для хлѣба и муки; дальше амбаровъ въ сторонѣ стоятъ конюшни и хлѣвы для скота, за ними—шалашъ куа, посвященный богу Воршуду; дальше всѣхъ строеній стоитъ шалашъ для варенья зимой кумышки. У конюшенъ устраиваются крыши для храненія подъ ними телѣгъ и будничной сбруи. Въ срединѣ ограды стоитъ столбъ съ прибитыми къ нему гвоздями для привязыванія лошадей.

Дворы обносятъ заборами или просто пряслами; ворота дѣлаютъ простые, въ родѣ полевыхъ воротъ, а у болѣе зажиточныхъ—съ крышами.

Одежда.

Лѣтомъ въ будніе дни, мужскую одежду составляютъ: 1) штаны; 2) бѣлая, холщевая рубаха, подпоясанная подъ брюхо шерстянымъ пояскомъ, сплетеннымъ женщинами; на пояскѣ носятъ небольшую кожанную сумочку—тылъ дурсы̀, гдѣ хранится кремень, трутъ, огниво или спички; 3) сѣрый или бѣлый сукманъ, сшитый халатомъ; сукма̀нъ опоясываютъ ремнемъ въ вершокъ шириною съ мѣдными пряжками; на ремнѣ скобкообразное кольцо для топора, который носятъ на лѣвомъ боку, а на правомъ ножъ въ ножнахъ, сплетенныхъ изъ лыка; рядомъ съ ножнами виситъ цѣпочка или ремешокъ для коточика. На головѣ носятъ синій суконный колпакъ цилиндрической формы; колпаки эти шьютъ самй мужики. Кромѣ колпаковъ половина жителей носитъ бѣлыя конусообразныя съ широкими полями шляпы на подобіе шляпъ казанскихъ татаръ. Обувью служатъ лапти (кутъ) и холщевыя онучи.

Въ праздничные дни молодые люди, особенно грамотные, носятъ бѣлые сукманные пиджаки и чапаны съ борами, обшитые черной тесьмой, съ бархатнымъ или плисовымъ воротникомъ: рубашка чуть не у каждаго бываетъ ситцевая, красная; на головѣ непремѣнно суконный картузъ.

Зимою, кромѣ штановъ и рубахи, мужчины носятъ: 1) тэдидукѐсъ—бѣлый зипунъ изъ овечьей шерсти; 2) шуба̀—дубленый полушубокъ; 3) шапка̀—шапка черная мерлушчатая съ суконнымъ конусообразнымъ околышемъ; 4) уръ-эгъ-штыръ—бѣлые суконные

онучи; 5) бинялъ-тонъ—суконныя подвертки; 6) Гынъ-сапёгъ—бѣлые валенки; 7) кутъ—лапти и 8) кутторъ—шерстяные наличники, надѣваемые поверхъ онучи на ступню.

Въ праздничные дни взрослые и молодые люди опоясываются цвѣтными гарусными опоясками, и иные на руки надѣваютъ перчатки, а на шею шарфъ. Болѣе зажиточные покрываютъ полушубки чернымъ и сѣрымъ сукномъ, и это составляетъ для нихъ своего рода щегольство.

Женщины и дѣвушки носятъ лѣтомъ въ будни: 1) бѣлую холщевую рубаху съ красными каймами; 2) сшитый изъ лоскутковъ нагрудникъ—мурезъ-азъ; 3) штаны; 4) холщевый или ситцевый фартукъ—азъ-кышетъ; 5) тонкій бѣлый сукманъ; 6) бѣлые холщевые чулки—дэра-чуглесъ, сшитые мѣшкомъ; 7) кутторъ—надѣваемые на ступню наличники и 8) лапти. Голову покрываютъ татьею—подургà, которая спереди спускается до половины лба, а сзади—ниже поясницы; на подургу накидываютъ ситцевый платокъ—кышётъ.

Въ праздники надѣваютъ еще 1) бѣлое холщевое, отдѣланное по подолу разными вышивками, платье съ ситцевыми рукавами; 2) конь-доло-вѐсь—ожерелье изъ крупныхъ серебряныхъ монетъ цѣнностью до 40 рублей; ожерелье это покрываетъ грудь до пояса; 3) угы—серьги изъ рублевыхъ монетъ по двѣ штуки у каждаго уха. Серьги эти женщины привязываютъ къ подургѣ, а дѣвушки къ татьѣ. Дѣвушки съ 13 лѣтъ носятъ татью изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, рублей на 30. Кромѣ дѣвушекъ татьи носятъ и молодыя женщины до беременности. 4) Посъ-кесъ—браслеты мѣдные или бронзовые.

Дѣвушки волосы заплетаютъ въ одну косу, какъ и русскія, а женщины въ двѣ косы и эти косы завиваютъ въ кружки рядомъ съ ушами. Старухи носятъ на головѣ, поверхъ подурги—небольшой шелковый платокъ—іыръ-котыръ и іыръ-іылъ-кышетъ—бѣлую холщевую повязку съ красными концами. Повязку эту надѣваютъ на темя, а концы спускаютъ по спинѣ.

Зимою женскую одежду составляютъ, кромѣ холщевой рубахи, штановъ и фартука, еще 1) дукѐсъ—зипунъ съ борами, бѣлый или сѣрый; 2) сукманъ—бѣлый или сѣрый съ борами. Эти два платья надѣваются одно на другое: или сукманъ на зипунъ, или зипунъ

на сукманъ. 3) Кышетъ—ситцевый платокъ; 4) бадзь-ымъ-кышетъ—шаль, надѣваемая на ситцевый платокъ; 5) урдэгъ-чуглэсъ—бѣлые суконные сшитые чулки и 6) куттоъ. Въ холодное время зимой женщины носятъ коротенькіе валенки, а на руки надѣваютъ замшевыя рукавицы.

Нарядная одежда отъ простой ничѣмъ не отличается, только въ праздники надѣваютъ одежду поновѣе.

Бѣлье не стираютъ, а толкутъ деревянными пестами въ деревянной ступкѣ.

Пища и питье.

Пища жителей самая простая, однообразная: ѣдятъ обыкновенно жидкіе щи съ ячменной крупой, смѣшанной съ третьей частью простаго сѣраго гороха; у кого ведется скотина, ѣдятъ скоромные щи съ мясомъ; постовъ не соблюдаютъ. Въ праздники колютъ свиней, козъ, овецъ и быковъ, а зимой у всякаго вотяка есть птицы: гуси, утки, которыхъ колютъ по двадцати и по тридцати штукъ къ зимѣ. Если заколютъ барана, быка или свинью, то сзываютъ гостей изъ родныхъ и знакомыхъ, для которыхъ варятъ по полпуду мяса, а тѣ, въ свою очередь, считаютъ непремѣнною обязанностью отпотчивать такимъ же мясомъ до сыта. Въ праздники стряпаютъ также шаньги, перепечи, блины, а къ Рождеству Христову заготовляютъ пельмени на весь праздникъ пудовки по двѣ и по три; пельмени ѣдятъ безъ уксусу и перцу. Лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, ѣдятъ кислое молоко, толокно, завариху съ масломъ, рѣдьку и лукъ съ квасомъ. Блины считаютъ непремѣнною принадлежностью обѣдовъ при моленьяхъ, поминкахъ и жертвоприношеніяхъ.

Ѣдятъ по три раза въ день; утромъ, въ полдень и вечеромъ, а лѣтомъ ѣдятъ по четыре раза. Мущины и дѣвушки ѣдятъ за столомъ, сидя на лавкахъ, а хозяинъ дома сидитъ на стулѣ, на который никто изъ женщинъ не имѣетъ права садиться; бабы и ребятишки ѣдятъ на лавкахъ у окошекъ; старики и старухи ѣдятъ тоже отдѣльно, изъ особой посуды. Женщины до и послѣ обѣда не молятся и не крестятся; а мущины, помолившись немного говорятъ: я, тàу, Инмаре, тàу! (ну, спасибо, Господи, спасибо!).

На столѣ у нихъ постоянно лежитъ коровай хлѣба и ребятишки и бабы часто, подходя къ столу, отрѣзываютъ куски и ѣдятъ, такъ что у нихъ мало бываетъ такого времени, когда кто-нибудь не жевалъ бы хлѣбъ. Бабы часто стоятъ у печи, грѣясь и жуя хлѣбъ. Питьемъ служитъ квасъ, разведенный въ высокихъ кадцахъ, сдѣланныхъ изъ дуплистыхъ липъ, на подобіе пчелиныхъ ульевъ.

Употребляя въ пищу всѣхъ домашнихъ животныхъ, кромѣ кошекъ и собакъ, считаютъ чистымъ и мясо коня, но ѣдятъ мясо этого животнаго только во время жертвоприношеній въ лѣсахъ, а дома въ пищу не употребляютъ; впрочемъ, годъ отъ году болѣе и болѣе замѣчается въ молодомъ, особенно грамотномъ народѣ, отвращеніе къ мясу этого животнаго. Изъ звѣрей считаютъ чистыми: зайца, векшу, оленя, а нѣкоторые и медвѣдя; про собаку и кошку говорятъ, что ихъ можно бы ѣсть, да у собаки шерсть не чиста, а у кошки языкъ не чистъ. Изъ крупныхъ птицъ считаютъ нечистыми: ворона, сороку и ястреба, а мелкихъ птицъ ѣдятъ всѣхъ безъ разбору. Про сороку говорятъ, что ее можно бы ѣсть, да колдуны оборачиваются въ нее; журавля не убиваютъ, говоря, что умретъ жена; а убить лебедя считаютъ великимъ грѣхомъ, влекущимъ за собою наказаніе Божіе, несчастіе;—говорятъ, что кто хочетъ убить лебедя, то убей лучше пару, т. е. самца и самку: это еще не большой грѣхъ; но если кто убьетъ только самца или самку, тотъ человѣкъ не избѣжитъ несчастія, потому что жалобы лебедей сильны передъ Создателемъ и вопіютъ объ отмщеніи. Одинъ вотякъ передалъ мнѣ слѣдующій разсказъ: однажды охотникъ увидѣлъ на рѣкѣ весной двухъ лебедей—самку и самца и вотъ, зарядивъ ружье, застрѣлилъ самку на поваль. Видя самку убитою, самецъ закричалъ жалобнымъ тономъ и, поднявшись высоко на воздухъ, стремглавъ спустился внизъ подобно камню и, ударившись о землю, убился. Охотникъ, который убилъ лебедку, вскорѣ потомъ запился водкой.

Кушанья.

1) Шыдъ—жидкіе щи съ крупой и горохомъ. 2) Быдэсъ шыдъ—щи, въ которыхъ сваренъ гусь или утка, для гостей 3) Джукъ—густая каша изъ ячменной крупы съ кусками вяленой го-

вядины. 4) Нугылэзнъ шыдъ—щи съ горохомъ и тѣстомъ, скатаннымъ въ катышки на подобіе піявокъ. 5) Лапша́—тоже, что и русская лапша изъ мелко искрошеннаго слоенаго тѣста. 6) Ело джукъ—каша на молокѣ. 7) Киса́ль, и 8) керча́лъ—овсяный кисель. 9) Сезь пызь—завариха изъ толокна или ячменной муки; ѣдятъ съ масломъ. 10) Пельнянь—пельмени со свининой, но тѣсто изъ ржаной муки, безъ яицъ. 11) Перепе́чь—маленькія мясныя ватрушки, т. е. шаньги. Приготовляютъ ихъ такъ: изрубятъ въ корытѣ не такъ мелко, какъ на пельмени, жирную говядину, положатъ туда нѣсколько яицъ и посоливъ, разводятъ на водѣ жиже, чѣмъ на пельмени; затѣмъ дѣлаютъ изъ тѣста круглые сочни, какіе дѣлаютъ для маленькихъ шанегъ, на подобіе крышекъ отъ банокъ изъ подъ помады, величиной около вершка и болѣе въ поперечникѣ; сочни эти кладутъ на горячія сковороды и наполняютъ ихъ посредствомъ ложекъ изрубленной и разведенной говядиной и потомъ жарятъ на горячихъ угольяхъ въ печи. Такіе же перепечи стряпаютъ и съ кровью животныхъ и съ конопляннымъ сѣменемъ. 12) Кварнянь—прѣсные небольшіе пирожки съ изрубленной говядиной или съ кишками животныхъ. 13) Таба́нь—большія овсяныя и яровыя лепешки, покрывающія всю поверхность сковороды. 14) Пичи таба́нь,—маленькія лепешки изъ пшеничной муки. 15) Кеньызю ничи́ таба́нь—такія же лепешки съ крупой. 16) Картовкоёнъ пичи́ таба̀нь—лепешки съ картофелемъ. 17) Мильымъ—блины яичные или пшеничные. 18) Шаньги́—шанги съ картофелемъ или крупой, на кисломъ тѣстѣ. 19) Пичи шаньги́—ватрушки, т. е. маленькія шанежки съ картофелемъ или крупой. 20) Шу киса́ль,—калиновый кисель; варятъ на водѣ съ солодомъ. 21) Шу энь на́нь—пироги съ калиной. Дѣлаютъ чашкообразные сочни и наполняютъ ихъ калиной, смѣшанной съ равнымъ количествомъ солоду; разводятъ эту смѣсь на водѣ такъ, чтобы было густо, какъ каша; наполнивши сочни этой массой, сверху покрываютъ круглыми плоскими сочнями и края нижнихъ и верхнихъ сочней защипываютъ пальцами такъ, чтобы изъ пирога наружу воздухъ не проходилъ. Пироги эти величиной, какъ короваи хлѣба, пекутся въ печи съ утра до вечера, но ѣдятъ ихъ на другой день. 22) Съиленъ-нянъ—пирогъ съ говядиной. 23) Палэзенъ-ня́нъ—пирогъ съ рябиной. 24) Эмазе́нъ-нянь—пирогъ съ малиной. 25) Губіэнъ-нянь—пирогъ съ грибами.

26) Воинъ незь тэшъ—калачики, изжаренные въ маслѣ. 27) Юача—овсяный хлѣбъ, величиной съ калачъ, но круглый, съ небольшой ямкой въ срединѣ, куда, во время печенья, кладутъ небольшой кусокъ сала. 28) Чарыгень-нянь—пирогъ съ рыбой. 29) Колзё—сырое тѣсто изъ овсяной муки съ ягодами: съ черемухой, смородиной или рябиной. Это—десертъ. 30) Кэнэменъ пезьтэмъ—конопляное сѣмя, сваренное въ суслѣ такъ густо, какъ икра; цвѣтомъ темнокоричневое. Это тоже десертъ.

Напитки.

1) Сюкась—квасъ. Приготовляютъ его такъ: нальютъ въ горшокъ или въ чугунку воды, всыплютъ туда мякины съ отрубями горсти двѣ три солоду, смѣшаютъ все это и поставятъ на ночь въ печь. Утромъ эту кашицу перельютъ въ кадцу, разведутъ ее холодной водой—и чрезъ однѣ сутки квасъ готовъ. Цвѣтомъ этотъ квасъ бѣловатъ.

2) Суръ—пиво. Способъ приготовленія таковъ же, какъ и у русскихъ, но часто безъ хмѣля; на вкусъ этотъ напитокъ какъ плохой уксусъ, смѣшанный съ водой; нѣкоторые вмѣсто хмѣлю кладутъ древесные грибы, изъ которыхъ дѣлаютъ трутъ для добыванія огня.

3) Кумушка—кумышка. Это любимый охмѣляющій напитокъ у всѣхъ вообще вотяковъ; онъ мутнаго цвѣта, съ непріятнымъ сивушнымъ запахомъ и кисловатымъ вкусомъ. Кумышку варитъ каждая женщина для себя, лѣтомъ и зимой; лѣтомъ варятъ въ поляхъ и у лѣсовъ, гдѣ протекаетъ рѣчка, а зимой—въ шалашахъ, находящихся на дворахъ позади всѣхъ строеній. На кумышку дѣлаютъ солодъ изъ охвостьевъ, отдѣляемыхъ отъ хорошаго жита при вѣяніи, поэтому и кумышка отъ такого хлѣба хорошо не удается. Заводъ для кумышко-куренія устраивается такъ: по срединѣ шалаша на подставкахъ кадца вышиной около полуторыхъ аршина и шириной около аршина, а въ разстояніи трехъ четвертей аршина отъ кадцы—чугунный котелъ, вмѣщающій ведеръ пять или болѣе жидкости; котелъ этотъ закрывается двумя деревянными полукружіями; на одномъ изъ этихъ полукружій—гвоздь, служащій ручкой, для того, чтобы удобно было закрывать полукружіемъ котелъ и откры-

вать въ случаѣ надобности; на другомъ полукружіи, лежащемъ въ той сторонѣ, гдѣ стоитъ кадка, продѣлано круглое отверстіе съ четверть аршина въ поперечникѣ; отверстіе это закрывается глинянымъ горшкомъ, опрокинутымъ на края отверстія; въ срединѣ опрокинутаго горшка опять небольшое круглое отверстіе; въ это отверстіе вкладывается деревянная трубка, другой конецъ которой соединяется съ мѣдной трубой, проведенной чрезъ отверстія кадцы наклонно. Въ котелъ наливаютъ приготовленный заторъ и варятъ до тѣхъ поръ, пока чрезъ горшокъ и трубы не пойдетъ одна кисловатая вода; потомъ брагу изъ котла выливаютъ и вмѣсто нея наливаютъ опять свѣжаго затору; когда кончится заторъ, тогда, вмѣсто него, наливаютъ полученную кисловатую воду и отъ этой воды первой гонки получается уже кумышка; эту кумышку еще перегоняютъ и получаютъ кумышку опять крѣпче; чѣмъ больше перегоняютъ, тѣмъ кумышка бываетъ крѣпче, но за то кумышки получается меньше. Края полукружій, соединяющихся съ краями котла и деревянной трубы съ горшкомъ и съ мѣдной трубой, замазываются тѣстомъ для того, чтобы воздухъ изъ котла въ наружу и изъ наружи въ котелъ не могъ проходить. Заторъ приготовляютъ такъ: горячую воду льютъ въ кадцу и разводятъ ее холодной водой такъ, чтобы она была не теплѣе парнаго молока; потомъ въ эту кадцу сыплютъ солоду и даютъ остынуть; въ эту массу кладутъ ковша два три дрожжей, называемыхъ шэмъ и чрезъ сутки заторъ готовъ. Дрожжи дѣлаютъ такъ: въ горячую воду сыплютъ солоду и даютъ остынуть; послѣ этого кладутъ туда квасную гущу и даютъ этой массѣ однѣ сутки времени на броженіе; если пѣна поднимется кверху хорошо, то значитъ дрожжи удались. Надъ кумышкой вотяковъ Сосновскаго края сосѣдніе вотяки Поломскаго края Глазовскаго уѣзда смѣются, говоря, что сосновская кумышка— зынъ ву, зынъ сюкась, т. е. вонючая вода, вонючій квасъ. Дѣйствительно, кумышка здѣшнихъ вотяковъ уступаетъ кумышкѣ вотяковъ Глазовскаго уѣзда. Глазовская кумышка, особенно изъ Балезинско-Поломскаго края (по Вятско-Пермскому тракту) не уступитъ и очищенной водкѣ, какъ крѣпостью, такъ запахомъ и прозрачностью: они очищаютъ ее черезъ березовый уголь, сукно и песокъ, чего Сосновскіе вотяки не умѣютъ дѣлать.

4) Мумъ-сўръ—медовое. Въ бураки и другія посудины, въ ко-

торыхъ былъ медъ, льютъ теплую воду, квасъ или пиво (а иные кладутъ еще туда комка два воску, изъ котораго выжатъ медъ) и этими жидкостями ополаскиваютъ посудину и медовое готово. Хорошаго меду на это не употребляютъ.

5) Шуныть кумушка—теплая кумышка. Кумышку наливаютъ въ чайникъ и ставятъ въ печь или на горячую золу съ угольями; когда согрѣется кумышка, подслащиваютъ ее медомъ или сахаромъ и напитокъ готовъ. Такой кумышкой потчуютъ только болѣе милыхъ гостей.

6) Шеръ бетъ—простая вода, подслащенная медомъ; это, впрочемъ, не напитокъ, а кушанье, потому что его подаютъ на обѣдъ.

7) Суръ ву—березовая вода, получаемая весной изъ березъ. Чтобы получить изъ березы эту воду, дѣлаютъ на ней насѣчки, а чтобы вода бѣжала въ посудину—въ буракъ или ведро, подъ насѣчки придѣлываютъ небольшіе желобки.

Содержаніе семьи.

Содержаніе семьи, состоящей примѣрно изъ 10 человѣкъ, считая и дѣтей съ 7 лѣтъ, стоитъ въ годъ около 200 рублей.

Всѣ жизненныя средства жители получаютъ съ хлѣба, который, за исключеніемъ потребнаго количества на свое пропитаніе, продаютъ на мѣстахъ хлѣбнымъ торговцамъ; на прихоти и домашніе расходы выручаютъ деньги за сѣно, дрова, льняное и конопляное сѣмя, за медъ, воскъ и проч. Вышеозначенная сумма по предметамъ нужды распредѣляется такъ:

	Руб.	Коп.
1) Хлѣба 60 пуд. въ годъ *)	48	—
2) Соли 5 пуд.	2	—
3) Говядины 20 пуд.	40	—
4) Желѣза (ножъ, топоръ, ральники, косы, серпы и проч.)	3	—
5) Толокна 5 пуд.	10	—
6) Гороху 8 пуд.	6	—
7) Крупы 10 пуд.	8	—
8) Одежда	10	—

*) Количество хлѣба, нужное для прокормленія 10 человѣкъ, должно быть больше указаннаго авторомъ. *Ред.*

9) Обувь		5	—
10) Деготь		—	40
11) Свѣчи и керосинъ		1	50
12) Вино		20	—
13) Табакъ		1	50
14) На чай и сахаръ		5	—
15) На уплату податей, земскихъ и мірскихъ сборовъ.		30	—

Изъ этихъ предметовъ: хлѣбъ, говядина, толокно, горохъ, крупа, одежда (кромѣ женскихъ платковъ, мужскихъ опоясокъ, шапокъ, рукавицъ), обувь (кромѣ сапоговъ) получаются дома, а остальное пріобрѣтается за деньги въ Ижевскомъ и Воткинскомъ заводахъ и на базарахъ.

Занятія жителей.

Жители занимаются только хлѣбопашествомъ; другихъ коренныхъ занятій у нихъ нѣтъ. Сѣютъ озимую рожь и яровые хлѣба: ячмень, овесъ, пшеницу, горохъ; кромѣ того, сѣютъ еще ленъ и коноплю; если есть у кого новыя расчистки, сѣютъ рѣпу. Тридцатая часть жителей имѣетъ и пчелъ отъ двухъ до двадцати чурокъ и изъ каждой чурки добываютъ меду каждый годъ отъ 10 фунтовъ до 2 пудовъ; соты подрѣзываютъ два раза въ годъ: весной послѣ Благовѣщенія и осенью послѣ страды. Озимую рожь сѣютъ около 5-го августа, а яровые хлѣба послѣ Егорьева дня (23-го апрѣля); конечно и ленъ сѣютъ послѣ яровыхъ посѣвовъ, а рѣпу—еще позже.

Занятія жителей по временамъ года распредѣляются такъ:

а) Занятія весеннія и лѣтнія. Послѣ окончанія молотьбы хлѣба, пока не просохнетъ земля, мужчины рубятъ въ лѣсахъ дрова, возятъ сѣно съ луговъ и полей, а женщины ткутъ холсты; затѣмъ, когда просохнетъ земля, мужчины сѣютъ хлѣбъ, а женщины бѣлятъ холсты, шьютъ новое бѣлье, варятъ кумышку, а тамъ садятъ въ огородѣ картофель, лукъ, рѣдьку, свеклу, морковь, калегу и капусту. Дѣвушки по вечерамъ, до самаго сѣнокоса, поютъ на площадяхъ хороводныя пѣсни; туда же ходятъ и парни съ гармониками. Съ Петрова дня по Ильинъ день идетъ сѣнокосъ, а съ Ильина дня наступаетъ жатва; сначала жнутъ рожь, а потомъ—

овесъ; снопы вѣшаютъ на колья, а грудокъ и суслоновъ не кладутъ. Около 5-го августа, когда мужчины сѣютъ рожь, на полосахъ увидишь только однѣхъ женщинъ. Пчеловодъ въ жаркіе дни, во время сѣнокоса, караулитъ рои въ своихъ пчельникахъ и пересаживаетъ ихъ въ новыя чурки.

б) Занятія осеннія. Послѣ уборки хлѣбовъ мочатъ въ рѣчкахъ коноплю и липовые лубья на мочало; женщины снимаютъ ленъ, который стелятъ по воскресеньямъ во время страды; снявши его, сушатъ въ баняхъ и ломаютъ; когда ленъ готовъ, у дѣвокъ начинаются посидѣлки въ баняхъ; туда же ходятъ и парни плесть лапти и любезничать съ дѣвушками. Мужчины взрослые въ избахъ плетутъ лапти, вьютъ веревки, дѣлаютъ сани и проч., а днемъ ѣздятъ въ лѣсъ за дровами, возятъ навозъ, расчищаютъ новыя мѣста; нѣкоторые занимаются звѣроловствомъ въ лѣсахъ, принадлежащихъ казнѣ и заводамъ, Воткинскому и Ижевскому, въ которыхъ водятся медвѣди, волки, лисицы, рыси, олени и мелкіе звѣри: бѣлки, куницы, горностаи, выдры и проч. Женщины по вечерамъ какъ и дѣвушки, прядутъ ленъ, коноплю, сучатъ нитки.

в) Занятія зимнія. Съ наступленіемъ зимы до масляницы продолжается молотьба хлѣба, за исключеніемъ ненастныхъ дней; по вечерамъ женскій полъ прядетъ ленъ и пеньку, а мужчины плетутъ лапти, вяжутъ варежки. Днемъ кто занимается звѣроловствомъ, ставитъ капканы для зайцевъ, лисицъ, волковъ и ловушки для горностаевъ и чрезъ день, два ходитъ по снѣгу на длинныхъ лыжахъ смотрѣть эти ловушки, а кто возитъ дрова, снопы и проч. Произведенія своей сельской промышленности сбываютъ въ Воткинскій и Ижевскій заводы (тотъ и другой въ 40 верстахъ отъ села Сосновки).

Охота на птицъ и звѣрей.

Такъ какъ охота служитъ жителямъ только вмѣсто развлеченія, то и занимаются ею немногіе и то въ свободное время, именно осенью послѣ уборки хлѣбовъ и зимой въ воскресные дни.

Осенью стрѣляютъ изъ ружей, покупаемыхъ въ Ижевскомъ оружейномъ заводѣ, бѣлокъ, зайцевъ, рябчиковъ, тетеревей, глухарей и утокъ; для рябчиковъ, тетеревей и глухарей дѣлаютъ также волосяные силки, называемые *вы*. Силки эти ставятся на землѣ

или на кокорѣ (лежащее на землѣ дерево, вырванное съ корнемъ), или же на деревѣ. Устройство силковъ на землѣ таково: расчищаютъ мѣсто около одного аршина въ длину и полъаршина въ ширину и посыпаютъ его пескомъ. Среди этого мѣста вбиваются два небольшихъ колышка, одинъ отъ другаго на разстояніи съ четверть аршина; на эти колышки сверху кладутъ перекладину, а по бокамъ колышковъ дѣлаютъ заборчики вдоль всего посыпаннаго пескомъ мѣста; пространство между колышками представляетъ маленькія ворота. Къ срединѣ перекладины привязываютъ силокъ, который, образуя петлю, снизу поддерживается слегка воткнутымъ въ землю сучкомъ длиною около одного вершка. Для глухарей и тетеревей такіе силки дѣлаютъ побольше, чѣмъ для рябчиковъ. Птицы эти любятъ порыться въ пескѣ; увидя мѣсто, посыпанное пескомъ, спускаются къ нему, не замѣчая устроенной западни, сами лѣзутъ головой въ петлю и задушаются. На деревѣ или на кокорѣ силки дѣлаютъ такъ: привязываютъ кисти красныхъ ягодъ (рябины или калины) въ двухъ мѣстахъ, около одного аршина одна отъ другой; между этими кистями, въ срединѣ, дѣлаютъ посредствомъ кончика ножа небольшую щель и въ эту щель втыкаютъ заостренный конецъ тоненькаго сучка, длиною съ вершокъ, верхній конецъ котораго расщепленъ ножомъ; затѣмъ надъ этимъ сучкомъ или спичкой дѣлаютъ перекладину или, вмѣсто перекладины, пользуются живой вѣткой сосѣдняго дерева; къ этой перекладинѣ или вѣткѣ привязываютъ силокъ, который и вкладывается нижнимъ концомъ въ расщепленный конецъ сучка такъ, чтобы силокъ только чуть могъ держаться на немъ. Голодная птица, склевавши одну кисть ягодъ, идетъ къ другой, встрѣчаетъ на пути силокъ и, сунувъ голову, задушается. Для тетеревей дѣлаютъ у лѣсовъ конусообразныя ловушки, называемыя туръ-мордà; вбиваютъ въ землю нѣсколько кольевъ, образующихъ обращенный конусъ; круглое отверстіе вверху имѣетъ въ діаметрѣ около одного аршина, дно же воронки равняется только тремъ-четыремъ вершкамъ; отверстіе конуса покрывается овсяной соломой съ колосьями, а поверхъ ея кладутъ еще нѣсколько овсяныхъ колосьевъ. Голодная птица, увидя на соломѣ колосья съ зернами, садится на солому и падаетъ внизъ и оттуда при всѣхъ усиліяхъ не можетъ подняться кверху; пространство между стѣнками конуса не дозво-

ляетъ ей распустить крылья и она попадаетъ въ руки охотника живою.

Мелкихъ птицъ ловятъ въ особенные силки съ пружинками, называемые пижцы. Срубятъ молодую елочку, вышиной не менѣе двухъ аршинъ, очистятъ ее отъ верхнихъ сучьевъ, а на нижнемъ концѣ, въ разстояніи двухъ четвертей отъ него, оставятъ одинъ длинный сучекъ; къ этому сучку привязываютъ волосяной силокъ, пригибаютъ сучекъ къ колышку и продѣваютъ силокъ чрезъ небольшую дырочку, проверченную шиломъ въ концѣ колышка, по другую сторону котораго образуется кольцеобразная петля; со стороны петли въ дырочку втыкаютъ небольшую вѣточку такъ легко, чтобы только держалась петля до времени своего дѣйствія; а для того, чтобы птичка не могла садиться на конецъ колышка, его дѣлаютъ острымъ какъ шило. Прилетѣвши къ ловушкѣ, птичка садится на вѣточку, которая подъ тяжестью птички падаетъ и сучекъ-пружина, принимая прежнее положеніе, тянетъ силокъ и прижимаетъ ножки птички къ колышку. Птичка попадаетъ живою въ руки человѣка. Ловушки эти втыкаютъ по нѣсколько штукъ въ снѣгъ близь лѣсовъ и гуменъ, а для приманки бросаютъ мякины и сѣмянъ.

Кромѣ этихъ ловушекъ на гумнахъ ставятъ, для голубей и прочихъ птицъ, напримѣръ, куропатокъ, опять особаго рода силки. Къ небольшимъ дощечкамъ, аршинъ длиной и полъаршина шириной, прибиваютъ штукъ двадцать силковъ длиною съ четверть и, сдѣлавъ изъ нихъ петли, ставятъ ловушку на то мѣсто, гдѣ болѣе водится птицъ; а чтобы птицы не подозрѣвали покушеній, доску засыпаютъ мякиной и на верхъ сыплютъ зерна. Чтобы запутаться въ силокъ, птицѣ стоитъ только пройти одинъ разъ по доскѣ.

Для зайцевъ ставятъ капканы и дѣлаютъ, такъ называемые, кечьоры. Для такихъ ловушекъ выбирается въ лѣсу мѣсто, гдѣ стоитъ небольшая группа деревьевъ; между ними расчищается площадка длиною въ сажень и шириною въ полъаршина; по продольнымъ сторонамъ этой площадки кладутъ два бревна около одной сажени длиною, а между ними вбиваютъ два столбика одинъ противъ другаго, вышиною около полутора аршина; по сторонамъ бревенъ дѣлаютъ изгородь, какъ и у силковъ для глухарей; въ промежуткѣ между столбиками помѣщаютъ два длинныхъ бревна, каждое толщиною около четверти аршина въ поперечникѣ; передніе концы этихъ

бревенъ связываютъ веревкою, свитою изъ тонкихъ вѣтокъ, а заднie концы скрѣпляются съ лежащими параллельно съ ними боковыми бревнами; сверху столбики скрѣпляются перекладиной, на которую кладется палка длиною три четверти аршина; передній конецъ этой палки всовывается подъ веревку, связывающую бревна, которыя при этомъ съ земли подымаются, а къ заднему концу привязываютъ молодую ивовую вицу толщиной съ гусиное перо; другой конецъ вицы пропускается промежъ бревенъ и привязывается къ небольшому прутику, всунутому подъ лежащія бревна, поперекъ ихъ. Ловушка эта представляетъ пасть и зѣвъ звѣря; заяцъ, бѣгая въ поискахъ за пищею, видитъ вицу, заходитъ въ пасть и перегрызаетъ вицу; подъ тяжестью бревенъ палка сбрасывается съ перекладины и пасть, закрываясь, убиваетъ зайца.

Лисицъ, куницъ и норокъ ловятъ въ обыкновенные капканы, а волковъ въ большіе. На бѣлокъ ходятъ осенью съ собаками и бьютъ ихъ изъ ружей.

Горностаевъ ловятъ въ маленькіе капканы и въ простыя, но остроумно выдуманныя, ловушки подъ названіемъ налькъ. У изгородей, гдѣ бѣгаютъ эти звѣрки, кладутъ деревянную доску шириной съ полъаршина и длиной въ аршинъ и болѣе; у одного изъ ея концовъ, по бокамъ этой доски, вколачиваютъ одинъ противъ другаго два столбика, вышиною въ три четверти аршина; на этихъ столбикахъ скрѣпляютъ перекладину, а на другомъ концѣ доски, у самой средины ея, вколачивается въ землю колъ длиною въ четверть аршина. Къ этому гвоздю привязываютъ ободранное лыко шириною не менѣе одного дюйма и проводятъ его по срединѣ доски до другаго ея конца; на свободномъ концѣ лыка дѣлаютъ ножомъ нѣсколько зарубокъ; если же нѣтъ лыка, то вмѣсто него привязываютъ мочало, а вмѣсто зарубокъ дѣлаютъ узлы; къ лыку, по срединѣ его длины, привязываютъ кусокъ мяса или рыбы для приманки звѣрка; къ срединѣ верхней перекладины привязываютъ мочалку или веревочку, а къ другому концу веревочки привязываютъ небольшой клинышекъ величиною съ указательный палецъ; на нижнюю доску кладутъ другую такой же величины, но нѣсколько тяжелѣе; затѣмъ верхнюю доску поднимаютъ до половины столбиковъ и подпираютъ верхнимъ тупымъ концомъ клинышка, острый конецъ котораго задѣвается за зарубку на лыкѣ. Чуть только звѣ-

рокъ дотронется до приманки, клинъ соскакиваетъ съ зарубки, верхняя доска падаетъ на звѣрка и убиваетъ его.

На медвѣдей охотятся очень рѣдко.

Сватовство и свадебные обряды.

Когда жениху исполнится 16—17 лѣтъ, отецъ его, пригласивши кого-нибудь изъ родныхъ, ѣдетъ сватать присмотрѣнную для сына невѣсту, которую женихъ, можетъ быть, и не знаетъ, но согласія его не спрашиваютъ. Пріѣхавши къ невѣстѣ, садятся на лавку, говорятъ о томъ, о семъ; какъ гостей, ихъ сажаютъ за столъ, потчуютъ кумышкой, обѣдомъ и, если есть самоваръ, то и чаемъ. Если это первые сватовщики и случится при нихъ на столѣ цѣльный коровай хлѣба, то говорятъ, что это къ счастью, и невѣсту выдаютъ за перваго жениха; если же случится не цѣльный коровай, то выдаютъ невѣсту обыкновенно лишь за третьяго жениха. Послѣ обѣда товарищъ женихова отца вынимаетъ изъ-за пазухи табакерку съ табакомъ и потчуетъ табакомъ отца и мать невѣсты, давая тѣмъ знать, по заведенному обычаю, цѣль своего пріѣзда (впрочемъ, у иныхъ переговоры идутъ раньше). Родители невѣсты, по обычаю, не должны отказываться отъ понюшки табаку; нюхая табакъ, говорятъ, что отправить одну понюшку не бѣда. Попотчивавши табакомъ, товарищъ женихова отца кладетъ въ пазуху невѣстиной матери серебряный рубль и та, если согласна, беретъ монету, завертываетъ ее въ лоскутокъ кумачу и передаетъ невѣстѣ, которая отказаться уже не можетъ; затѣмъ послѣ матери, по старшинству, сватъ даетъ и прочимъ въ семействѣ кому 20 коп., кому 10, кому 5, а маленькимъ ребятишкамъ по 2 или по одной копѣйкѣ; если ребятишки недовольны подачкой, то просятъ прибавки. Кто изъ сосѣдей знаетъ, что въ домѣ идетъ сватовство, идетъ смотрѣть, за что получаетъ отъ сватовщиковъ копѣйку денегъ; потомъ сватовей сажаютъ за столъ и потчуютъ кумышкой, варятъ мясо и во время обѣда поютъ пѣсни; кумышкой сначала потчуетъ мать невѣсты, потомъ сама невѣста. Въ концѣ сидѣнія за столомъ невѣста подноситъ женихову отцу рюмку съ кумышкой и тотъ, взявши рюмку, говоритъ: я, таберé лу мыны́мъ кенъ! (ну, теперь будь мнѣ сноха!) и, выпивъ рюмку кумышки, даритъ невѣстѣ серебряный рубль; невѣста, принявши даръ

на правый рукавъ платья, кланяется будущему свекру въ ноги; попировавши до вечера, уѣзжаютъ.

Если женихъ и невѣста другъ друга еще не видѣли, то въ первый же праздникъ женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ въ гости и тамъ смотрятъ другъ друга; а какъ поглянутся другъ другу, невѣста даритъ жениху кисетъ своей работы (кошелекъ для денегъ). Когда жениху исполнится узаконенное для брака число лѣтъ (или раньше, если разрѣшитъ обвѣнчать по прошенію архіерей), отецъ жениха выряжаетъ калымъ отъ 20 до 100 рублей, а съ невѣсты выряжаютъ приданое изъ бѣлья, платья и проч. и затѣмъ вѣнчаютъ. Послѣ вѣнца никакихъ пирушекъ не бываетъ и молодые уѣзжаютъ каждый къ своимъ родителямъ, и такъ какъ, по понятіямъ ихъ, это еще не свадьба, то живутъ попрежнему, какъ чужіе; настоящая свадьба бываетъ въ Петровъ день, 29-го іюня, или на масляной недѣлѣ. Иные мало семейные сватаютъ когда жениху не болѣе пятнадцати лѣтъ и увозятъ невѣсту къ жениху до вѣнца; вѣнчаютъ, когда женихъ съ невѣстой уже успѣютъ пожить и послѣдняя забеременѣетъ.

Наканунѣ Петрова дня (а если свадьба бываетъ зимой на масляной недѣлѣ, то во вторникъ), отецъ жениха приглашаетъ изъ своей родни или знакомыхъ на свадьбу человѣкъ десять поѣзжанъ, изъ коихъ половина мущинъ и половина женщинъ; кромѣ того, приглашается въ тысяцкіе крестный отецъ жениха съ женой. Запрягаютъ самыхъ лучшихъ коней по парѣ въ каждую телѣгу, привязываютъ къ дугамъ по два колокольчика, а нѣкоторые къ уздамъ бубенчики; въ каждую телѣгу садится по два человѣка, одѣтыхъ въ лучшія платья; изъ двора на свадьбу провожаютъ сосѣди съ кумышкой и разными восклицаніями: дзечь вéтлэ! тудо-буро! (благополучно! счастливо!); жениха съ собой не берутъ.

Свадьба къ невѣстѣ обыкновенно пріѣзжаетъ вечеромъ; въ этотъ день никакихъ угощеній, кромѣ кумышки, не бываетъ; выпрягаютъ коней и отдыхаютъ. Невѣста бываетъ одѣта просто, какъ будто она не невѣста; поѣзжане на нее и она на поѣзжанъ не обращаютъ никакого вниманія. Вечеромъ одинъ изъ старшихъ поѣзжанъ спитъ на невѣстиной постели, а другіе гдѣ попало; невѣста спитъ съ матерью или съ другими женщинами, или же съ подружками. Тотъ, кто ночевалъ на невѣстиной постели, вставши утромъ, кладетъ одну или нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ подъ по-

душки невѣсты. Утромъ старшихъ поѣзжанъ сажаютъ за столъ, кормятъ завтракомъ и поятъ кумышкой; а молодые люди, составивши на полу кругъ, поютъ пѣсни изъ однихъ слоговъ: айдо шнэно и проч. При этомъ медленно расхаживаютъ кругомъ по солнцу; затѣмъ, когда выйдутъ изъ-за стола старшіе, сажаютъ молодыхъ; около обѣда идутъ въ баню; сначала сходятъ мужики, а потомъ—женщины.

Въ другихъ деревняхъ дѣлается такъ: когда пріѣдетъ свадьба, невѣста, нарядившись въ лучшій нарядъ, въ сопровожденіи своихъ подружекъ, идетъ прятаться въ поле во ржи, если свадьба бываетъ лѣтомъ, а если зимой, то на гумно; подружки ея берутъ съ собой кумышки; гдѣ спряталась невѣста, указываетъ кто-нибудь изъ семейныхъ, за что получаетъ въ даръ серебряную монету въ 20 или 10 копѣекъ. Нашедши невѣсту, поютъ пѣсни и надѣваютъ на нее платокъ съ кистями, которыя покрываютъ все лицо невѣсты, и идутъ домой; пришедши въ избу, говорятъ: гербэръ сяська шедь тъимъ!, (нашли Петровскій цвѣтокъ); само собою разумѣется, что это говорятъ только тогда, когда свадьба бываетъ въ Петровки.

Если кто изъ сосѣдей позоветъ въ гости, идутъ къ нему всѣ съ пѣснями; тамъ потчуютъ ихъ кумышкой и обѣдомъ.

Подъ вечеръ втораго дня накрываютъ большой столъ разною стряпней и щами; въ передній уголъ сажаютъ тысяцкаго рядомъ съ невѣстой. Ставятъ на столъ четвертную бутыль съ кумышкой и разные дары передъ каждымъ: женскому полу платки и шали, а мущинамъ сапоги, рукавицы и опояски. Получающіе подарки кладутъ на нихъ серебряныя деньги, кто сколько желаетъ, смотря по тому, каковы подарки; потомъ, взявши подарки въ руки, зовутъ къ столу отца и мать невѣсты и подносятъ имъ деньги на подаркахъ, а тѣ, поцѣловавши деньги, берутъ ихъ въ ротъ и изо рта кладутъ на правый рукавъ, а съ рукава въ лѣвую руку; при этомъ за подарки и за деньги другъ друга благодарятъ; кромѣ подарковъ, означенныхъ выше, даютъ по полотенцу каждому мущинѣ поѣзжанину, который и опоясывается имъ. Во все время обѣда дѣвушки и женщины поютъ пѣсни, а невѣста, сидя въ послѣдній разъ за столомъ родителей, воетъ во всеуслышаніе, причитывая жалобныя слова на родителей, что они отдаютъ ее въ чужія руки; тысяцкій, крестный отецъ невѣсты, утѣшаетъ ее, говоря, что не вѣкъ же ей

быть въ дѣвушкахъ. Тѣмъ временемъ неучаствующіе въ обѣдѣ мущины запрягаютъ коней и выносятъ сундуки и прочее приданое невѣсты; предъ выносомъ сундуковъ, братья или сестры невѣсты, садятся на нихъ и говорятъ, что они даромъ не дадутъ приданое; поѣзжане должны выкупить приданое, заплативъ копѣекъ пять или и того меньше. Когда все готово къ отъѣзду, невѣста выходитъ изъ-за стола, кланяется въ ноги отцу, матери и прочимъ въ семействѣ, прощается съ нѣкоторыми неодушевленными предметами въ избѣ и затѣмъ направляется къ двери; при этомъ отецъ, мать и прочіе плачутъ слезами, утѣшаютъ ее, говоря: не скучай милая, будемъ ѣздить къ тебѣ часто. Къ шапкамъ поѣзжанъ подружки невѣсты пришиваютъ лоскутки. Невѣсту провожаетъ столько же человѣкъ, сколько пріѣзжало отъ жениха.

Наконецъ свадебный поѣздъ трогается; если на пути случится деревня, въ которой есть знакомые или родственники жениха или невѣсты, то останавливаются на дорогѣ противъ ихъ дома и хозяева выходятъ потчивать поѣзжанъ кумышкой. Поѣзжане же изъ телѣгъ своихъ до мѣста не выходятъ. Къ пріѣзду свадьбы, дома у жениха, приготовляется обѣдъ и разныя угощенія. Свадьбу встрѣчаютъ въ иныхъ деревняхъ съ хлѣбомъ-солью отецъ и мать жениха, а въ другихъ—выходятъ встрѣчать только съ кумышкой нарядно одѣтыя женщины.

У жениха, какъ и у невѣсты, вечеромъ въ день пріѣзда никакихъ особенныхъ угощеній не бываетъ; выпрягаютъ коней, убираютъ приданое невѣсты и послѣ разговоровъ и пѣсенъ, продолжающихся около двухъ часовъ, ложатся спать; невѣста спитъ съ провожатыми женщинами на постели свекрови своей или золовокъ, а прочіе изъ поѣзжанъ спятъ на постели невѣсты, за что кладутъ утромъ подъ подушки деньги. На другой день утромъ, послѣ завтрака, идутъ съ пѣснями по сосѣдямъ, гдѣ угощаютъ ихъ кумышкой и обѣдомъ; женихъ же до вечера бываетъ въ сторонѣ. Подъ вечеръ накрываютъ большой столъ разными яствами и раздаютъ провожатымъ подарки отъ жениха, такъ же какъ раздавались и у невѣсты. Вечеромъ укладываютъ молодыхъ спать въ клѣть или въ отдѣльную избу на постель, при этомъ у присутствующихъ мущинъ отбираютъ шапки, а у женщинъ платки или фартуки и все это бросаютъ подъ подушки молодыхъ, говоря: пусть

будетъ молодымъ спать мягко. Шапки и платки выкупаютъ на другое утро женщины съ кумышкой, каковой потчуютъ поѣзжанъ, которые укладывали мододыхъ спать. Если провожатые встанутъ утромъ прежде молодыхъ, то молодаго штрафуютъ кумышкой, которой долженъ онъ выставить четверть ведра; пропировавши до вечера, запрягаютъ провожатымъ коней и въ послѣднiй разъ молодой выставляетъ имъ еще четверть водки или кумышки, за что ему даютъ денегъ кто 2 коп., кто 5 и т. д,; выпивши четверть ведра, провожатые уѣзжаютъ.

По отъѣздѣ провожатыхъ сосѣди жениха, мущины и женщины, идутъ поздравлять молодыхъ; молодушка потчуетъ ихъ, за что получаетъ денегъ отъ кого 1 коп., отъ кого 5 и т. д.; сосѣди говорятъ ей: ну теперь будь наша, не скучай! Свекоръ и свекровь даютъ ей по одному рублю. При угощенiи каждый говоритъ: курытъ! (горько!) и молодой долженъ поцѣловать молодушку. Всѣхъ денегъ у молодушки накопляется рублей 5—6, а у богатыхъ около 20 руб.

Когда провожатые прiѣдутъ домой, сосѣди съ женами идутъ ихъ потчивать кумышкой, говоря, что у нихъ съ похмѣлья болитъ голова; при этомъ смотрятъ подарки, полученные отъ жениха.

Куккóнъ (кража невѣстъ).

Кое гдѣ у вотяковъ, преимущественно въ Большепургинской сторонѣ, существуетъ обычай красть невѣстъ. Крадутъ невѣстъ или во избѣжанiе расходовъ на свадьбу или въ случаѣ несогласiя родителей выдать дочь за избраннаго ею жениха,—въ послѣднемъ случаѣ съ согласiя невѣсты; часто, впрочемъ, крадутъ и за нелюбимыхъ невѣстами, но богатыхъ жениховъ, когда родители невѣсты, предвидя большой кушъ калыма, изъявляютъ полное согласiе на бракъ противъ желанiя невѣсты. Кража происходитъ обыкновенно ночью и на другой же день въ мѣстной церкви совершается обрядъ вѣнчанiя. Если невѣста украдена безъ согласiя родителей, послѣднiе во всякомъ случаѣ вознаграждаются калымомъ щедрѣе обыкновеннаго и дѣло оканчивается миромъ; а невѣста, неизъявившая согласiя на вступленiе въ бракъ и объявив-

шая объ этомъ священнику, увозится обратно къ родителямъ. Въ одной изъ деревень Большепургинскаго прихода (кажется, въ Сепожѣ) украли невѣсту за богатаго, но не любимаго невѣстой, жениха и невѣста, не смотря ни на какія уговариванія со стороны жениха и родителей, на бракъ не согласилась. Женихъ же давалъ родителямъ и самой невѣстѣ 200 рублей.

При такихъ свадьбахъ никакихъ пирушекъ не бываетъ.

Обряды при рожденіи дѣтей.

Женщина вотячка, на четвертомъ или на пятомъ мѣсяцѣ беременности, считаетъ непремѣнною обязанностію наварить ко времени разрѣшенія своего отъ бремени, ведра три-четыре кумышки.

Чувствуя приближеніе родовъ, она посылаетъ за бабушкой, занимающейся повивальнымъ дѣломъ и велитъ топить баню; пока семейные топятъ баню, бабушка дѣлаетъ вокругъ постельки больной занавѣсъ, чтобы никто не видалъ больную, особенно новорожденнаго младенца, котораго, по понятіямъ жителей, всякъ можетъ сглазить.

Какъ только родится младенецъ, бабушка, исполнивъ всѣ свои обязанности, сообщаетъ отцу новорожденнаго; тотъ ставитъ на столъ вино или кумышку и всѣ семейные пьютъ, поздравляя новорожденнаго, который лежитъ въ пеленкахъ при матери. Односельцы, узнавши, что въ домѣ есть новорожденный, идутъ поздравлять его отца. Женщины идутъ со стряпней кормить роженицу, а мущины даютъ денегъ: кто копѣйку, кто двѣ, кто пять и т. д.; такимъ образомъ, набирается рублей до пяти, не болѣе. Затѣмъ начинается пирушка, которую называютъ *кабакъ*; продолжается она день и ночь безпрерывно въ теченіи трехъ-четырехъ сутокъ и во все время пирушки въ избѣ стоитъ табачный дымъ отъ куримыхъ трубокъ, во вредъ здоровью новорожденнаго. Если подъ конецъ не достанетъ кумышки, приходится брать уже въ питейномъ заведеніи.

Черезъ годъ или полтора, за каждаго ребенка приносятъ Воршуду рыбную жертву. Для каждой деревни родъ рыбы опредѣленъ давно, поэтому каждая деревня знаетъ свою рыбу, и, въ случаѣ нужды, платитъ за нее дорого, лишь бы найти.

Обряды надъ умершими.

Такъ какъ вотяки, особенно вотячки, вообще боятся мертвыхъ, то какъ только кто разстался съ душей, приглашаютъ сосѣдей; семейные оплакиваютъ покойника, а приглашенные дѣлаютъ гробъ, обмываютъ умершаго, надѣваютъ на него чистое бѣлье и на шею— мѣдный крестикъ. Положивъ тѣло въ гробъ, кладутъ мущинѣ шапку, рукавицы, денегъ, коточикъ и, кто курилъ табакъ, трубку и проч., приговаривая, что пусть онъ тамъ не нуждается въ этихъ вещахъ; женщинѣ кладутъ серебряныя монеты.

Когда покойникъ будетъ уже въ гробѣ, сосѣди идутъ провожать его съ кумышкой и, выпивая ее, говорятъ: дзечь улъ сoязъ дунье ынъ (хорошо живи на томъ свѣтѣ), затѣмъ отвозятъ покойника въ усыпальницу, находящуюся при церкви въ селѣ. Провожать покойника считаютъ обязанностію, говоря, что, если провожать покойника, то онъ, по смерти твоей, будетъ тебя встрѣчать на томъ свѣтѣ такъ же, какъ ты провожалъ его на землѣ, и будетъ онъ знакомить тебя съ тѣми мѣстами, гдѣ живутъ умершіе. Вѣря въ безсмертіе души, жители говорятъ, что кто жилъ на землѣ хорошо, т. е. богато, тамъ будетъ жить худо; кто жилъ худо, т. е. бѣдно, тотъ тамъ будетъ жить хорошо; грѣшниковъ будутъ мучить въ кипящей смолѣ.

Всѣ оставшіяся послѣ покойника вещи и немытую одежду бросаютъ на лубянкѣ въ лѣсъ или въ логъ.

Религія жителей.

Вотяки—христіане [1]), но при смутномъ понятіи о христіанской вѣрѣ, они совершаютъ молитвы и по языческимъ обрядамъ, перешедшимъ отъ предковъ.

Не имѣя никакого понятія о Пресвятой Троицѣ, вотяки говорятъ, что есть одинъ только Богъ—Инмаръ Кылдысинъ и что все сотворено имъ: но въ своихъ языческихъ молитвахъ они упомина-

[1]) Христіанство приняли здѣшніе вотяки назадъ тому около двухъ сотъ лѣтъ.

ютъ и другихъ боговъ. Такихъ боговъ у нихъ считается нынѣ шестнадцать, именно: 1) Гудырймумы—богиня грома, молній и тучъ; 2) Инъ вожо—богъ полдня; онъ господствуетъ только въ полдень, съ 20 іюня по 20 іюля; ему никакой жертвы не приносятъ, а почитаютъ его только однимъ соблюденіемъ тишины въ полдни; онъ не любитъ чернаго цвѣта, шуму, работы; поэтому въ полдни не велятъ рвать цвѣты, траву, рыть землю. Если кто нибудь во время Инъ-вожо будетъ рвать траву, цвѣты, или вынесетъ изъ избы котелъ, чугунъ и проч., будетъ черпать ими воду изъ рѣчекъ и взойдетъ послѣ этого туча, говорятъ, что онъ прогнѣвалъ Инъ вожо, показавъ черный цвѣтъ; 3) Инъ вў—богъ дождя; 4) Му кылдысинъ—богъ земли. 5) Утысь—богъ-хранитель скота; болѣзнь колтунъ, состоящую въ перепутываніи гривы у лошадей, приписываютъ его продѣлкамъ; говорятъ: «любитъ, потому и путаетъ»; 6) Кереметъ—богъ зла. 7) Шайтанъ—нечистый духъ; ему приносятъ жертву въ случаѣ болѣзней людскихъ, по совѣту ворожецовъ; 8) Акшанъ—богъ сумерекъ. Онъ не любитъ во время сумерекъ никакой работы, ни шуму, ни ѣды и проч., а требуетъ, чтобы въ эту пору только лежали; 9) Воршудъ — богъ счастія семейной жизни. 10) Нюлэсъ-Муртъ—богъ лѣсовъ и вѣтровъ (у русскихъ—лѣшій); его представляютъ страшнымъ великаномъ, ходящимъ въ вихрѣ; въ завѣдываніи его всѣ звѣри и птицы лѣсные; 11) Ву Муртъ—богъ озеръ, рѣкъ, прудовъ (у русскихъ—водяной дѣдушка); онъ злой; топитъ купающихся въ водѣ, прорываетъ мельницы, особенно когда бываетъ у водяныхъ свадьба. Чтобы умилостивить его и получить хорошій уловъ рыбы, бросаютъ ему деньги; 12) Черъ—богъ болѣзней, особенно скотскихъ; 13) Калдыкъ-Мумы богиня покровительница вотячекъ; ей жертвъ не приносятъ, а только обращаются со словами: «Э, калдыкъ мумы»! Это значитъ, что вотячка обращается къ ней подъ покровительство; 14) Кутысь—богъ людскихъ болѣзней, преимущественно коросты; онъ находится при ключахъ и рѣчкахъ; чтобы очиститься отъ коросты, бросаютъ завязанными въ тряпкахъ жертвы: крупу, яйца, блины и проч., а иногда и живыхъ птицъ со связанными ножками; при этомъ говорятъ: ме, си таé монэ энъ си (на, ѣшь это, меня не тронь) и съ этими словами идутъ, не оглядываясь назадъ. Это бросаніе называется Куяськонъ. Какого ключа Кутысь поразилъ коростой, про то сказываетъ ворожецъ,

тунд.—Ворожбой занимаются обыкновенно старики и старухи; поэтому къ нимъ идетъ, не стѣсняясь, всякій, съ какими нибудь двумя тремя копѣйками денегъ, а нерѣдко и съ однимъ грошомъ. Ворожатъ такъ: нальютъ въ чашку воды и смотрятъ туда пристально, какъ будто видятъ что въ водѣ или берутъ въ руки монету и смотрятъ въ нее, повертывая на всѣ стороны съ четверть часа; послѣ того ворожцы сказываютъ, гдѣ человѣка поймала боль и что надо подарить Кутысю, чтобы не было коросты. 15) Акта́шъ; это, по отзыву нѣкоторыхъ, мѣстопребываніе какого-то божества, которому приносятъ жертвы по совѣту ворожца. Ворожцы говорятъ: «Акташъ вэсяно̀» (надо принести жертву въ Акташъ). Вотякъ поч. Малого Казеса, Шарканскаго прихода, Степанъ Васильевъ Широбоковъ объяснилъ, что Акташъ подобенъ Керемету; а Иванъ Емельяновъ, изъ села Шаркана, подтвердилъ, что Акташъ—злѣйшее изъ всѣхъ божество; если онъ наведетъ на человѣка болѣзнь—непремѣнно требуется жертва, иначе вылечить ничѣмъ нельзя. Другіе отозвались въ такомъ же смыслѣ и въ результатѣ получилось слѣдующее: Акташъ—богъ зла, напускающій болѣзни преимущественно съ захожденіемъ солнца. Кереметъ же—злой духъ, могущій повредить во всякое время дня или, говоря славянскимъ языкомъ, Кереметъ—бѣсъ полуденный. 16) Вожд̀—богъ страха и привидѣній; ему приносятъ въ жертву кодъ по случаю болѣзни ногъ и въ женскихъ болѣзняхъ, получаемыхъ отъ страха. Раза три въ вотской деревнѣ автору этого описанія приводилось слышать поздно вечеромъ такія слова: «кэшке малодъ, вожо́есъ ветло̀ (испуга́ешься, вожои ходятъ); такими словами предостерегали матери дѣтей, собиравшихся выйдти изъ избы въ началѣ ночи.

Праздники и жертвоприношенія въ честь нѣкоторыхъ изъ этихъ боговъ совершаются каждый годъ, по два и по три раза; другимъ богамъ только по случаю какихъ нибудь несчастій, посѣтившихъ вотяковъ: Черу—во время скотскихъ болѣзней и падежей по совѣту ворожца; Шайтану—во время людскихъ болѣзней; Кутысю—когда случится сильная короста на тѣлѣ; Акшану никакихъ жертвъ не приносятъ, а угожденіемъ ему считается одно лежаніе на боку во время сумерекъ; часто случается слышать въ это время: зъибышъ улъ—Акшанъ дыръ! (смирно, время Акшана)!

Кромѣ вышепоименованныхъ шестнадцати боговъ, вотяки имѣютъ еще другихъ миѳическихъ лицъ, напримѣръ: 1) Палэсъ муртъ; это—половинный человѣкъ, какъ будто разсѣченный на-двое вдоль позвоночнаго столба; у него одинъ глазъ, одна рука, одна нога; онъ въ лѣсу пугаетъ людей хуже медвѣдя, крикъ его раздается далеко въ лѣсу, въ ночное время, въ ту самую пору, когда кричитъ филинъ; кричитъ онъ: о! о! о! о!!!. Однажды привелось мнѣ слышать отъ молодыхъ ребятъ деревни Нырошура слѣдующій разсказъ: «Мы ночевали въ лѣсу на небольшой полянкѣ, у разложеннаго костра. Были сумерки. Закусили хлѣба и лежимъ, грѣемся у огня... вдругъ откуда ни возмись Палэсъ муртъ съ однимъ большимъ глазомъ. Мы страшно перепугались и не знали, что и дѣлать; въ счастію, одинъ изъ насъ былъ смѣлѣе и сказалъ: Остэ, Инмаре! (благослови Господи) и вдругъ Палэсъ муртъ плюнулъ и ушелъ, а обуглившіяся головешки костра разметались вѣтромъ кругомъ. Мы всю ночь не спали». 2) Бабасыръ—лѣсной шутъ, чудакъ. Онъ вдругъ засмѣется, захохочетъ въ лѣсу и опять замолкнетъ. 3) Бустурганъ—домовой, сусѣдко. Онъ во время сна давитъ людей ради шутки; кого любитъ, у того перепутываетъ волосы и бороду. Если случается кошмаръ, говорятъ, что давитъ Бустурганъ. 4) Кузьпине-муртъ,—длиннозубый. Онъ живетъ въ лѣсахъ; онъ—діаволъ, людоѣдъ. 5) Искальпыдо муртъ—людоѣдъ; онъ съ коровьими ногами. 6) Нулъльис кысь. Это сказочное существо представляется четвероногимъ животнымъ въ родѣ кота. Оно, по повѣрью жителей, есть у очень рѣдкихъ; тотъ, кого оно любитъ, не нуждается ни въ чемъ: Нулъльис кысь таскаетъ ему хлѣбъ изъ чужихъ амбаровъ. Говорятъ, что если оно будетъ убито кѣмъ нибудь, человѣкъ, пользовавшійся его помощью, долженъ умереть. 7) Кукри—баба. Это существо женскаго пола, живетъ въ лѣсахъ; соотвѣтствуетъ русской бабѣ-ягѣ.

Во время состоянія жителей въ язычествѣ, почти для каждаго бога были особые храмы или молельни, называемыя куа. Въ настоящее время число моленень уменьшилось и въ одной молельнѣ отправляется языческое служеніе нѣсколькимъ богамъ, Такихъ моленень нынѣ три [1]). Первая и самая главная молельня: Быдзимъ куа (великій храмъ). Она бываетъ при каждой деревнѣ, въ лѣсу

[1]) Т. е. три въ каждой деревнѣ. *Ред*

или въ полѣ; если въ полѣ, то при молельнѣ всетаки долженъ быть небольшой лѣсокъ или хоть нѣсколько елокъ. Это шалашъ, покрытый лубьями и тесомъ, безъ оконъ, съ одною дверью; въ срединѣ шалаша—очагъ, гдѣ раскладывается костеръ для варки жертвы; въ переднемъ углу небольшая старая икона съ изображеніемъ какого либо святаго. Въ храмѣ этомъ молятся богамъ: Инву, Гудыри мумы, Му Кылдысину.

Вторая молельня посвящена Керемету. Устройство ея такое же, какъ и у Быдзимъ-куа, но здѣсь иконы нѣтъ, а вмѣсто нея шкурка красной векши (а въ иныхъ ничего не бываетъ). Мольбище это находится въ болѣе скрытомъ мѣстѣ, въ лѣсу; въ срединѣ — три очага, а въ углу столикъ въ родѣ скамейки; на столикѣ три берестянныхъ коробочки, чашки, ложки и проч. Вся посуда находится здѣсь со времени устройства храма. Если при какой нибудь деревнѣ нѣтъ шалаша въ честь Керемета, то замѣняетъ его избранное разъ навсегда мѣсто. Третій храмъ—бога Воршуда. Онъ есть у каждаго домохозяина вотяка на дворѣ и называется куа; здѣсь есть икона. Лѣтомъ этотъ храмъ служитъ кухней и столовой: здѣсь варятъ обѣдъ, пируютъ, угощаютъ гостей въ лѣтнее время, пока стоитъ теплая погода. Прочимъ богамъ, напримѣръ, Шайтану, Черу, Нюлэсъ мурту особыхъ храмовъ нѣтъ; имъ приносятъ жертвы вездѣ, преимущественно въ лѣсахъ; а Нюлэсъ мурту приносятъ иногда въ храмѣ Быдзимъ куа. Самыя жертвоприношенія совершаются не вездѣ одинаково: здѣсь дѣлаютъ то, тамъ—другое, а въ иномъ мѣстѣ опять по своему. Въ тѣхъ храмахъ, которые находятся въ лѣсахъ, всегда хранятся деньги, собранныя на праздникъ на покупку жертвенныхъ животныхъ; поэтому храмы тѣ всегда бываютъ заперты на замокъ. Чтобы воришки не воспользовались деньгами, вотяки распускаютъ слухи, что если кто возьметъ деньги, находящіяся въ ихъ храмѣ, тотъ умретъ или ослѣпнетъ. Вѣря этимъ слухамъ, даже русскіе къ храмамъ ихъ не подходятъ и денегъ не крадутъ. Мѣста мольбищъ, гдѣ нѣтъ храмовъ (или шалашей), бываютъ расчищены, выметены и утоптаны такъ, что не потеряется и иголка.

Олицетвореніе болѣзни горячки и причина таковаго. Между повѣрьями инородцевъ не послѣднее мѣсто занимаетъ повѣрье о болѣзни-горячкѣ, именуемой *кыль*. Олицетворяя эту болѣзнь, больные

подвергаются особеннымъ силамъ, подобнымъ силѣ магнетизма, Силы эти на больныхъ проявляются въ дѣйствіи воображенія. Больные видятъ воображаемыхъ и во снѣ, и на яву; разговариваютъ съ ними, слышатъ голосъ ихъ, какъ голосъ человѣка. Такъ, напримѣръ, по словамъ Осипа Егорова, во время болѣзни горячки на людяхъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1885 года, больнымъ являлись самыя болѣзни въ человѣческомъ образѣ и совѣтовались между собой при больныхъ о томъ, куда имъ идти для пораженія здоровыхъ? Видали ихъ даже здоровые. Причина такихъ явленій—воображеніе, которое на вѣрящихъ въ разныя миѳическія существа дѣйствуетъ какъ магнетизеръ. Кто не вѣритъ въ разныя сказочныя существа, тому не возможны видѣнія. Это видимъ на образованномъ классѣ народа; образованные люди, отвергая существованіе такихъ лицъ, не говорятъ, что видѣли, напримѣръ, водяныхъ чертей и лѣшихъ. Напротивъ, въ некультурномъ народѣ вѣра въ такихъ лицъ на столько крѣпка, что едва ли что можетъ ее искоренить. Поживите среди некультурнаго народа, напримѣръ, въ вотякахъ, освойтесь съ языкомъ ихъ и повѣрьями въ связи съ обрядностью ихъ —и вы будете представлять себя въ какомъ то другомъ мірѣ, гдѣ лѣса переполнены нюлэсъ-муртами, кузьпинёмуртами; въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ живутъ разные ву-мурты; воздухъ населяютъ гудыри мумыи; людей окружаютъ кереметы, черы, различные духи зла, а скотъ—утьыси; даже земля въ своемъ лонѣ имѣетъ особаго бога. Словомъ,—всякое мѣсто, всякая стихія имѣютъ свои отдѣльныя божества. Не въ однихъ вотякахъ, и въ русскихъ есть вѣра въ миѳическихъ лицъ: одинъ говоритъ: «меня давитъ сусѣдко», что «онъ мохнатый какъ обезьяна»; другой увѣряетъ, что видѣлъ лѣшаго огромной величины.

Праздники и жертвоприношенія.

Праздники у вотяковъ нераздѣльны съ жертвоприношеніями: одно безъ другаго бываетъ рѣдко. Такъ, если кто сдѣлаетъ общую пирушку, то долженъ устроить и жертвоприношеніе, и наоборотъ: если есть жертвоприношеніе, то должна быть и пирушка; изъ этого исключаются только зимніе праздники, когда, по случаю стужи и снѣга, нельзя или неудобно бываетъ принести жертву. Не отставая

отъ русскихъ въ пирахъ и попойкахъ по случаю христіанскихъ праздниковъ, вотяки, отдѣльно отъ русскихъ, справляютъ и свои языческіе праздники въ честь своихъ боговъ.

Религіозные обычаи и обряды я описываю здѣсь по порядку, начиная съ весны, такъ какъ новолѣтіе вотяки считаютъ съ этого времени, когда начинаются работы по земледѣлію. Первымъ днемъ новолѣтія у нихъ считается Великій Четвертокъ; объ этомъ говоритъ и гаданіе ихъ въ ночь на означенный день посредствомъ выслушиваній разныхъ звуковъ, чтобы придать имъ какое нибудь значеніе относительно будущности въ новомъ лѣтѣ. Первое число января они хотя и называютъ новымъ годомъ (выль аръ), но оно у нихъ значенія новаго года не имѣетъ; называютъ же его новымъ годомъ только потому, что общественныя должности по выборамъ и вообще всякая срочная служба ограничиваются этимъ числомъ.

Гырны-потонъ—выѣздъ на пашню. Праздникъ этотъ отправляется обыкновенно на Ѳоминой недѣлѣ, или на недѣлѣ св. Пасхи, если рано просыхаетъ земля. Наканунѣ праздника все селеніе собирается въ одну избу для общаго сужденія о предстоящемъ праздникѣ Гырны-потонъ. Сужденіе продолжается около двухъ часовъ и во все это время въ избѣ стоитъ до полу табачный дымъ отъ куримыхъ трубокъ; здѣсь въ началѣ всякій толкуетъ со своимъ сосѣдомъ о сельскохозяйственныхъ дѣлишкахъ, о всходахъ травъ и озимей на своихъ полосахъ, а въ концѣ бываетъ сужденіе общее: готовы ли всѣ домохозяева на праздникъ? Сварена ли кумышка, пиво? Выѣзжаютъ ли сосѣднія селенія? Просохла ли земля? Но въ виду Егорьева дня (23 апрѣля), до котораго никогда не выѣзжаютъ на пашню, рѣшаются выѣхать на пашню въ завтрашній день; мысль объ этомъ первоначально даютъ зажиточные старики. Пришедши домой, заставляютъ въ квашнѣ растворить хлѣбъ изъ пшеничной муки. На другой день во всѣхъ избахъ начинается стряпня перепечей, лепешекъ, блиновъ и проч. Когда поспѣетъ стряпня, женщины стелютъ на столъ скатерть и ставятъ на нее бутылки съ кумышкой и рюмки, кладутъ цѣльный коровай хлѣба; затѣмъ старшій въ семействѣ садится за столъ въ передній уголъ, въ шапкѣ; ему подноситъ женщина, его жена, рюмку съ кумышкой и пиво, и онъ, принявши рюмку, держитъ ее въ лѣвой рукѣ, а правой рукой поглаживаетъ бороду, взявши ее въ кулакъ и бор-

мочетъ свои молитвы, прося у Воршуда счастія, хлѣба, скота, мирной жизни и всякаго добра; когда кончитъ молитву, беретъ рюмку въ правую руку и, обращаясь ко всѣмъ семейнымъ, говоритъ протяжно: я, сябась, пинальёсъ! (ну, будьте здоровы, ребята!) затѣмъ выпиваетъ рюмку; послѣ этого подходятъ съ рюмками другія женщины; между тѣмъ, какъ молится онъ за столомъ въ шапкѣ, другіе запрягаютъ коней въ соху и борону. Окончивши этотъ обрядъ, онъ выходитъ изъ-за стола, сыплетъ въ мѣшокъ жита, беретъ лукошко и выѣзжаетъ съ ребятишками въ поле, а за нимъ чрезъ четверть часа или позже тянутся со стряпней группы бабъ и дѣвокъ. Вспахавши небольшое пространство, которое можно засѣять пудомъ жита, глава семейства останавливается и ждетъ бабъ. Пришедши со стряпней, бабы стелютъ на полосу войлокъ, ставятъ на него бутылки съ кумышкой, бураки съ пивомъ и кладутъ всю стряпню; хозяинъ-пахарь между тѣмъ насыпаетъ въ лукошко жита, кладетъ туда яицъ числомъ около пятнадцати (окрашенныхъ или бѣлыхъ), выкапываетъ въ бороздѣ подъ сохой небольшую ямку съ четверть глубиной и затѣмъ приступаетъ къ жертвоприношенію Му Кылдысину слѣдующимъ образомъ: кладетъ на бережокъ ямки нѣсколько пихтовыхъ сучковъ, беретъ въ лѣвую руку такой же сучекъ и становится на колѣни на приготовленные сучья, лицомъ къ ямкѣ; женщина, его жена, даетъ ему яйцо, кусокъ говядины, блинъ яичный и проч. и все это кладетъ онъ въ ямку; потомъ та же женщина подноситъ ему стаканъ пива, которое выливаетъ онъ въ ямку; потомъ получаетъ отъ нея же рюмку кумышки и также выливаетъ ее въ ямку; затѣмъ, держа въ лѣвой рукѣ сучокъ, а правой поглаживая бороду, взявши ее въ кулакъ, бормочетъ свои молитвы, смотря на сучекъ и откашливаясь черезъ каждыя 5—10 секундъ. Молитва его такая: Господи благослови! Дай, Господи, хорошій урожай въ полѣ, чтобы на каждомъ корнѣ было 30 колосковъ, чтобы хлѣбъ былъ высокъ и густъ—могли бы бѣгать по хлѣбу векша, рябчикъ; зерно бы было, какъ куриное яйцо; лѣтомъ не было бы червя, грозы и проч. Окончивши молитву, онъ проситъ рюмку съ кумышкой; ему подаетъ жена его; взявши рюмку, онъ обращается ко всѣмъ предстоящимъ кругомъ и говоритъ протяжно: сябась пинальёсъ! (будьте здоровы, ребята!) и, выпивъ рюмку, встаетъ. Тѣмъ и оканчивается его жертвоприношеніе. Потомъ беретъ лукошко съ житомъ и на-

чинаетъ сѣять. Сначала онъ бросаетъ яйца своимъ ребятишкамъ, а потомъ и чужимъ, собравшимся съ сосѣднихъ полосъ; видя его жертвоприношеніе, дѣти собираются на полосу заранѣе и ждутъ раздачи яицъ. Разбросавъ горсти двѣ-три жита, онъ бросаетъ яйцо; разбросавъ опять двѣ-три, бросаетъ другое и т. д.; собравшіеся ребятишки хватаютъ яйца, перебѣгая съ одного мѣста на другое съ шумомъ и крикомъ, а кто побойчѣе—отнимаетъ яйцо у другаго, пока оно еще не за пазухой нашедшаго. Сѣятель, когда выйдутъ всѣ яйца, обращается къ ребятишкамъ съ извиненіемъ, говоря имъ: я, энъ лекатэ пинальёсъ: курегъ-ёсъ со лэсяна эвэлъ пузальямъ! (ну, не судите, ребята: курицы больше не нанесли яицъ), а тѣ, въ свою очередь, говорятъ: тау тужъ тау! медъ дзечь потёзъ (спасибо, большое спасибо! пусть хорошо растетъ). Засѣявши вспаханное мѣсто, взбораниваютъ, выпрягаютъ лошадей и начинается пирушка; пирующіе переходятъ съ полосы на полосу группами, пьютъ кумышку, пиво, закусывая перепечами, лепешками и проч. Попировавши съ полчаса времени, уходятъ домой. Взрослые—старики и бабы ходятъ изъ избы въ избу, а молодежь (парни и дѣвушки) отправляется кататься на верховыхъ лошадяхъ по деревнѣ съ пѣснями; заѣзжаютъ во дворъ чуть не къ каждому домохозяину и тамъ хозяева, вышедши съ кумышкой изъ избы, потчуютъ ихъ. Вечеромъ собираются въ поле, въ которое выѣзжали пахать: варятъ тамъ кашу, пируютъ съ пѣснями; попъ [1]) молится съ сучкомъ въ лѣвой рукѣ, стоя въ шапкѣ; женщины потчуютъ его кумышкой. Попировавши часа два и съѣвши кашу, уходятъ домой. Это сборище и обѣдъ называютъ *Геры-шидв*—обѣдъ въ честь сохи.

На другой день Герны-потона собираются въ полѣ и составляютъ тамъ пирушку *Гуждорв*—«край, начало лѣта». На этомъ праздникѣ я самъ имѣлъ случай присутствовать. 27 апрѣля 1882 года я случайно получаю отъ знакомаго мнѣ крестьянина-вотяка деревни Кайсыгурта, Назара Васильевича, записку, въ которой, между прочимъ, читаю слѣдующее: «пріѣзжайте на нашъ вотскій праздникъ Гуждоръ!» Прочитавши записку, я началъ собираться въ ту-же минуту; подвода была послана за мной готовая и къ тому же ямщикъ, привезшій записку, торопилъ меня, увѣряя,

[1]) Вотяки зовутъ попами и своихъ языческихъ жрецовъ.

что на Гуждоръ уже собираются. Медлить я не сталъ,—сѣлъ и поѣхалъ съ женой. Въ дорогѣ, отъ нечего дѣлать, я вошелъ въ разговоръ съ ямщикомъ-вотякомъ.

— Весело должно быть у васъ на Гуждорѣ?—спросилъ я его.

— Какъ не весело: дѣвки одѣты хорошо, потчуютъ кумышкой, а кумышка все съ медомъ,—отвѣтилъ онъ.

— А меня будутъ потчивать?

— Какъ же! для того и праздникъ, чтобы дѣвки потчивали; только дай имъ немного денегъ.

— Денегъ? а зачѣмъ это?

— У насъ обычай такой; поэтому на Гуждоръ безъ денегъ никто не ходитъ.

— Ну, братъ, я этого не зналъ, поэтому и денегъ съ собой не взялъ.

— Попросишь у кого нибудь,—дадутъ.

— Ужели надо дать каждой? Ихъ тамъ, можетъ быть, пятьдесятъ человѣкъ и болѣе?

— Зачѣмъ каждой! Только дай копѣекъ пять или десять и— довольно! благодарны будутъ.

— Кто же беретъ деньги?

— Попъ; ему даютъ въ руки, а онъ дѣлитъ послѣ праздника, кому сколько причтется.

— А много ли причтется каждой дѣвкѣ въ праздникъ?

— Въ который годъ причтется десять копѣекъ, въ который пятнадцать... вѣдь не равно: какъ будутъ давать и сколько будетъ дѣвокъ.

— Много ли выходитъ у каждой дѣвки кумышки?

— Теже не равно: когда выйдетъ четверть, когда—больше, а когда и меньше: какъ будутъ пить и сколько будетъ народу.

— Такъ; но вѣдь попъ можетъ утаить дѣвичьи деньги?

— Зачѣмъ таить? у насъ дѣвки выбираютъ честныхъ и зажиточныхъ.

— Вотъ что, попа у васъ выбираютъ дѣвки!

— Дѣвки: тутъ ни мужики, ни бабы не касаются, потому что праздникъ дѣвичій.

— А если праздникъ дѣвичій, то зачѣмъ ходятъ туда мужики и бабы?

— А кто будетъ пить кумышку? вѣдь дѣвки не будутъ пить сами, межъ собой; у насъ такое заведеніе, чтобы дѣвки потчивали, а мужики—пили; а бабы ходятъ потчивать вмѣсто дѣвокъ, которыхъ у нихъ нѣтъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы доѣхали до деревни Кайсыгурта, въѣхали во дворъ, зашли въ избу, помолились, поздоровались и сѣли. Въ избѣ было пусто, безлюдно, только одна дряхлая старушка—мать Назара Васильевича, сидѣла на лавкѣ, изрѣдка покашливая сухимъ старушечьимъ кашлемъ. Намъ недолго привелось сидѣть молча въ ожиданіи хозяина: чрезъ нѣсколько минутъ онъ явился и, поздоровавшись съ нами, пригласилъ насъ въ другую комнату, называемую горницей. За хозяиномъ вошла и его жена неся на рукахъ сильно шумящій самоваръ и принялась хлопотать около него. Зная сколько должно пройти времени за чаемъ, я обратился къ хозяину со словами:

— А вѣдь такъ, Назаръ Васильевичъ, времени пролетитъ немало и мы не увидимъ Гуждоръ.

— Ничего, отвѣтилъ онъ,—на Гуждоръ собираются только сейчасъ.

— А зачѣмъ ямщикъ намъ сказалъ, что Гуждоръ начался еще тогда, когда онъ отправлялся за нами?

— «Вретъ», отвѣтилъ онъ улыбаясь: «онъ думалъ, что отстанетъ отъ дѣвокъ, поэтому и торопилъ васъ». Въ самомъ дѣлѣ, взглянувши въ окно, я увидѣлъ группы разряженныхъ вотячекъ идущихъ, вѣроятно, на Гуждоръ. Напившись чаю, мы всей компаніей отправились на праздникъ. Во всѣхъ избахъ, видимо, было пусто, лишь изрѣдка въ окна нѣкоторыхъ выглядывали дряхлые старики и старушки, которымъ силы уже не дозволяли плестись на Гуждоръ. Въ деревнѣ царствовала тишина; только по временамъ нарушалъ эту тишь кашель старыхъ людей, сидящихъ у растворенныхъ оконъ. По деревнѣ мы шли не долго и чрезъ четверть часа были уже въ широкомъ полѣ, покрытомъ холмами. Гдѣ же Гуждоръ? спросилъ я своего спутника.—А вотъ на горѣ, сказалъ онъ, указывая пальцемъ на возвышенное мѣсто, гдѣ, какъ видно, росли елочки, верескъ и пихта, а на краю возвышалась видная ель со сломленной вѣтромъ вершиной. Дѣйствительно, взглянувши на указанное Назаромъ Васильевичемъ мѣсто, я увидѣлъ подъ елью

синій дымокъ, а около него—толпу пестраго народа. Дорожка, по которой мы шли, повернула прочь отъ Гуждора, потому мы свернули съ нея и направились къ Гуждору на прямикъ черезъ бархатистое зеленое поле озими, надъ которымъ щебеталъ жаворонокъ. Мы еще шли, а до насъ уже доходили унылые звуки пѣсни вотскаго попа. Когда мы наконецъ дошли до Гуждора, глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина: передъ елью, обратившись къ ней лицомъ, стоятъ два попа въ бѣлыхъ сукманахъ и въ бѣлыхъ же шляпахъ на подобіе татарскихъ; каждый изъ нихъ держитъ въ лѣвой рукѣ небольшой пихтовый сучекъ, а правой рукой поглаживаетъ бороду, взявши ее въ кулакъ, и читаетъ на распѣвъ свои вотскія молитвы, откашливаясь чрезъ каждыя 10—15 секундъ и кланяясь слегка ели. Передъ ними, у подножія ели, постлана бѣлая скатерть, а на ней лежатъ: блины, перепечи, лепешки, караваи хлѣба съ воткнутыми въ средину пихтовыми сучками; тутъ же стоятъ бураки съ какою-то жидкостью (вѣроятно съ пивомъ) и деревянное блюдо; шагахъ въ двухъ отъ поповъ стоитъ неподвижный столикъ, въ родѣ палатки изъ еловыхъ сучьевъ, положенныхъ на перекладины, которыя держатся на четырехъ колышкахъ, вбитыхъ въ землю; это трапеза для предложенія жертвенныхъ яствъ; у этого столика стоитъ низенькая скамейка съ сажень длиной; это бревно, котораго сучья служатъ ножками; неподалеку отъ скамейки надъ костромъ въ котлѣ варится жертвенное мясо утки. Попамъ подносятъ женщины и дѣвушки рюмки съ кумышкой и тѣ, взявши въ правыя руки рюмки, читаютъ надъ ними молитвы, подходятъ къ костру отливаютъ по нѣсколько капель этой кумышки на огонь, тоже что-то бормоча про себя; имъ опять доливаютъ, а они выпиваютъ, оставляя нѣсколько капель на днѣ; эти остатки вливаютъ обратно въ бутылку. Къ нимъ подходятъ мужчины и даютъ денегъ, кто копѣйку, кто двѣ и т. д., деньги попы принимаютъ на правый рукавъ сукмана, цѣлуютъ ихъ и кладутъ въ деревянную чашку, которая стоитъ на скатерти подъ елью; потомъ говорятъ дающимъ: я тàу, тужъ тàу! тырдсъ медъ луòзъ уксеэдъ (ну, спасибо, большое спасибо! пусть будетъ много денегъ у тебя). Послѣ этого опять подносятъ имъ рюмки съ кумышкой; а они, взявши рюмки, говорятъ давшимъ денегъ: я сябàсь (ну, будь здоровъ) и обернувшись лицомъ къ елкѣ, кланяются опять, читая на распѣвъ свои молитвы;

въ это время женщины и дѣвушки подносятъ жертвователямъ за здравныя рюмки. Чрезъ нѣсколько минутъ попы даютъ имъ частички крупяныхъ лепешекъ; взявши эти частички, тѣ держатъ ихъ въ рукахъ, пока попы не кончатъ объ нихъ молитвы; а когда кончатъ, опять выпьютъ по рюмкѣ кумышки и говорятъ имъ: сябась! только послѣ этого жертвователи ѣдятъ частички лепешекъ и пьютъ кумышку отъ каждой дѣвки и женщины; затѣмъ подходятъ другіе, третьи и т. д. и во все время предъ попами стоятъ женщины или дѣвушки по очереди съ кумышкой. Чтобы понять нѣсколько словъ попа, я подошелъ къ костру и сталъ у него. Вдругъ подходитъ ко мнѣ низенькій вотячекъ съ трубкой во рту и, не вынимая трубки, говоритъ: клади деньги! даромъ не пей кумышку! Но денегъ я при себѣ не имѣлъ, надо было занять у кого нибудь; къ счастью, тутъ же рядомъ со мною стоялъ знакомый вотякъ; я занялъ у него десять копѣекъ, и подошедши къ елкѣ, бросилъ на скатерть два пятака и отошелъ... Кто-то изъ стоящихъ замѣтилъ мнѣ: «не ладно даешь, надо дать попу на руки»; другой же, рядомъ съ нимъ, на это сказалъ опять: «ладно, все равно, онъ вѣдь не знаетъ». Пожертвовавши въ дѣвичью кружку десять копѣекъ, я опять сталъ у костра. Не прошло и минуты времени, какъ я былъ окруженъ группой дѣвушекъ, подносящихъ мнѣ кумышку; дѣлать было нечего, надо было уважить ихъ,—я взялъ у одной, хлебнулъ... отдаю обратно, но она не принимаетъ, говоритъ: ю, ӧйдо ю (пей, пей-же); за ней подходитъ другая, третья, четвертая и т. д., такъ что въ теченіи минуты я отвѣдалъ понемногу отъ пятнадцати дѣвушекъ. Когда дѣвушки съ бутылками отошли, я все вниманіе обратилъ на поповъ, стоящихъ подъ елью. Одинъ изъ нихъ уже довольно нагрузился кумышкой; другой попъ былъ еще въ силахъ владѣть собой, и я понялъ у него слѣдующія слова: пудӧэнъ животэнъ, ю энъ нянѐнъ тыръ медъ луӧсны! «скотиной животиной, житомъ, хлѣбомъ были бы довольны». Теперь посмотримъ что дѣлается въ сторонѣ: ближе къ попамъ мужики, раздѣлившіеся на группы; въ каждой группѣ чѣмъ нибудь да заняты: кто сидитъ и разсказываетъ сказки, кто стоитъ и слушаетъ разсказывающихъ, кто борется, кто куритъ трубки. Подалѣе отъ поповъ играютъ и поютъ хороводныя пѣсни дѣвушки, одѣтыя въ свои лучшіе наряды, а недалеко отъ нихъ стоятъ старухи, смотря на нихъ и

слушая ихъ пѣсни—импровизація въ родѣ: ой дой шуомы, аламѐ гинэнд̀! Задній планъ кипитъ молодыми парнями и мальчишками: имъ бросаютъ «на драку» крендели и деньги. Насмотрѣвшись на эту кутерьму, я отошелъ въ сторону и сѣлъ къ сидѣвшему тамъ, повидимому, русскому мужику.

— Вотъ мыши что дѣлаютъ! сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ.

— Зачѣмъ мыши? возразилъ я.

— А посмотри: кому кланяются?—елкѣ.

Моленье, видимо, приходило къ концу. Попы уже не бормотали своихъ молитвъ, а можетъ и не кланялись ели. Въ это время одинъ изъ стоящихъ съ ними мужиковъ, вѣроятно ихъ помощникъ, взялъ со скатерти чашку, вынулъ изъ котла мясо утки и, положивъ въ чашку, поставилъ на столъ. Тогда попъ собралъ со скатерти блины лепешки, короваи хлѣба, положилъ все это на столъ и искрошилъ мясо; мужчины начали обѣдать, не снимая шляпъ; тутъ же сѣлъ и Назаръ Васильевичъ. Отвѣдавъ мяса, всякій благодарилъ поповъ и отходилъ въ сторону. Я спросилъ у одного вотяка: «зачѣмъ утку ѣдятъ только мужики? «У насъ обычай такой», отвѣтилъ онъ,— «тутъ ни у дѣвокъ, ни у бабъ дѣла нѣтъ; колятъ утку, чистятъ, стряпаютъ, потчуютъ мужиковъ—одни попы». «А когда съѣдятъ утку, что тогда будутъ дѣлать?» спросилъ я опять.—«Тогда уйдутъ домой», сказалъ онъ,—«попы съ дѣвками, мужики съ мужиками, а бабы съ бабами. Дѣвки непремѣнно должны проводить поповъ до дому, а ничуть не оставлять».

Въ третій день Гырны́-потона совершается обрядъ благодаренія за начало лѣта подъ названіемъ *Тау-каронъ*. Этотъ обрядъ тѣсно связанъ съ Гуждоромъ, бывшимъ наканунѣ, поэтому попами служатъ тѣже, которые были на Гуждорѣ. Дѣвушки, бывшія на Гуждорѣ, собираются съ кумышкой у одного изъ поповъ, который старше прочихъ лѣтами; туда же приглашаются и прочіе попы, если ихъ нѣсколько человѣкъ. Угостивши поповъ кумышкой, дѣвушки приглашаютъ ихъ съ собой въ другіе дома. Если который нибудь изъ поповъ еще не доволенъ угощеніемъ дѣвушекъ, то говоритъ имъ, почесывая затылокъ: «іыръ висе, гыдыёсы́!» (голова болитъ, милыя!) и дѣвушки опять угощаютъ того попа кумышкой; изъ за него достается угощеніе и прочимъ. Затѣмъ выходятъ изъ избы и идутъ на конецъ деревни съ пѣснями; попы обыкновенно

идутъ впереди дѣвушекъ. Зашедши въ избу, попы не снимая шапокъ, садятся за столъ, на которомъ лежитъ положенный заранѣе цѣлый коровай хлѣба. Жена хозяина или снохи его чрезъ нѣсколько времени, когда соберется довольное число гостей изъ другихъ домовъ, накрываютъ столъ разною стряпней; потомъ тѣ же хозяйскія женщины подносятъ попамъ по рюмкѣ кумышки. Попы, взявши рюмки въ правыя руки, а лѣвыми поглаживая свои клинообразныя бородки, взявши ихъ въ кулаки, читаютъ на распѣвъ свои молитвы—импровизаціи, между которыми заключаются такія слова: «ӧстэ, Инмарѐ—Калдысинѐ, Утысѐ-Вордысѐ! Ачидъ калыктэ возьма; ю-нянь дзьѐчъ медъ потӧзъ,—медъ лудӧзъ куамынъ куроѐнъ, дасъкыкъ ёзэнъ, аввѐсь шенѐнъ зарни тысѐнъ. Остэ иськѐ Инмарѐ! Сябась, бускельёсъ! сябась!» (благослови, Господь—Вседержитель, Хранитель—Питатель! Самъ людей своихъ храни; пусть хлѣбъ ростетъ хорошо;—было бы на одномъ корешкѣ тридцать стебельковъ, каждый стебелекъ въ двѣнадцать колѣнъ; колосокъ былъ бы серебряный, зерно-золотое. Ну такъ благослови, Господи! Будьте здоровы, сосѣди! будьте здоровы!). Во время молитвы поповъ дѣвушки поютъ пѣсни, угощаютъ кумышкой и прочихъ мужиковъ но только старшихъ, въ виду того, что бутылки кумышки не хватитъ на всѣхъ. Хозяйскія же женщины обязаны угощать всѣхъ вообще. Предъ окончаніемъ молитвы одинъ изъ поповъ отрѣзываетъ отъ коровая горбушку и дѣлитъ между всѣми, находящимися въ избѣ въ знакъ мира и согласія. Окончивши молитву, попы приглашаютъ дѣвушекъ садиться за столъ. Отобѣдавши, они выходятъ, а послѣ нихъ садятся другіе. Затѣмъ идутъ въ другіе дома.

Послѣ пашни, оканчивающейся посѣвомъ льна, слѣдуетъ жертвоприношеніе въ шалашѣ Быдзимъ-куамъ подъ названіемъ *Тулысъ куалипыронъ* (весенній входъ въ куалу). Собравшись всей деревней мущины и женщины, выбираютъ изъ среды мужиковъ двухъ *парчасевъ* *) и двухъ поповъ. Первые колютъ приведенныхъ животныхъ: одного барана да одну овцу (а въ нѣкоторыхъ деревняхъ гуся да

*) Парчась—помощникъ попа; должность его—зарѣзать животныхъ и варить. Вообще, на немъ лежитъ обязанность приготовленія обѣда. *Авт.*

утку), потрошать ихъ и, и зрѣзши въ куски, варять въ особыхъ котлахъ; другіе же, т. е. попы, взявши въ лѣвыя руки по древесной вѣткѣ, становятся въ передній уголъ, лицомъ къ иконѣ, за которой находится коробка съ монетой, означающей символъ бога Инву. Передъ попами на столикѣ или па скамейкѣ, накрытой скатертью, лежатъ яичные блины, короваи хлѣба и проч. Тутъ же стоитъ и коробка *мушв куды*, предназначенная для кумышки, изо всѣхъ бутылокъ. Женщины безпрерывно подносятъ попамъ рюмки съ кумышкой и попы, взявши таковыя въ руки, читаютъ свои молитвы, содержаніе которыхъ уже извѣстно изъ Тау карона; но здѣсь просятъ, между прочимъ, и о томъ, чтобы семейства сосѣдей во время страды были здоровы; работали бы съ охотой, прилежаніемъ. По истеченіи примѣрно двухъ минутъ попы отливаютъ по нѣсколько капель отъ каждой женщины въ коробку мушъ-куды, а остальную допиваютъ сами; потомъ даютъ мужчинамъ по частичкѣ яичнаго блина въ знакъ молитвы за семейства ихъ и частички эти принявшими съѣдаются, а нѣкоторые предъ принатіемъ ихъ говорятъ: «Я иськѐ остѐ, Инмаре!» (ну такъ благослови, Господи!). По окончаніи молитвы попы садятся за столъ и приглашаютъ сѣсть прочихъ. Кумышку изъ коробки мушъ-куды попы выпиваютъ сами, оставляя на днѣ только нѣсколько капель. Во время яденія жертвы соблюдается тишина. По понятіямъ ихъ самихъ, тишина при яденіи жертвы отзывается на страдномъ времени т. е. если при этомъ соблюдалась тишина, лѣто будетъ тихое, и, наоборотъ, если при яденіи шумѣли—лѣто будетъ бурливое. Обглоданныя попами кости зарываются ими же въ землю, а прочими бросаются въ огонь. По окончаніи жертвоприношенія, собравшись домой, попы закрываютъ лица руками и, поклонившись слегка куалѣ, говорятъ: «остэ, Кылдысинэ! дзьѐчъ уть—ворды» (благослови, Кылдысинъ! Храни, питай). Это же дѣлаютъ и прочіе мужчины.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ Тулысъ куала пырона приносится жертва подъ названіемъ *Сизьсдны* (обѣщаніе жертвы, которую приносятъ уже осенью). Для исполненія этого жертвоприношенія собираются въ полѣ одни мужики—домохозяева. Мѣстомъ для жертвоприношенія служитъ давно избранное для этого мѣсто подъ елью. Приводятъ туда купленаго на собранныя деньги барана и избираютъ изъ своей среды одного парчася и одного попа. Кладутъ подъ

елью костеръ, зажигають его и устраивають неподвижные столики, скамейки и проч. Между тѣмъ, какъ парчась исполняетъ свои обязанности, попъ дѣлаетъ изъ древесной коры коробку мушъ-куды, устраиваетъ на ели полочку и ставитъ на нее коробку. Подъ дерево стелятъ скатерть и кладутъ на нее короваи—хлѣба, блины, бутылки съ кумышкой и проч. Вотъ и костеръ запылалъ; надъ нимъ на перекладинѣ виситъ котелъ съ изрѣзанными кусками мяса. Попъ беретъ въ лѣвую руку еловую вѣтку и встаетъ, не снимая шапки, подъ ель, обернувшись къ ней лицомъ. Мужикъ подноситъ ему рюмку съ кумышкой и онъ, отливши нѣсколько капель въ коробку мушъ-куды, читаетъ свои молитвы, подобные молитвамъ на Тауксронѣ, но здѣсь прибавляетъ нѣсколько словъ о томъ, чтобы деревня съ живущими въ ней избавилась отъ всякаго несчастія, отъ шайтана и прочихъ духовъ зла; потомъ, сказавши протяжно: «я, сябàсь, бускельёсъ!» (ну, будьте здоровы сосѣди!), остальную кумышку допиваетъ самъ и даетъ угостившему кумышкой мужику частичку блина. Затѣмъ подходятъ другіе, третьи и т. д. Когда сварится жертва, парчась отрѣзываетъ отъ грудины небольшой кусокъ, беретъ ложку и, почерпнувъ въ нее бульёну, подаетъ вмѣстѣ съ кускомъ попу. Принявши это, попъ съѣдаетъ и садится за столъ, приглашая садиться и прочихъ. Во время ѣды соблюдается тишина. Попъ обглоданныя имъ кости зарываетъ въ землю, а прочіе бросаетъ въ огонь.

Уходя съ мѣста жертвоприношенія, попъ въ послѣдній разъ, закрывъ лицо руками, кланяется ели, говоря: «ðстэ иськè Кылдысинэ! дзьечъ уть—ворды» (ну такъ благослови, Кылдысинъ! храни, питай). Его примѣру слѣдуютъ и прочіе. Такіе поклоны напоминаютъ поклоны Магометанъ, и должно замѣтить, что во время жертвоприношенія крестное знаменіе вовсе неупотребительно; хотя въ молитвахъ изрѣдка и поминаютъ Бога, но обряды—чисто языческіе. По отзывамъ самихъ поповъ, каждая молитва требуетъ жертвоприношенія, и чѣмъ больше съѣдается жертвы и выпивается кумышки, тѣмъ пріятнѣе воображаемымъ божествамъ молитва. Впрочемъ, есть молитвы и безъ жертвы, которую замѣняетъ яичный блинъ и кумышка, но такія молитвы значенія жертвоприношеній не имѣютъ, а служатъ только какъ бы памятованіемъ о божествахъ въ предотвращеніе гнѣва за забытіе. Будь у нихъ много свободнаго вре-

мени и больше состоянія, они по лѣтамъ съѣдали бы по нѣскольку десятковъ скота. Болѣзнь ли на людяхъ или на скотѣ, начало ли или конецъ полевымъ работамъ—требуется жертвоприношеніе, и это жертвоприношеніе не можетъ быть и не бываетъ безъ личнаго блина и кумышки; блинъ и кумышка—необходимыя принадлежности жертвоприношеній. Придавая жертвоприношеніямъ спасительную силу, во время скотскихъ падежей съѣдаютъ по нѣскольку головъ скота. Такъ напримѣръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1885 года вотяки деревни Кыквы Сосновскаго прихода, по случаю скотскаго падежа, по словамъ одного изъ жителей этой деревни, съѣли мяса на 50 рублей.

Тулысг-суро—весеннее пиво. Праздникъ этотъ бываетъ послѣ весеннихъ посѣвовъ и исправленія полевыхъ изгородей. Предъ праздникомъ выбираютъ двухъ-трехъ человѣкъ сборщиковъ для сбора денегъ съ каждой наличной души мужскаго пола, или вмѣсто денегъ—муки, которую потомъ и продаютъ; если собираютъ муку, то ходятъ сборщики по домамъ съ мѣшками и безмѣнами, на которыхъ и вѣсятъ муку, сколько положено обществомъ собрать на праздникъ. На собранныя или вырученныя за собранную муку деньги покупаютъ для жертвы животныхъ, которыхъ и колютъ на мѣстѣ молельни. Женщины пекутъ блины, лепешки, перепечи и проч., стряпню эту кладутъ въ лукошко или въ пестерь и отправляются на мѣсто молельни съ ребятишками, которые, если могутъ, несутъ бураки съ пивомъ, а дѣвушки берутъ бутылки съ кумышкой; мужчины же уводятъ или увозятъ купленныхъ животныхъ: овцу черную или сѣрую, чернаго быка, — въ жертву Инмару, гуся — въ жертву Инву; кромѣ этихъ животныхъ колютъ еще утку — въ жертву умершимъ старикамъ. Пришедши на мѣсто молельни, мужчины кладутъ костеръ, колютъ животныхъ, потрошатъ ихъ, кладутъ мясо въ котлы и варятъ съ крупой и солью. Попъ беретъ въ лѣвую руку сучекъ и молится въ шапкѣ, обратившись лицомъ къ елкѣ, а если въ шалашѣ, то къ углу; передъ нимъ на полу или на столикѣ вся бабья стряпня: перепечи, блины, лепешки, короваи хлѣба; женщины потчуютъ попа кумышкой, какъ и на Гуждорѣ, съ пѣснями, чтобы было весело. Попъ въ молитвѣ говоритъ: «Господи благослови! Вотъ мы теперь обсѣялись, кончили пашню, исправили, какъ слѣдуетъ, изгороди,—старый хлѣбъ съѣдаемъ, оканчиваемъ,—пусть новый родится хорошо. Дай, Господи,

дождя, хорошую погоду! избави отъ червя, града, засухи! Жили бы мы богато, счастливо, весело; пили, ѣли бы съ сосѣдями такъ же, какъ и теперь»... Поминая умершихъ стариковъ, говорятъ: «не сердитесь на насъ, старики! ничего противъ нашего желанія не дѣлайте». Другіе, сидящіе въ сторонѣ, ведутъ между собой разговоры, курятъ трубки, а молодежь играетъ, не обращая вниманія на взрослыхъ. Женщины постоянно потчуютъ кумышкой, говоря: ю, юя! (пей, ну пей!) Когда сварится жертвенное мясо, вынимаютъ его въ чашки и попъ беретъ по небольшой частичкѣ отъ сердца, печени и легкихъ каждаго и бросаетъ на огонь, говоря: тылъяськò пельяськò! (очищаю посредствомъ огня и дуновенія). Затѣмъ начинаютъ всѣ ѣсть. Что останется—несутъ домой и тамъ доѣдаютъ, давая и тѣмъ, кто не былъ на молельнѣ; кости животныхъ бросаютъ въ огонь чтобы не нашла собака или лѣсной звѣрь и хищная птица. Пируютъ три-четыре дня, расхаживая по улицамъ деревни группами, мужики съ мужиками, бабы съ бабами, а молодые съ молодыми; заходятъ въ избы, гдѣ ихъ угощаютъ кумышкой и пивомъ. Ребятишки на улицахъ играютъ въ городки и бабки, а парни около двадцати лѣтъ трутся около дѣвушекъ или играютъ въ карты, собравшись въ избу.

Третій праздникъ — *Бусы вось* (напольная жертва). Это тоже, что и Тулысъ-суръ; но подъ словомъ Тулысъ-суръ должно разумѣть вообще деревенскую пирушку, сопряженную съ жертвоприношеніемъ въ полѣ. Бусы вось же собственно значитъ только напольное жертвоприношеніе. Это жертвоприношеніе во многихъ селеніяхъ совершается по своему, а причиной этому—племенная разница вотяковъ, которые, какъ и русскіе, раздѣляются на разныя племена, и каждому племени съ давнихъ временъ присвоено особое названіе; такъ напримѣръ въ Сосновскомъ краѣ, по отзывамъ самихъ жителей, есть нѣсколько племенъ и племена эти имѣютъ такія названія: бэнѝ, пупъѝ, пургà, ворчà, веньѝ и проч. У каждаго племени божество Воршудъ особое; поэтому каждое племя въ молитвахъ обращается къ божеству своего племени. Нѣкоторыя племена, говорятъ, размножаются быстро, а нѣкоторыя могутъ произвести только опредѣленное число; если же приростъ перейдетъ извѣстное число, племя начинаетъ вымирать. Такимъ образомъ, народъ такого племени не можетъ размножиться никогда.

И такъ, опишемъ это напольное жертвоприношеніе, которое отправ-

ляется съ большимъ торжествомъ. Старый и малый обоего пола собираются въ полѣ подъ священной старой елью, гдѣ прежде отправлялись такія жертвоприношенія съ основанія деревни. Приводятъ туда двухъ жеребятъ, двухъ телятъ и двухъ барановъ и поручаютъ ихъ четыремъ выбраннымъ парчасямъ. Между тѣмъ какъ парчаси колютъ и потрошатъ животныхъ, другіе устраиваютъ на колышкахъ неподвижные столики и скамейки, кладутъ костры. Женщины кладутъ подъ ель короваи хлѣба съ воткнутыми въ средину ихъ древесными вѣтками, яичные блины, перепечи и проч. Попы дѣлаютъ три берестяныхъ коробки мушъ-куды и ставятъ ихъ на прибитые къ дереву гвозди. Вотъ костры запылали, — мясо въ котлахъ варится. Попы берутъ въ лѣвыя руки по древесной вѣткѣ и, не снимая шапокъ, становятся предъ елью, обратившись къ ней лицомъ. Началась молитва. Со всѣхъ сторонъ подходятъ къ нимъ съ бутылками женщины и угощаютъ ихъ. Взявши рюмки въ руки, попы нѣсколько капель отливаютъ въ коробки мушъ-куды, а остальную выпиваютъ сами; затѣмъ опять читаютъ нараспѣвъ свои молитвы, напоминающія унылые звуки монотонной пѣсни татарскаго муллы. Пѣсня попа въ переводѣ на русскій языкъ приблизительно такова: «Благослови, Господи, Хранитель-Питатель! Самъ своихъ людей храни, питай; избавь отъ всякаго зла, несчастія, бѣдствія. Вотъ мы теперь обсѣялись, исправили изгороди; старый хлѣбъ съѣдаемъ, пусть новый уродится хорошо. Что Тебѣ приносимъ въ жертву, пусть то будетъ пріятно. Хлѣбъ бы былъ съ тридцатью стебельками на одномъ корнѣ, съ двѣнадцатью-колѣнной соломой, съ серебрянымъ колоскомъ, съ золотымъ зерномъ; могли бы по нови бѣгать векша, рябчикъ... Дай, Господи, дождя, хорошую погоду; избави нивы отъ града, червя, ржавчины и проч. Жили бы мы весело, богато, мирно, согласно; были бы довольны хлѣбомъ, скотиной, дѣтьми. Благослови, Господи, благослови!» Окончивши молитву, предъ поднесеніемъ кумышки, обращаются ко всѣмъ участвующимъ въ празднествѣ, говоря: «ну, будьте здоровы, сосѣди со всѣми домочадцами!» Молитва попа часто прерывается подходящими къ нему мужиками, которые даютъ имъ денегъ—кто копѣйку, кто двѣ и т. д. Принимая коровай хлѣба и зашедши въ избу отдаетъ женѣ новаго десятника. Старый и новый десятникъ садятся за столъ и новый молится о благополучномъ отправленіи должности.

деньги на правый рукавъ платья, попъ благодаритъ дающаго и бросаетъ монету въ чашку, которая стоитъ у ногъ его на скатерти. Тѣмъ, которые жертвуютъ денегъ, попъ даетъ по частичкѣ блина, которыя принявшими и съѣдаются благословясь. Деньги идутъ въ пользу тѣхъ, кто отдалъ животныхъ на жертву. Во время молитвы женщины поютъ пѣсни, не имѣющія никакого значенія; другія ведутъ между собой разговоры или угощаютъ прочихъ мужиковъ кумышкой; въ сторонѣ отъ поповъ и взрослыхъ играютъ ребятишки и дѣвченки. Когда сварится мясо, парчаси отрѣзываютъ отъ грудины каждаго животнаго по кусочку, берутъ по ложкѣ и, почерпнувши бульону, даютъ попамъ; а попы, отливая по нѣскольку капель на огонь, говорятъ: «тылъ ясько̀, пельясько̀» (очищаю посредствомъ огня и дуновенія); а предъ принятіемъ мяса говорятъ: «о̀стэ Инмарѐ-Кылдысинэ!» (благослови Инмаръ-Кылдысинъ!) Затѣмъ попы садятся за столъ, приглашая сѣсть и прочихъ. Пѣсни смолкли — и всякъ старается занять мѣсто удобнѣе для себя. Мужчины садятся съ мужчинами, женщины—съ женщинами. Вынувши изъ котловъ мясо, парчаси сыплютъ въ бульонъ крупы столько, чтобы изъ этой крупы и бульону сдѣлалась каша. Изъ коробокъ мушъ куды кумышку пьютъ попы съ парчасями и самыя коробки съ нѣсколькими каплями кумышки оставляютъ на гвоздяхъ, прибитыхъ къ ели. Послѣ мяса ѣдятъ кашу. Обглоданныя попами кости зарываются въ землю, а другими бросаются въ огонь. Оставляя мѣсто молельни, попы и мужики въ послѣдній разъ говорятъ, поклонившись слегка ели: «о̀стэ иськѐ, Кылдысинэ! дзьечъ уть-во̀рды».

Такъ какъ праздникъ Тулысъ суръ продолжается не менѣе четырехъ дней, то нѣкоторыя деревни жертву приносятъ въ каждый изъ четырехъ дней отдѣльно по божествамъ; напримѣръ, въ Шарканскомъ приходѣ, по отзыву крестьянина Павла Михайлова, въ *первый* день приносится жертва въ Быдзимъ куалѣ божеству *Инву;* въ тотъ же день еще приносится въ *Лудв кенѐръ Нюлэсв мурту*, чтобы не было сильныхъ вѣтровъ; во *второй* день приносится въ полѣ *Инмару* и *Гудырй мумыу*, чтобы не было граду; въ *третій* день приносится опять Нюлэсъ мурту и въ *четвертый* день—*Инма̀рв-Кылдысйну*.

На другой день Бусы вэся отправляется *Таў-каро̀нв* (благода-

ренье) такимъ же образомъ, какъ отправлялось на другой день Гуждора.

Кромѣ этихъ жертвоприношеній ходятъ всей деревней мужики и бабы съ блинами и кумышкой въ шалашъ Быдзимъ-куалъ въ слѣдующіе дни: въ *Петровъ день, при началѣ страды*. Обряды такіе же, какіе соблюдаются въ другихъ случаяхъ.

Геръ-берѣ—Петровка (29 іюня). Праздникъ этотъ продолжается четыре дня. Такъ какъ свадьбы у вотяковъ преимущественно бываютъ въ этотъ праздникъ, то отправляютъ его весело и шумно. Мужики и бабы ходятъ изъ избы въ избу, пьютъ кумышку и пиво; молодые парни и дѣвушки ходятъ на рѣку купаться, гулять; мальчишки на улицахъ играютъ въ бабки, городки и мячики. Пьютъ и ѣдятъ въ шалашахъ, гдѣ хозяева молятся Воршуду, прося у него счастья и мирной жизни; попомъ бываетъ самъ хозяинъ, которому во все время моленья женщины подносятъ кумышку, съ пѣснями, чтобы было весело. Пропировавши дня четыре-пять, въ шестой вяжутъ вѣники, а вечеромъ выходятъ на сѣнокосъ — кладутъ начало полевой страдѣ. Когда во время праздника вотяковъ стоитъ хорошая погода, тогда русскіе косятъ траву и убираютъ сѣно въ скирды заблаговременно, а какъ только начнутъ косить вотяки — пойдутъ дожди и сѣно вотяковъ гніетъ подъ дождемъ.

Первый зимній праздникъ *Толъ-суръ*—зимнее пиво. Этотъ праздникъ продолжается съ Рождества Христова до Новаго года. Днемъ взрослые (мужчины и женщины) ходятъ группами изъ избы въ избу, пьютъ кумышку, пиво, а гдѣ и обѣдаютъ, если случится при нихъ обѣдъ съ гостями. Въ избахъ въ это время стоитъ табачный дымъ, запахъ кумышки и молосныхъ щей, каковыя варятся у нихъ, во время праздника, съ утра до вечера въ котлахъ надъ горячими угольями горна. Женщины, составляя свое общество, сидятъ въ углу у печи и потчуютъ другъ друга кумышкой, пивомъ и вареннымъ конопляннымъ сѣменемъ; мужчины сидятъ около стола въ шапкахъ или стоятъ съ трубками во рту, покачиваемые слегка кумышкой; имъ подносятъ рюмки съ кумышкой по двѣ и по три; поговорятъ они, поблагодарятъ хозяевъ и опять идутъ въ другую избу за такимъ же угощеніемъ. Дѣвушки, раздѣлившись на группы, ходятъ обнявшись изъ избы въ избу и угощаютъ другъ друга пи-

вомъ, а гдѣ и кумышкой. Холостые парни трутся около дѣвушекъ, угощаютъ ихъ пряниками, или, собравшись въ одну избу, проводятъ время въ картежной игрѣ на деньги, а мальчишки отъ 10 до 12 лѣтъ играютъ въ лодыжки, бѣгаютъ изъ избы въ избу или ходятъ тоже за дѣвушками вмѣстѣ съ совершеннолѣтними парнями; маленькія дѣвочки играютъ въ куклы (по вотски мынё).

По ночамъ взрослые изъ избы не ходятъ; зато парни и дѣвушки главнымъ образомъ играютъ по ночамъ. Какъ только зажгутся огни во всѣхъ избахъ, всѣ дѣвушки собираются въ одну избу гдѣ нибудь въ концѣ селенія, туда же идутъ и холостые парни, а кто музыкантъ—несетъ свою музыку—балалайку, гармонику, кречъ (гусли о 14 струнахъ). Какъ только соберутся всѣ, начинается шумъ, говоръ, смѣхъ, пляски, пѣсни и музыка; когда одинъ изъ лучшихъ игроковъ закричитъ на шумящихъ мальчишекъ: «энъ мудэ! зъибытъ» (не играйте! смирно), водворяется тишина, всѣ садятся на лавки и игрокъ начинаетъ играть на своемъ инструментѣ плясовую игру въ родѣ «барыни», дѣвушки выходятъ плясать на средину избы и пляшутъ, ходя зигзагами другъ противъ друга, причемъ похлопываютъ въ ладоши. Другаго рода плясокъ у нихъ нѣтъ. Съ дѣвушками иногда пляшутъ и парни, когда послѣднихъ пригласятъ сами дѣвушки; другіе или смотрятъ на пляшущихъ, или любезничаютъ гдѣ нибудь въ углу или въ сѣняхъ, а мальчишки играютъ въ лодыжки. Поигравши съ полчаса или больше, идутъ съ пѣснями въ другую избу, обнявшись парни съ дѣвушками, но заходятъ только въ тѣ избы, гдѣ есть взрослая молодежь; когда обойдутъ всѣ дома, дѣвушки расходятся по своимъ домамъ, до которыхъ провожаютъ ихъ парни. Эту ночную игру называютъ: уйбытъ ветлонъ, уйбытъ юонъ (ночное хожденіе, ночная пирушка).

Второй зимній праздникъ *Вэй масленча*, т. е. масляница, начинается обыкновенно съ четверга и продолжается до чистаго понедѣльника. Во время этой пирушки ходятъ группами изъ избы въ избу, ѣздятъ по гостямъ, катаются на саняхъ по улицамъ; ребятишки катаются съ горъ на салазкахъ и корытахъ, политыхъ снизу водой; а въ нѣкоторыхъ деревняхъ на горахъ устраиваютъ шесты, на подобіе рельсовъ желѣзныхъ дорогъ; шесты эти кладутъ на полѣнья въ разстояніи одинъ отъ другаго одного аршина и соединяютъ посредствомъ зарубокъ; внизу, на одномъ концѣ ихъ

стелютъ, или просто бросаютъ солому, для того, чтобы катающіеся не могли ушибиться въ случаѣ паденія; а чтобы шесты были гладки поутрамъ поливаютъ ихъ водой. Катанье производится только по вечерамъ и утрамъ слѣдующимъ образомъ: два человѣка (обыкновенно парень съ дѣвушкой) становятся на верхніе концы этихъ шестовъ одинъ противъ другаго и взявши другъ друга за руки, катятся книзу. Взрослые мужики и бабы ходятъ изъ избы въ избу пить кумышку.

Третій праздникъ *Будзимъ нуналъ*—Великій день, т. е. Пасха. Въ этотъ праздникъ пируютъ три дня. Наканунѣ праздника, вечеромъ, идутъ въ село; переодѣвшись на квартирѣ у духовныхъ, молодежь собирается въ церковь слушать чтеніе дѣяній апостольскихъ, хотя и не понимаетъ буквально ничего. Лавки у мелкихъ торговцевъ не запираются на Пасху всю ночь и бываютъ наполнены молодымъ народомъ, парнями и дѣвушками; первые угощаютъ послѣднихъ пряниками и конфектами. Послѣ обѣдни группы лицъ обоего пола гуляютъ по улицамъ, ходятъ изъ избы въ избу пить кумышку, пиво; молодые парни звонятъ на колокольнѣ. Мужчины привѣтствуютъ другъ друга словами: Креистосъ воскресе (Христосъ воскресе) и цѣлуются другъ съ другомъ, снявши шапки, троекратно; женщины же не имѣютъ обыкновенія привѣтствовать другъ друга и цѣловаться, считая это за стыдъ. Мальчишки ходятъ по духовнымъ, прося яицъ на праздникъ.

Кромѣ этихъ восьми праздниковъ отправляютъ пирушки по одному дню и въ слѣдующіе праздники: въ Новый годъ, въ Крещенье, въ Троицынъ день, въ Спасовъ день; а гдѣ есть часовни или церкви, посвященныя имени какого либо святого, пируютъ по три и по четыре дня.

Жертва Инмару приносится въ случаѣ засухи. Съ этою цѣлью собираются нѣсколько селеній на край поля, если нѣтъ шалаша; колютъ одного бычка, одну телку, утку, двухъ гусей и двухъ жеребятъ. Попъ дѣлаетъ три небольшія берестяныя коробочки, кладетъ ихъ подъ елку и, взявъ въ лѣвую руку сучекъ, молится въ шапкѣ, обратившись лицомъ къ елкѣ; женщины подносятъ ему рюмки съ кумышкой и онъ, отливши по нѣскольку капель отъ каждой женщины въ коробочки, остальную выпиваетъ самъ; угостивши сначала попа, женщины потчуютъ кумышкой прочихъ мужиковъ;

другіе между тѣмъ варятъ мясо животныхъ въ особыхъ котлахъ. Первую струйку крови каждаго животнаго попъ цѣдитъ въ ложку и льетъ на огонь. Во время молитвы онъ даетъ каждому мужику по частичкѣ блина, въ знакъ того, что молится за всѣхъ. Когда сварится мясо, попъ беретъ по частичкѣ отъ печени и сердца каждаго животнаго и бросаетъ въ огонь, говоря: тылъ ясько, пельясько, и затѣмъ начинается обѣдъ. Коробочки съ кумышкой оставляются на суку елки. Жертвоприношеніе это продолжается иногда три дня и каждый день съѣдаютъ по нѣскольку штукъ вышеозначенныхъ животныхъ.

Жертва Нюлэсъ Мурту. Этому богу приносятъ жертву два раза въ годъ весной и осенью. Опишемъ вкратцѣ весеннее жертвоприношеніе. Избравши изъ своей среды попа, идутъ съ женщинами въ лѣсъ, кладутъ костеръ, колютъ сѣраго барана и сѣраго гуся. Попъ дѣлаетъ коробочки и, взявши въ лѣвую руку сучекъ, молится въ шапкѣ, обратившись лицомъ къ елкѣ; а другіе варятъ мясо заколотыхъ животныхъ въ особыхъ котлахъ. Женщины всю стряпню кладутъ къ ногамъ попа подъ елку и потчуютъ его кумышкой; отъ каждой женщины попъ по нѣскольку капель отливаетъ въ коробочки, а остальную кумышку допиваетъ самъ; угостивши попа, женщины потчуютъ кумышкой прочихъ мужчинъ. Въ молитвѣ попъ проситъ, чтобы лѣтомъ не было сильныхъ вѣтровъ. Послѣ обѣда кости бросаютъ въ огонь и попъ дѣлаетъ на сучьяхъ елки полочку, кладетъ туда перья гуся и ставитъ коробки съ кумышкой. Это— общее жертвоприношеніе; такое же жертвоприношеніе бываетъ и осенью, когда просятъ у Нюлэсъ Мурта зайцевъ, бѣлокъ, рябчиковъ и проч., но бываютъ и частныя жертвоприношенія, когда приносятъ жертву Нюлэсъ Мурту охотники, прося звѣрей и птицъ.

Жертва Керемету. Ему приносятъ жертву три раза въ годъ: весной послѣ пашни, около Петрова дня (29 іюня) и осенью послѣ страды. Обрядъ жертвоприношенія таковъ же, какъ прочіе обряды, но съ тѣмъ только различіемъ, что попъ и прочіе стоятъ безъ шапокъ; здѣсь женщины не допускаются. Попъ молится на еловыхъ сучьяхъ съ еловымъ въ рукѣ сучкомъ и проситъ, чтобы участвующіе въ жертвоприношеніи избавились отъ всякаго зла. Колютъ жеребенка, козу и утку и варятъ ихъ въ отдѣльныхъ котлахъ.

Жертва Churу. Этому богу скотскихъ болѣзней приносятъ жертву только въ случаѣ болѣзней лошадей. Время жертвоприношенія избираютъ около 8 ноября, когда еще бываетъ немного снѣга. Выбравши изъ своей среды попа, надѣваютъ на худую, старую лошадь ветхую сбрую и запрягаютъ въ худыя сани; въ пестери кладутъ хлѣба, блиновъ и прочее, нужное для жертвоприношенія, берутъ котелъ и отправляются въ лѣсъ, гдѣ такое жертвоприношеніе обыкновенно уже прежде бывало. Пріѣхавши на мѣсто, выпрягаютъ лошадь, колютъ ее и потрошатъ; между тѣмъ попъ беретъ въ лѣвую руку сучекъ и, обратившись лицомъ къ елкѣ, молится, прося у Чера избавленія отъ болѣзней скота. Когда поспѣютъ щи, тогда искрошатъ мясо коня и ѣдятъ. Послѣ ѣды, втыкаютъ между оглоблями саней, подъ елкой, четыре кола, вѣшаютъ на эти колья шкуру принесенной въ жертву лошади и оставляютъ на произволъ судьбы. Окончивши жертвоприношеніе, на которомъ могутъ присутствовать одни только мужики, домой идутъ пѣшкомъ.

Жертва Шайтану. Ему приносятъ въ жертву черныхъ птицъ и утокъ только отдѣльныя семьи, въ случаѣ болѣзней кого либо изъ семейныхъ, по совѣту ворожцовъ.

Въ *первый день сѣнокоса*, по приходѣ съ луговъ, около четырехъ часовъ вечера, каждая семья ѣстъ въ шалашѣ Воршудъ *заварихy* съ масломъ. Это тоже своего рода жертва Воршуду, какъ покровителю семейства и виновнику счастья. До начала ѣды хозяинъ дома, принимая на себя роль жреца, обращается въ воображаемому божеству Воршуду съ просительной молитвой, стоя предъ стѣной, гдѣ находится коробка съ монетой. Во время молитвы онъ держитъ въ рукѣ рюмку съ кумышкой, а по окончаніи таковой говоритъ своимъ домочадцамъ, во всеуслышаніе: «я, сябась, пиналъ ёсъ!» (ну, будьте здоровы, ребята!)

Къ Воршуду, какъ особенно чтимому божеству, покровителю семейнаго счастія, хозяинъ дома обращается до *шестидесяти* разъ въ годъ, именно:

1) въ каждый *воскресный* день;

2) въ *Новый* годъ;

3) въ одинъ изъ дней *масляницы*;

4) утромъ до восхода солнца въ *великій Четвертокъ* и

5) въ *Пасху*.

По воскресеньямъ ходитъ съ тремя лепешками или табанями на деревянной тарелкѣ, а въ Новый годъ, Масляницу, Великій Четвертокъ и Пасху —съ блинами; въ Великій Четвертокъ къ блинамъ присовокупляется еще кумышка. По приходѣ изъ шалаша лепешки или блины ѣдятъ всѣ, такъ равно и кумышку пробуетъ каждый.

Осенью послѣ страды всей деревней совершается въ шалашѣ Быдзимъ-куалѣ жертвоприношеніе *Сэизьылэ куала-пырдно*. Въ жертву приносятъ тѣхъ животныхъ, которыхъ обѣщали на Съизьконѣ послѣ пашни. Въ молитвѣ просятъ счастія, мира, денегъ для исправнаго платежа податей. Обрядъ жертвоприношенія такой же, какъ и обряды при другихъ жертвоприношеніяхъ.

Чтобы не утомить читателя однообразнымъ содержаніемъ описаній обрядовъ жертвоприношеній, я буду стараться по возможности сокращать такія описанія.

Ульчапумѐ вэсяно (жертва на концѣ улицы или деревни). Жертва приносится осенью, преимущественно въ октябрѣ, въ предотвращеніе болѣзней людскихъ и скотскихъ; но кому приносится жертва—я, при всемъ своемъ стараніи, еще не могъ узнать, такъ какъ самое воображаемое божество, которому приносится жертва, стараются скрыть, тѣмъ менѣе объяснять что нибудь объ немъ. Самое жертвоприношеніе совершается въ концѣ деревни, ночью. Приносится въ жертву черный баранъ или черная утка. При жертвоприношеніи участвуютъ мужчины и женщины, а гдѣ только мужчины.

Зегудэ вылэ чежэ вэсяно (жертва на озимь). Осенью послѣ всхода на поляхъ озимей, ночью, хозяинъ дома, взявши въ пестерѣ *) хлѣба, блинъ, кумышки и живую утку, идетъ съ сыновьями въ поле; кладетъ тамъ небольшой костеръ, закалываетъ утку и варитъ ее въ принесенномъ котелкѣ. Во время варки жертвы становится на колѣни и молится, прося у воображаемаго божества хорошаго урожая въ полѣ.

Вукд-аэѐ чежэ-вэсяно (жертвоприношеніе предъ мельницей); это—случайное жертвоприношеніе по случаю прорыва плотины отъ напора воды. Запрудивши воду, пайщики идутъ на плотину съ хлѣбомъ, кумышкой и проч.; избираютъ изъ своей среды попа, ко-

*) Плетется изъ лыкъ сумка на подобіе солдатскаго ранца.

торый и закалываетъ принесенную утку и, выпотрошивши ее, изрѣзываетъ въ куски; прочіе же кладутъ костеръ, зажигаютъ его и варятъ утку въ котлѣ на перекладинѣ, утвержденной на колышкахъ по краямъ костра. Когда варится жертва, всякъ толкуетъ между собой о предметахъ, касающихся сельскаго хозяйства, а кто куритъ трубки. Черезъ нѣсколько времени, въ продолженіи котораго должна свариться утка, попъ стелетъ къ углу мельницы скатерть, кладетъ на нее блинъ и короваи хлѣба; затѣмъ онъ беретъ въ правую руку кусокъ мяса а въ лѣвую древесную вѣтку и становится, не снимая шапки, къ блину и короваямъ хлѣба. Мужики-пайщики, заинтересованные въ дѣлѣ пользованія мельницей, подносятъ ему рюмки съ кумышкой и онъ молится, прося у воображаемаго божества милости не прорывать больше плотины, не разрушать мельницы. Хотя въ молитвѣ, между прочимъ, и говоритъ: «Утьы̆сь-Ворды̆сь», но, должно полагать, что жертва приносится Ву-Мурту, такъ какъ бульонъ выливается въ прудъ, куда бросаются и кости. Жертву и блинъ ѣдятъ всѣ участвующіе въ жертвоприношеніи. Отошедши отъ мельницы послѣ жертвоприношенія, каждый закрываетъ лицо руками и говоритъ, поклонившись слегка въ сторону мельницы: «я, таберѐ медàзъ вуко-мѐсъ кыръ» (ну, пусть теперь не прорываетъ плотину).

Куриськòнъ (прошеніе счастія). Черезъ каждые два мѣсяца, а гдѣ черезъ недѣлю, всей деревней мужчины и женщины собираются въ домѣ зажиточнаго вотяка и варятъ тамъ кашу. Выбранный попъ сидитъ за столомъ въ шапкѣ; его угощаютъ женщины кумышкой, причемъ поютъ пѣсни. Попъ проситъ счастія, мира и всѣхъ благъ земныхъ. Кашу ѣдятъ съ масломъ, сначала мужчины, потомъ—женщины. Это — общій куриськонъ, но есть еще частные куриськоны въ каждой семьѣ отдѣльно.

Чоры̆гъ мыжъ (рыбная жертва). За страдающихъ глазной болѣзнію и поносомъ дѣтей приносится въ шалашѣ Воршуда, въ кругу семьи, рыбная жертва. Приглашенный особый жрецъ, или сàмъ хозяинъ проситъ у представляемаго въ умѣ божества здоровья больному, причемъ и упоминаетъ имя больного. Рыбу, блинъ ѣдятъ всѣ семейные.

Въ глазныхъ болѣзняхъ взрослыхъ приносится особымъ жрецомъ въ шалашѣ Быдзимъ-куалѣ жертва изъ птицъ—глухаря или тете-

рева. За каждаго родившагося живаго или уже умершаго до восьмилѣтняго возраста приносится въ жертву въ каждой семьѣ баранъ.

Быдзӥмъ-куналъ шыдъ (Пасхальные щи). Послѣ полудня извѣщаются всѣ односельцы мужчины и женщины о сборѣ къ одному изъ служившихъ попомъ на пасхальный обѣдъ. При видѣ собирающихся гостей, жена хозяина или снохи его стелютъ на столъ чистую скатерть и кладутъ на нее цѣлый коровай хлѣба; по сборѣ же гостей попъ-хозяинъ садится за столъ въ шапкѣ и молится о счастіи и благоденствіи и вообще о мирной жизни. Ему подносятъ женщины изъ его семьи въ рюмкахъ кумышки и онъ, отвѣдавши отъ каждой, обращается ко всѣмъ предстоящимъ со словами: «я, сябась, пиналъ ёсъ!... бускельёсъ!» (ну, будте здоровы, ребята!.. сосѣди!) и выпиваетъ кумышку. Помолившись съ полчаса, онъ отрѣзываетъ отъ коровая горбушку и даетъ одному изъ мужчинъ, а тотъ обноситъ прочихъ мужчинъ, которые, отщипывая по крошкѣ, пробуютъ этого хлѣба въ знакъ мира и согласія. Послѣ молитвы, женщины накрываютъ столъ разною стряпней, ставятъ на столъ чашку со щами или кашей и хозяинъ приглашаетъ гостей садиться. Послѣ мужчинъ садятся женщины. Послѣ обѣда, за тѣмъ же угощеніемъ идутъ въ другіе дома. На такіе обѣды, сопровождаемые молитвой, собираются и въ слѣдующіе праздники:

1) въ *Петровъ день* (Гербѐръ-шыдъ);

2) въ *Рождество Христово* (Толъ суръ шыдъ);

3) въ *Масляницу* (масленча̀ шыдъ) и

4) въ *храмовые праздники.*

Корка̀-пырд̀нъ (новоселье). Родственники и знакомые, когда вздумается и дозволитъ удобное время, но только въ томъ же году, въ которомъ хозяинъ перешелъ на житье въ новый домъ, ѣдутъ на новоселье; причемъ, по заведенному обычаю, везутъ съ собой какіе нибудь подарки изъ посуды, мебели, животныхъ и стряпни. Для пріѣзжихъ гостей готовится разное угощеніе, состоящее изъ щей, говядины и стряпни. Къ гостямъ присоединяются и сосѣди. По сборѣ гостей, хозяинъ дома садится за столъ и проситъ у Бога благословенія на жизнь въ новомъ домѣ. Его угощаютъ снохи кумышкой, а послѣ нихъ—другія женщины, пришедшія со своей кумышкой. На столѣ передъ хозяиномъ—яичный блинъ, коровай хлѣба, солонка съ солью. По окончаніи молитвы, женщины покрываютъ

столъ разною стряпней и приглашаютъ садиться пріѣзжихъ гостей и сосѣдей, но послѣдніе обыкновенно довольствуются однимъ угощеніемъ кумышкой. Въ комнатахъ говоръ, пѣсни, толкотня, а воздухъ наполненъ дымомъ отъ куримыхъ трубокъ и запахомъ молосныхъ щей, жаркихъ и проч. Кто имѣетъ самоваръ — до обѣда угощаютъ чаемъ. Хозяина всякій поздравляетъ съ новосельемъ, желаетъ ему счастія, умноженія семейства. Болѣе почетные гости вбиваютъ въ столъ или въ матицу (перекладина на потолкѣ) мѣдныя монеты съ лоскутками краснаго ситцу или же даютъ въ руки хозяйкѣ, которая, принявши монету на правый рукавъ платья, благодаритъ дающаго, желая ему богатства. Подарившій монету получаетъ особенное угощеніе кумышкой. Такъ равно вбиваютъ монеты съ лоскутками въ знакъ памяти и въ ворота, и въ клѣтяхъ, особенно новобранцы, прощаясь съ родными и знакомыми. Угощеніе хозяина новаго дома кумышкой чужими женщинами называется *коркà сектанъ* (угощеніе новаго дома). На угощеніе гостей по случаю новоселья выходитъ хозяйской кумышки не болѣе ведра.

Послѣ новоселья или до него хозяинъ съ женой заходятъ въ подполье съ однимъ блиномъ и кумышкой, берутъ съ собой, молоденькую ёлочку съ аршинъ вышиной и начинаютъ обрядъ «обѣщанія» — *Гулбечè сзизькòнъ*. Хозяинъ втыкаетъ ёлочку въ передній уголъ и отламываетъ отъ нея небольшую вѣтку или просто сучёкъ и становится на колѣни передъ ёлочкой; жена его стелетъ предъ нимъ скатерть и кладетъ на нее блинъ; затѣмъ она беретъ бутылку съ кумышкой, наливаетъ въ рюмку и подаетъ мужу, и тотъ, взявши въ правую руку рюмку, а въ лѣвой держа вѣтку, читаетъ свои молитвы, между которыми заключаются такія слова: «остэ, инмаре макè коркà сётъидъ, медъ дзьечъ улò; таты́нъ медъ пересьмò, медъ кулò» (благослови, Господи! какую избу далъ, пусть въ ней буду жить хорошо; пусть въ ней состарѣю и умру). Чтобы Бустурганъ не наводилъ на живущихъ въ домѣ страхъ, обѣщаетъ принести въ жертву чернаго барана или другихъ четвероногихъ животныхъ. По окончаніи молитвы пьетъ кумышку и закусываетъ блинкомъ.

Обѣщанную жертву приносятъ чрезъ нѣсколько лѣтъ или въ избѣ или тутъ же въ подпольѣ. Пока варится жертва, хозяинъ молится на колѣняхъ, прося счастія въ домѣ, богатства и всѣхъ благъ земныхъ, и говоря, что обѣщанную жертву уже приноситъ;

кости животнаго зарываетъ въ землю. Это жертвоприношеніе называется *Гулбечё така васяне* (жертвоприношеніе въ подполье).

Чуме пырдне (вхожденіе въ клѣть). Здѣсь особенныхъ церемоній нѣтъ. Хозяинъ стоитъ предъ иконой, которая имѣется въ клѣти каждаго вотяка, и проситъ въ молитвѣ счастія въ новой клѣти. Во время молитвы жена угощаетъ его кумышкой, а по окончаніи таковой ѣдятъ блины.

Куала пырдне (вхожденіе въ новую куалу Воршуда). Прежде, чѣмъ сказать кое что объ обрядахъ по случаю вхожденія въ новую куалу, нужно познакомить читателя съ мѣстомъ боготворимой коробки, символомъ Воршуда. Въ срединѣ передней стѣны ставится четырехъугольный столбъ вышиной въ четыре аршина; на верху этого столба устраиваются двѣ или три полочки. Въ самый день вхожденія въ куалу хозяинъ ставитъ на верхнюю полочку небольшую икону съ изображеніемъ святителя Николая или Богородицы, а за икону ставитъ берестяную коробку съ серебряной монетой; это, какъ мы сказали выше, — символъ Воршуда. На нижнія полочки кладутъ липовыя вѣтки. Зашедши съ блиномъ въ куалу, хозяинъ становится предъ иконой и, обратившись лицомъ къ ней, а мысленно — къ Воршуду, читаетъ свои молитвы, прося у воображаемаго божества счастія въ новой куалѣ. Во время молитвы находятся въ куалѣ всѣ семейные; жена его угощаетъ кумышкой; помолившись, отрѣзываетъ отъ принесеннаго цѣльнаго коровая небольшую горбушку, отрываетъ отъ блина частичку и бросаетъ ихъ въ огонь, тоже что-то говоря.

Виро (жертва съ кровію). Это жертвоприношеніе основано на томъ повѣріи, что умершіе старики могутъ насылать болѣзни на лошадей и рогатый скотъ; поэтому самая жертва приносится имъ въ новой конюшнѣ. Заколовши овцу, варятъ ее въ конюшнѣ же. Хозяинъ беретъ въ лѣвую руку древесную вѣтку и, не снимая шапки, становится въ передній уголъ. Предъ нимъ на скатерти или просто въ рукѣ его яичный блинъ. Жена его подноситъ ему рюмку съ кумышкой и, между прочимъ, говоритъ: «старики (умершіе)! жертву свою берите въ руки и ноги; лошадей не давите, коровъ не мучьте». Послѣ молитвы дѣлитъ между всѣми блинъ, а съѣвши мясо, кости зарываютъ въ передній уголъ.

Жертва умершему. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти взро-

слаго приносится въ жертву жеребчикъ въ избѣ или въ лѣсу, чаще въ избѣ. Въ послѣднемъ случаѣ жертва приносится такимъ образомъ: когда сварится въ котлѣ надъ горячими угольями горна конина, тогда хозяинъ зажигаетъ предъ иконой восковую свѣчу и вся семья становится предъ иконой на молитву; молясь за упокой души умершаго, представляя ее присутствующей при молитвѣ, говорятъ: «я, таберѐ азядъ медъ усёзъ; дзьѐчъ мѣстà—адъ умòй улъ» (ну, теперь пусть жертва будетъ пріятна тебѣ; на хорошемъ мѣстѣ живи счастливо). Помолившись и положивши по три земныхъ поклона, вся семья садится за столъ. Женщины приносятъ въ чашкѣ съ кусками грудины щи подъ названіемъ «мэля-лымъ» и начинаютъ ѣсть. Кто питаетъ отвращеніе къ мясу коня, тотъ уходитъ въ сторону. Выхлѣбавши щи, опять выходятъ изъ за-стола и встаютъ на молитву; затѣмъ приносятъ остальное мясо; во время яденія соблюдается строжайшая тишина. Послѣ ѣды кости собираются въ одно мѣсто, а въ головной черепъ кладется копѣйка. Жертвоприношеніе это совершается около полуночи скрытно; входъ въ избу для постороннихъ въ это время бываетъ недоступенъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ ѣды двое изъ мужиковъ уносятъ кости въ пестеряхъ въ лѣсъ; берутъ еще съ собой рюмку съ кумышкой и оставляютъ ее вмѣстѣ съ костями въ лѣсу подъ ёлкой.

Мѣста, гдѣ бросаютъ кости жертвы, служатъ для вотскихъ дѣтей предметами страха и на этомъ страхѣ основаны разные повѣрья и разсказы. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, слышанный отъ вотскаго мальчика дер. Урдогурта.

— Когда мы лѣтомъ искали лошадей, разсказывалъ мальчикъ, привелось проходить мимо того мѣста, куда бросаютъ кости умершимъ старикамъ. Вдругъ изъ-подъ ёлки кто-то началъ бросать въ насъ костями. Мы страшно перепугались—и давай бѣжать въ сторону деревни; такъ бѣжали, что одинъ изъ насъ и узду чуть не потерялъ, а о лошадяхъ и думать забыли; людей же тамъ не было.

Поминка—поминовеніе умершихъ. Усопшихъ отцовъ и братьевъ жители поминаютъ два раза въ году: въ радоницу послѣ Пасхи вмѣстѣ съ русскими, служа въ церкви панихиды, и осенью послѣ страды. Послѣднія поминки они считаютъ главными, поэтому сзываютъ родню, стряпаютъ разные пирожки, перепечи, шаньги и проч., и пьютъ, и ѣдятъ за столомъ съ пѣснями и разговорами.

Обѣду предшествуютъ земные и поясные поклоны предъ иконами, въ чемъ участвуютъ всѣ хозяева и гости, а потомъ хозяинъ, взявши рюмку съ кумышкой въ руки, произноситъ вслухъ протяжно: я, сябàсь, старикъ ècъ! дзечь улэ со àзъ дуны-ыннъ (ну, будьте здоровы, старики! хорошо живите на томъ свѣтѣ); послѣ этого проситъ гостей сѣсть за столъ. Кромѣ главныхъ поминокъ нѣкоторыя семьи отправляютъ между собой въ зимнее время и частныя поминки безъ всякихъ пирушекъ и попоекъ за ужиномъ, состоящимъ изъ щей или каши, въ которыхъ сварено мясо утки или другой птицы; а иные дѣлаютъ поминки по случаю болѣзни кого-либо изъ семейныхъ, думая тѣмъ сдѣлать облегченіе больному; они вѣрятъ, что умершіе послѣ смерти могутъ имѣть вредное вліяніе на живыхъ, если послѣдніе забудутъ ихъ и не станутъ поминать).

Урвèсь—обрядъ изгнанія шайтановъ и болѣзней. Этотъ обычай основанъ на повѣріи, что болѣзнь ходитъ въ человѣческомъ образѣ изъ деревни въ деревню, напуская на людей разную хворость. Болѣзни служатъ спутниками шайтана—духа зла, витающаго около людей. Урвèсь, по отзыву вотяка поч. Малаго Казеса Шарканскаго прихода, Степана Широбокова, отправляется два раза въ году—въ послѣднихъ дняхъ декабря и іюня—въ предотвращеніе горячки, а самый обрядъ совершается такимъ образомъ: несовершеннолѣтніе ребята въ сопровожденіи одного взрослаго отправляются на возвышенное мѣсто въ полѣ, взявши съ собой говядины, крупы, яицъ и кумышки. На избранномъ мѣстѣ подъ елью кладутъ костеръ, зажигаютъ его и варятъ надъ нимъ въ принесенномъ котелкѣ кашу и яица. Взрослый стоитъ подъ елью, читая молитвы, въ которыхъ проситъ здоровья и проч. Каждый мальчикъ подноситъ ему кумышки и онъ, принявши рюмку, нѣсколько капель отливаетъ на огонь, а остальную выпиваетъ самъ. Съѣвши кашу и прочее, берутъ по сухой хворостинѣ (обыкновенно пихтовой съ сухими легко воспламеняющимися хвоями) и оставляютъ мѣсто, гдѣ ѣли кашу. Отошедши нѣсколько саженей отъ ёлки, останавливаются всѣ и смотря въ сторону еще дымящагося костра, кричатъ хоромъ о! о! о!!!! и этотъ крикъ отдается по окрестностямъ продолжительнымъ эхомъ. Это повторяется до трехъ разъ, думая, что болѣзнь—горячка и сопутствующіе ей шайтаны, движимые страхомъ, удалятся отъ

окрестностей деревни по удаляющемуся звуку. Пришедши въ деревню, заходятъ въ первую избу и, если нѣтъ опасности, зажигаютъ хворостины въ избѣ; потомъ выходятъ изъ избы съ шумомъ и визгомъ, заходятъ въ другія, но только въ тѣ, изъ которыхъ ходили мальчики на Урвѐсь и имѣютъ въ рукахъ хворостины; ударяютъ хворостинами по лѣстницамъ, стѣнамъ и проч. чтобы произвести шумъ, а для большаго эффекта кричатъ: «Урвѐсь вуйзъ! Урвѐсь вуйзъ! (Урвѐсь поспѣлъ! Урвѐсь поспѣлъ!). Обошедши такимъ образомъ дома, идутъ къ рѣчкѣ, бросаютъ въ нее хворостины и кричатъ до трехъ разъ о! о! о!!!!! И послѣ этого крика говорятъ: «куда голосъ и хворостины идутъ, туда удаляются и шайтаны». Въ полѣднихъ числахъ декабря Урвѐсь отправляется въ лѣсу, а хворостины бросаются въ логъ, на конецъ деревни.

Въ Сосновской сторонѣ обрядъ изгнанія шайтановъ и болѣзней, подобный Урвѐсю, совершается иначе, и называется *Чокмàръ*.

Слово «Чокмàръ» происходитъ отъ слова «молотокъ», который употребляется при этомъ обрядѣ.

На третій день Рождества Христова ребята ходятъ по домамъ съ флягой или боченкомъ, собирая кумышку для отправленія Чокмàра. Обошедши дома, выбираютъ изъ своей среды попа; дѣлаетъ каждый для себя небольшой деревянный молотокъ; берутъ нѣсколько кусковъ мяса, языкъ коровій, хвостъ (тоже коровій), крупы и идутъ за деревню, гдѣ есть хвойныя деревья. Пришедши на мѣсто, кладутъ костеръ, зажигаютъ его и варятъ въ принесенномъ котелкѣ кашу. Избранный попъ беретъ въ лѣвую руку древесную вѣтку и, обратившись лицомъ къ ели, бормочетъ свои молитвы, между которыми заключаются такія слова: «я иськѐ шайтанъ ёсь-медъ кошкöзы инъй» (ну такъ пусть уже шайтаны уходятъ отъ насъ). Во время молитвы товарищи попа потчуютъ кумышкой, а другіе варятъ кашу; кто изъ ребятъ не будетъ угощать попа, того ударяютъ легонько по головѣ молоткомъ. Кашу ѣдятъ всѣ безъ шуму. Оставшуюся кумышку послѣ обѣда допиваютъ и напившись, подъ вліяніемъ кумышки, поднимаютъ крикъ, визгъ, смѣхъ и проч. и съ такимъ шумомъ идутъ въ деревню. Заходятъ въ первую избу и просятъ кумышки; кто по скупости не удовлетворитъ ихъ требованію, у того производятъ имѣющимися въ рукахъ молотками страшнѣйшую стукотню—и хозяинъ поневолѣ долженъ подать по рюмкѣ, а

выгнать непрошеныхъ гостей, по заведенному обычаю, не можетъ; если же кто, недовольный поступкомъ ихъ, какимъ нибудь образомъ пригрозитъ имъ, тому показываютъ разные загадочные знаки. Выпивши по рюмкѣ, шумная ватага выходитъ изъ избы и хозяинъ, зажегши лучину, бросаетъ ее въ слѣдъ уходящимъ со словами: «шайтанъ ёсты серады медъ кошкōзы» (пусть шайтаны ваши идутъ за вами). Когда такимъ образомъ обойдутъ всѣ дома, молотки бросаютъ за деревню.

Шортъ-моськонъ—мытье мотовъ. Когда женщина напрядетъ нѣсколько мотовъ пряжи, сзываютъ родню, кумовей, сватовъ съ молодыми людьми; настряпаютъ разныхъ шанегъ, перепечей, блиновъ, пирожковъ и проч., запрягутъ въ сани по одной лошади и провожаютъ гостей на рѣку мыть моты, смоченные предварительно въ щелоку съ золой. Пріѣхавши съ рѣки, моты развѣшиваютъ на шестахъ, сами переодѣваются въ лучшіе наряды и начинаютъ пирушку. Всю стряпню ставятъ на столъ, садятъ гостей и потчуютъ говоря имъ: «я, сучьке, сіе» (ну доставайте, ѣшьте); передъ гостями стоятъ женщины съ бутылками кумышки; а чтобы гости не скучали, поютъ пѣсни; въ сторонѣ у печи сидятъ бабы-старухи, тоже угощая другъ друга кумышкой и разговаривая между собой; непрошеные гости, т. е. пришедшіе поглядѣть на пирующихъ или попить готовой кумышки, сидятъ на лавкахъ или стоятъ, куря трубки; если хмѣль войдетъ въ голову, то и они вторятъ пѣснямъ женщинъ, кто какъ можетъ, и говорятъ женщинамъ: «я, кырзалэ, кырзалэ (ну, пойте, пойте!); ребятишки тоже трутся около мужиковъ. Пирушка продолжается до вечера; расходятся по домамъ не всѣ вдругъ, а одинъ за другимъ. Праздникъ этотъ обыкновенно бываетъ на масляной недѣлѣ или великимъ постомъ.

Десятникъ—Шыдъ (десятническій обѣдъ). Вечеромъ 30 числа декабря, по заведенному обычаю, всей деревней (мужчины и женщины) собираются у стараго десятника отпраздновать исполненіе имъ годичной службы десятника. Каждая женщина беретъ съ собой бутылку кумышки, а мужчина—домохозяинъ—денегъ, кто копѣйку, кто двѣ и т. д, а болѣе зажиточные—по серебряной монетѣ копѣекъ въ двадцать. Для собравшихся гостей жена хозяина варитъ кашу съ зайчиной. Изба кишитъ собравшимися и разговаривающими гостями, а воздухъ пропитанъ табачнымъ дымомъ отъ куримыхъ,

трубокъ. Когда поспѣютъ щи—хозяинъ (старый десятникъ) садится за столъ. Жена его приноситъ въ чашкѣ на столъ кашу и зайчины; въ чашку хозяинъ кладетъ масла, а по краямъ каши—куски зайчины; потомъ отрѣзываетъ отъ цѣльнаго коровая горбушку и молится, держа ее въ рукѣ. Въ молитвѣ проситъ счастія новому десятнику, благодаритъ Бога за исправное отправленіе должности, желаетъ здоровья и всѣхъ благъ односельцамъ. По окончаніи молитвы горбушку даетъ одному изъ своихъ односельцевъ и тотъ обноситъ ею другихъ, и каждый отламываетъ для себя небольшой кусокъ и съѣдаетъ; затѣмъ онъ беретъ въ ложкѣ каши и опять начинаетъ свою молитву; жена его подноситъ ему кумышки въ рюмкѣ. Послѣ хозяйки подходятъ къ нему другія женщины и угощаютъ его своей кумышкой. Принимая рюмку, онъ молится за другое семейство; нѣсколько капель кумышки изъ рюмки отливаетъ въ бутылку женщины, а остальную допиваетъ самъ; послѣ этой женщины идутъ другія, третьи и т. д. Исполнивши весь обрядъ моленья, выходитъ изъ-за стола и проситъ мужчинъ садиться за столъ. Когда мужчины сядутъ за столъ, хозяйка дома ставитъ на столѣ для гостей четвертную бутыль съ кумышкой, и къ бутылкѣ каждый сидящій за столомъ кладетъ принесенную съ собой монету. Одинъ изъ гостей, который сидитъ въ переднемъ углу, принимая на себя, по обычаю, роль хозяина, наливаетъ въ рюмку кумышки и подноситъ хозяину и тотъ, взявши въ руку рюмку, обращается ко всѣмъ со словами: «ну, будьте здоровы, милые гости—сосѣди! дай Богъ вамъ счастія, мира; какъ я исправно отправилъ свою должность, такъ желаю отправить и другимъ». Выпивши до капли, опрокидываетъ рюмку и, показывая ее гостямъ, говоритъ: «ну, тàкъ пейте всѣ». Гости благодарятъ его за это. Принявшій роль хозяина угощаетъ кумышкой сидящихъ за столомъ и всѣхъ вообще мужчинъ. Женщины тоже угощаютъ хозяина своей кумышкой и поютъ пѣсни, подошедши къ столу. Гости пьютъ, ѣдятъ, разговариваютъ за столомъ. Наѣвшись выходятъ изъ-за стола; послѣ нихъ садятся женщины. Къ 12 часамъ 1 Января старый десятникъ идетъ съ своей женой къ новому съ падожкомъ, служащимъ знакомъ десятнической должности и рубежами, на которыхъ значатся числа выставленныхъ домохозяевами подводъ. Жена его беретъ съ собой бутылку кумышки, цѣльный коро-

вай хлѣба и, зашедши въ избу, отдаетъ женѣ новаго десятника. Старый и новый десятникъ садятся за столъ и новый молится о благополучномъ отправленіи должности.

Такія же поздравленія и обѣды отправляются въ честь вступающихъ въ разныя по выборамъ должности и прослужившихъ таковыя; но для уволенныхъ по распоряженію начальства за какую-нибудь вину и не прослужившихъ положеннаго срока этой чести нѣтъ.

Повѣрья и преданія.

Ночь на Великій Четвертокъ. Въ ночь на Великій Четвертокъ, по повѣрью жителей, дана воля всѣмъ колдунамъ, чертямъ и всякой нечистой силѣ ходить вездѣ, напуская болѣзнь на людей Чтобы обезпечить свое жилище отъ нечистой силы и колдуновъ, приносятъ вечеромъ въ Великую Среду изъ ближайшихъ лѣсовъ различныя растенія, которымъ приписывается сила отгонять нечистыхъ духовъ и колдуновъ, особенно верескъ и шипицу, и втыкаютъ ихъ около оконъ и дверей: верескъ у каждаго окна около ставень, а шипицу—подъ дверью. Кромѣ этихъ растеній нѣкоторые кладутъ на косякъ дверей траву *чуньы-быжв* «жеребячій хвостъ» противъ Чера (Черъ божество болѣзней). Кто занимается колдовствомъ, тотъ въ эту ночь, въ самую полночь, когда въ домѣ спятъ всѣ семейные, оборачивается въ сороку и вылетаетъ чрезъ трубу и, вылетѣвъ, напускаетъ болѣзнь на всѣхъ, кто ляжетъ спать не благословясь или до кого Богъ допуститъ за грѣхи. Поэтому, какъ только наступятъ сумерки, никто изъ избы одинъ не выходитъ на дворъ, кромѣ стариковъ и безстрашныхъ: всѣмъ въ это время что-то чудится. Колдуны, говорятъ, оборачиваются въ свиней, сорокъ и кошекъ, а шайтаны (бѣсы) ходятъ въ образѣ ободранныхъ коровъ и прочихъ животныхъ.

Послѣ сумерекъ (а иные и въ самую полночь), если благопріятствуетъ хорошая погода, вооружившись топорами, ножами и заряженными ружьями, идутъ за деревню въ поле, ничего не говоря между собой, чтобы не услышали колдуны и бѣсы. Остановившись на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ, одинъ изъ мужиковъ, постарше прочихъ лѣтами, очерчиваетъ товарищей своихъ три раза

При такомъ гаданіи пишущій эти строки присутствовалъ однажды самъ и крайне былъ удивленъ, увидѣвъ появившіеся подъ столомъ хлѣбныя зерна, которыхъ, по увѣренію гадающихъ и даже божбѣ ихъ, съ вечера не было. Дѣло было такъ: проснувшись утромъ до восхода солнца, я съ преднамѣренною цѣлью посмотрѣть на гаданье, зашелъ въ хозяйскую половину дома (я квартировалъ въ другой половинѣ) и засталъ ребятишекъ подъ столомъ, подъ руководствомъ старшихъ искавшими въ переднемъ углу *таинственныхъ зеренъ* съ зажженными въ рукахъ лучинками.

— Чего это они ищутъ тамъ, спросилъ я хозяина квартиры, смотря на гомозящихся около стола и подъ лавками ребятишекъ.

— Хлѣбныхъ зеренъ ищутъ—отвѣтилъ хозяинъ.

— Какихъ?

— А какія попадутъ.

Зачѣмъ зерна должны быть тутъ и на что ихъ, спросилъ я. Тутъ хозяинъ разсказалъ мнѣ подробно о томъ, какъ появляются подъ столомъ зерна хлѣбныхъ растеній, какъ гадаютъ по нимъ объ урожаяхъ хлѣбовъ.... Въ то время, какъ мы разговаривали съ хозяиномъ, ребятишки, при каждомъ нахожденіи, вѣроятно, зеренъ вскрикивали радостно: «нашелъ!.. опять нашелъ!..» и проч. Это исканіе таинственныхъ зеренъ длилось при мнѣ около пяти минутъ и когда оно прекратилось, всякій передавалъ хозяину найденныя зерна различныхъ родовъ, и хозяинъ, смотря на нихъ, съ какимъ-то непонятнымъ для меня благоговѣніемъ, говорилъ: «вотъ этого хлѣба Богъ дастъ! Этого будетъ мало» и проч. Первыя слова произносились на большее число зеренъ, а послѣднія—на самое меньшее.

— Какъ онѣ очутились тамъ? Обратился я опять къ хозяину.

— Ихъ послалъ Богъ (Кылдысинъ); по нимъ можно узнать впередъ, какого хлѣба будетъ много и какого мало.

— Куда же теперь ихъ положите? Хранить будете?

— Унесемъ въ амбаръ и положимъ зерна ржи въ сусѣкъ съ рожью, зерна овса—въ овесъ и т. д.

— Однако я не вѣрю, что онѣ тутъ очутились сами; ихъ, должно быть, набросалъ туда вечеромъ кто нибудь изъ семейныхъ. Такими словами я выражалъ недовѣріе къ таинственному появленію зеренъ и хозяинъ мой на это возразилъ:

— О нѣтъ! зачѣмъ бросать! Вечеромъ у насъ нарочно метутъ въ избѣ подъ столомъ и подъ лавками чисто.

Противъ этого говорить не считалъ я удобнымъ, такъ какъ это могло вызвать пренебреженіе ко мнѣ самому, какъ невѣрующему, по понятію ихъ, въ дѣла Божіи.

Когда я зашелъ къ нимъ при исканіи дѣтьми таинственныхъ зеренъ, никого спящимъ на постели не засталъ,—всякій былъ занятъ уже какимъ нибудь дѣломъ или стряпней. По повѣрью, если въ это утро до солнца не встанешь—будешь весь годъ лѣниться; вотъ поэтому каждый, не желая слыть лѣнтяемъ, оставаться въ лежачемъ положеніи считалъ дѣломъ непохвальнымъ. Кто былъ старше, вставалъ прежде и будилъ молодыхъ.

Ночь на Вербное Воскресенье, Когда зажгутся во всѣхъ избахъ огни, парни и дѣвушки, собравшись у кого нибудь въ концѣ деревни, берутъ въ руки по ивовому прутику, идутъ съ шумомъ, визгомъ и гиканьемъ на другой конецъ деревни и заходятъ въ послѣднюю избу; зашедши, хлещутъ имѣющимися въ рукахъ прутиками или вицами стѣны, лавки, полъ, углы и людей, особенно лежащихъ на постеляхъ, говоря при этомъ: нервачъ! нервачъ! Если кто спитъ съ молодушкой, бросаютъ въ нихъ комьями снѣга, говоря тоже: нервачъ! нервачъ! Затѣмъ хозяинъ дома зажигаетъ лучину и выходитъ съ ней на дворъ, за нимъ идетъ и вся толпа молодежи; сошедши съ лѣстницы, хозяинъ бросаетъ лучину на землю и мгновенно вся толпа обступаетъ ее; одинъ изъ толпы беретъ ее въ руки и бросаетъ ею въ товарища, а тотъ опять бросаетъ въ другаго, такъ что пока искрится на ней огонекъ, всѣ бросаютъ ею другъ въ друга, а въ промежуткахъ между бросаніемъ прочіе, если успѣваютъ, стегаютъ ее на землѣ вицами, говоря: нервачъ! нервачъ! «стегай! стегай» (шайтана)! Затѣмъ, когда не будетъ на лучинкѣ никакихъ признаковъ огня, говорятъ хозяину: «ну, ступай въ избу: шайтана выгнали». Хозяинъ входитъ въ избу, а нервачники, взявши огарокъ лучины съ собой, идутъ въ другую избу и дѣлаютъ тоже, что дѣлали въ первой избѣ, и отъ каждаго хозяина берутъ по огарку лучины, которою бросали другъ въ друга. Когда обойдутъ всѣ дома—идутъ съ огарками за деревню и жгутъ тамъ остатки своихъ прутьевъ и вицъ. Окончивши и эту церемонію, идутъ по домамъ.

Ночь на Ивановъ день .(24 іюня). Вечеромъ на закатѣ солнца женщины-лекарки ходятъ на лужокъ за Ивановской травой; рвутъ ее только въ трехъ мѣстахъ. Травы эти, между которыми могутъ быть и ядовитыя, по мнѣнію лекарокъ, вылечиваютъ человѣка отъ многихъ болѣзней; настаиваютъ ими кумышку, водку или просто воду и подаютъ больнымъ, говоря имъ: остэ шу! Въ другихъ деревняхъ вечеромъ топятъ баню и вяжутъ вѣники изъ желтыхъ цвѣтовъ купальницы и березовыхъ вѣтокъ; вѣниками этими парятся въ банѣ, и выпарившись, бросаютъ вѣники на крышу бани. Черезъ три дня идутъ смотрѣть эти вѣники; если чей нибудь вѣникъ пожелтѣлъ, человѣкъ, который парился имъ въ банѣ, въ этомъ году умретъ или, если не умретъ, то будетъ страдать болѣзнью—желтухой; если чей вѣникъ не пожелтѣлъ, тотъ будетъ живъ и здоровъ. Одержимый болѣзнью въ эту ночь выходитъ за околицу, ложится на траву и перевертывается на ней, подобно бревну, три раза. Этимъ онъ, по повѣрью избавляется отъ болѣзни.

Повѣрья животныхъ и растеніяхъ и друг. предметахъ Медвѣдь произошелъ отъ человѣка, поэтому онъ слова человѣка понимаетъ такъ же, какъ понимаетъ человѣкъ человѣка, но только говорить не можетъ. При внезапной встрѣчѣ съ медвѣдемъ слѣдуетъ только сказать ему: у тебя, большой человѣкъ, своя дорога, а у меня своя; иди ты своей дорогой, меня не тронь—и медвѣдь уйдетъ, не тронувъ человѣка. Говорятъ, что медвѣди крали женщинъ и, уводивъ ихъ съ собой въ берлогу, приживали съ ними дѣтей. Медвѣдь, если увидитъ слѣдокъ молодушки, съ радости пляшетъ какъ подъ музыку, а если увидитъ беременную женщину съ мальчикомъ, который долженъ быть звѣроловомъ, ту женщину живой не оставитъ. Если медвѣдь будетъ давить чью нибудь скотину и увидитъ это хозяинъ скотины, — медвѣдь уйдетъ; а если увидитъ чужой—медвѣдь опасенъ.

Надъ убитымъ медвѣдемъ смѣяться не должно: Нюлэсъ—муртъ разсердится. Въ подтвержденіе этого приводятъ такой случай: однажды молодые охотники убили медвѣдя и, содравши съ него кожу, взобрались на ёлку, чтобы посмѣяться надъ нимъ; а они знали, что смѣяться не надо. Вотъ они говорятъ медвѣдю сверху: «что, каково? будешь ли еще задирать скотину, воровать медъ изъ чурокъ и пугать людей?» Вдругъ медвѣдь одѣлся опять въ свою кожу, заревѣлъ и началъ взбираться на ёлку. Охотники со страху

чуть не упали. Что дѣлать? Вотъ одинъ изъ нихъ пришелъ въ себя и посулилъ Нюлэсъ-мурту черную утку,—и медвѣдь опять легъ, и опять съ него сползла кожа. Послѣ этого охотники никогда не смѣялись. Медвѣдь ложится въ свою берлогу въ ночь на Воздвиженье (14 сентября),[1] поэтому называютъ этотъ праздникъ гондыръ кэлȯнъ (засыпаніе медвѣдя); а встаетъ онъ въ Благовѣщенье. Но бываютъ иногда и бродячіе медвѣди (это рѣдкость); медвѣди эти въ чемъ нибудь виноваты предъ Нюлэсъ муртомъ, поэтому и мѣста не получили.

Перепелка (бэденȯ). Перепелка—птица жирная; свари ее въ ведрѣ воды—бульонъ будетъ отличный. Кто первый разъ лѣтомъ услышитъ крикъ этой птицы, у того лошади будутъ жирны.

Коростель (куажы́). Если услышишь крикъ этой птицы прежде перепелки—лошади будутъ тощи, а самъ худъ.

Кукушка (кины́). Кукушка пользуется славой предвѣстницы несчастья; такъ, напримѣръ, если весной въ первый разъ кукованіе ея услышишь во время испражненія, то кто нибудь въ семьѣ твоей или близкойároднѣ умретъ.

Метла (чужȯнъ). Если знающій колдовство броситъ худую метлу кверху, т. е. въ воздухъ, то она оборотится въ сороку и сядетъ на чей нибудь домъ. Въ томъ домѣ будутъ умирать.

Скворецъ (юбе́ръ). На правомъ крылѣ этой птицы сидятъ ангелы, а на лѣвомъ—бѣсы (Я. Г.).

Журавль и *Синица* (туры̀ и пежа́). Синица встрѣтилась съ журавлемъ и говоритъ ему: «экій ты долгоногій, мясистый! Какъ подходитъ зима—улетаешь въ теплую страну, а придетъ весна—опять прилетаешь. Такая огромная птица, а не можешь стужи терпѣть! Посмотри-ко на меня, какова я ростомъ! А терплю большіе морозы лучше всякой птицы».

Муха и *пчела* (кутъ и мушъ). Муха сказала пчелѣ: «ты работаешь, работаешь—трудишься все лѣто, а сама сладко не ѣшь». Пчела отвѣчаетъ: «эхъ ты дрянь! Тебя кто не увидитъ—все норовитъ убить, а меня не убиваютъ—еще хранятъ».

Человѣкъ и *муравей* (адямѝ и кузили). Однажды человѣкъ вступилъ въ разговоръ съ муравьемъ, а человѣкъ этотъ былъ первый на свѣтѣ.

— Кто изъ насъ проворнѣе, муравей? Ты или я, спрашиваетъ человѣкъ.

— Я могу нести железо величиной съ себя, а ты можешь ли нести? Попробуйка, отвѣчаетъ муравей.

Ласточка и *комаръ* (ваёбыжъ и нымы) *). Во время оно былъ на землѣ страшный змѣй, который питался кровію животныхъ. Однажды змѣй этотъ послалъ по свѣту комара пробовать у животныхъ кровь, а должно замѣтить, что у комара языкъ въ то время былъ длиннѣе чѣмъ нынѣ; комаръ, постранствовавши по свѣту, прилетѣлъ къ змѣю.

— Ну комаръ, чья кровь слаще, спрашиваетъ змѣй.

— Кровь лошади слаще, отвѣчаетъ комаръ.

— Ступай еще, пробуй кровь у всѣхъ животныхъ—говоритъ змѣй.

Комаръ улетѣлъ.

Черезъ нѣсколько времени прилетаетъ комаръ и говоритъ змѣю, что человѣческая кровь слаще крови всѣхъ животныхъ на землѣ...

Комаръ не докончилъ рѣчи; въ это время прилетѣла ласточка и оторвала комару языкъ, чтобы онъ не говорилъ на человѣка. Комаръ полетѣлъ и запинькалъ; змѣй разсердился на ласточку и схватилъ ее за хвостъ; ласточка вырвалась изъ рукъ змѣя и оставила въ рукахъ его средину хвоста. И остался у ласточки хвостъ навсегда въ такомъ видѣ, въ какомъ нынѣ есть.

Ласточка у инородцевъ пользуется большимъ уваженіемъ, какъ приносящая съ собой счастье; поэтому подъ крышами куалы устраиваютъ гнѣзда изъ берестяныхъ ящиковъ, чтобы привлечь этимъ пернатыхъ къ своему жилищу. Понятно, что такое повѣрье воспрещаетъ ихъ убивать подъ страхомъ несчастья. Говорятъ, что ласточка въ куалѣ поетъ:

Кичивàчи кичивàчи кабàчи
Камъ сутари Василей!
Кузонэ ветлъи, Ваткае ветлъи,—
Кусо вай, сюрло шетьтъ й.

Первые два стиха не имѣютъ никакого смысла, и послѣдніе два въ переводѣ гласятъ такъ:

Въ Казань ходила, въ Вятку ходила,—
Косу принесла, серпъ нашла.

---

*) По Глазовскому нарѣчію *Чибинь*. *Авт.*

Въ Глазовскомъ уѣздѣ нами слышана такая пѣсенка ласточки:

Кичѝвачи карàтурымъ,
Билярмасынъ—кирякмасынъ...
Вятскихъ не тронь....

Эта пѣсенка сложена только для звукоподражанія пѣнію ласточки; она сложилась изъ нѣсколькихъ нарѣчій: татарскаго, русскаго и другихъ. На послѣднемъ словѣ «не тронь» дѣлается удареніе.

Ворона и *голубь* (куакà и дыдыкъ). Ворона сказала голубю: «Экой ты дармоѣдъ! Только пшеницу ѣшь: сладко любишь». Голубь отвѣтилъ: «какъ мнѣ не ѣсть пшеницу? Сначала землю я нашелъ... *) Меня никто не убиваетъ, еще держатъ при домахъ, а тебя стрѣляютъ, всякій норовитъ убить: ты и цыплятъ таскаешь и посѣянный хлѣбъ разрываешь».

Заяцъ и *лягушка* (лудъ-кечъ и эбѐкъ). Заяцъ жаловался на свою участь, говоря: «судьба моя—всякаго бояться! Кто меня не бьетъ? Ктò меня не гонитъ, не преслѣдуетъ? Нѣтъ, невыносимо! Лучше я убью самъ себя». Рѣшившись на самоубійство, онъ поскакалъ къ рѣкѣ, чтобы утопиться; а на берегу этой рѣки былъ огородъ. Перескочилъ заяцъ чрезъ огородъ и въ это время лягушка, испугавшись его, бросилась въ воду. «Э, да и меня боятся! сказалъ заяцъ, увидѣвши испугавшуюся лягушку, а я думалъ, что хуже моей участи не имѣетъ никакой звѣрь. Лучше буду жить, какъ живутъ другіе». И живетъ заяцъ на свѣтѣ, терпя всякія напасти.

Инвожд—время съ 20 іюня по 20 іюля. Кто не соблюдаетъ инъ-вожо, у того градомъ бьетъ хлѣбъ на поляхъ; вообще, съ нимъ случаются какія нибудь несчастія.

Сказочная рыба. Во время оно была огромнѣйшей величины рыба. Однажды легла она поперекъ рѣки Камы въ три ряда и потопила городъ. Какъ быть? Люди думали, думали—рѣшили поставить на берегъ Камы бочку съ порохомъ; поставили ее и зажгли свѣчу; бочку закрыли шубой и ушли. Рыба думала, что на берегу

*(См. «Ноевъ ковчегъ».

лежитъ животное и проглотила бочку. Когда огонь дошелъ до пороха—порохъ вспыхнулъ и рыбу разорвало. Такъ и спаслись люди отъ такого чудовища (Я. Г.).

Койыкъ—баснословное животное. Былъ сильный звѣрь койыкъ (нынѣ ужъ нѣтъ его), и деревья толщиной въ поперечникѣ ломалъ онъ пинками какъ кусты. Въ одно время койыкъ былъ съ медвѣдемъ въ лѣсу и вели они рѣчь о человѣкѣ.

— Что за человѣкъ? спрашиваетъ койыкъ медвѣдя.

— Человѣкъ—тоже животное да не нашего сорта, отвѣчаетъ медвѣдь. Онъ проворенъ какъ лѣшій, хитеръ какъ чортъ.

Въ это время шелъ къ лѣсу старичекъ.

— Не онъ ли человѣкъ?

— Человѣкъ да старый.

Идетъ опять мальчикъ.

— Не онъ ли настоящій человѣкъ?

— Человѣкъ да малый.

Идетъ сопливый дуракъ лѣтъ 20.

— Не онъ ли человѣкъ?

— Человѣкъ да соплякъ.

Идетъ стрѣлокъ съ ружьемъ, топоромъ, ножемъ въ ножнахъ.

— Не онъ ли?

— Да, онъ,—говоритъ медвѣдь; я съ нимъ борюсь.

— Тьфу! его стоитъ только пнуть—и онъ улетитъ за вершину елки, говоритъ съ презрѣніемъ койыкъ, плюнувши въ сторону человѣка и, смотря на вооруженіе его, продолжаетъ: «одно ребро длинное (т. е. ружье), другое—покороче (топоръ), третье—еще короче (ножъ). Какой онъ уродъ! Стрѣлокъ подошелъ къ койыку; взялъ его за длинный хвостъ и обмоталъ имъ елку; потомъ отошелъ и разстрѣлялъ койыка». Вотъ и уродъ! (Я. Г.).

Свинья и *лошадь* (парсь и валъ). Свинья сказала: я человѣка погубила бы, да не могу смотрѣть кверху. Лошадь на это говоритъ: я тоже погубила бы человѣка, да зимой пропаду съ голоду. Гдѣ я найду корму безъ человѣка?

Мельница и *музыка* (вукỏ и шудỏнъ). Мельницу сдѣлалъ діаволъ, а музыку—ангелъ. Мельница діавола не стала дѣйствовать, а музыка ангела играетъ. Діаволу стало завидно. Вотъ діаволъ говоритъ ангелу: «ангелъ! Давай ты мнѣ свою музыку, бери мель-

ницу». Ангелъ далъ ему музыку и взялъ мельницу. У ангела мельница стала дѣйствовать (Я. Г.).

Кошка и векша. Эти животныя, во время оно, жили вмѣстѣ въ лѣсу. Однажды онѣ между собой изъ за чего-то разсорились и разодрались. Увидѣлъ это, вотякъ и говоритъ имъ: «идите жить ко мнѣ; у меня драться не будете». Векша говоритъ: «я не пойду, буду жить въ лѣсу». Вотякъ отвѣчаетъ ей: «если не пойдешь—мы будемъ стрѣлять васъ, векшъ, какъ рябчиковъ»; а кошка говоритъ, «возьми меня съ собой: здѣсь отъ звѣрей житья нѣтъ».—«Ладно», отвѣчаетъ кошкѣ вотякъ: «я сдѣлаю тебя царемъ и судьей надъ мышами и хомяками». Кошка пошла за вотякомъ, а векша осталась въ лѣсу. Съ тѣхъ поръ вотяки векшъ стрѣляютъ какъ рябчиковъ, а кошекъ держатъ при себѣ. (Записано отъ крестьянина поч. Сюрсовеля, Шаркинскаго прихода, Андрея Перевощикова).

Коза (кечъ). Діаволъ хотѣлъ умудриться сотворить человѣка и составилъ четвероногое животное съ рогами и бородой, но оно было безъ движенія: жизни въ немъ не было. Діаволъ старался, старался—животное не могъ оживить и бросилъ. Богъ дунулъ на животное и оно ожило. Вотъ съ той поры и появилась коза (Я. Г.).

Щавель или кисленица (кузьы̆тъ турынъ). Травѣ этой нѣкоторые приписываютъ силу возбуждать въ человѣкѣ похоть, и поэтому иногда называютъ ее не очень скромнымъ названіемъ.

Бѣлоцвѣтъ или *одномѣсячная трава* (кечъ-сйнъ «заячій глазъ»). Если кто увидитъ первый цвѣтокъ этой травки, долженъ травку съѣсть: у него во время страды не будетъ болѣть спина; но, чтобы съѣсть травку, надо сначала сказать: остэ, инмаре! Медàзъ жàдьы кускы̆ (Господи, благослови! чтобы не болѣла спина); срывать же травку руками не слѣдуетъ: пользы не будетъ; а надо, откинувъ руки назадъ, кисть лѣвой руки взять въ кулакъ правой, потомъ наклониться къ землѣ, гдѣ стоитъ травка, взять ее въ зубы и съѣсть.

Жолтая бабочка (чужъ бубылѝ). Если увидишь въ первый разъ это насѣкомое, поймай ее, высуши, истолки въ порошокъ и скорми съ чѣмъ нибудь кобылицѣ. Кобылица принесетъ жеребчика—иноходца (юргò), за котораго въ продажѣ дадутъ большія деньги.

Косатка (зоръ носькы̆). Поймай эту птичку, зарѣжь ее, ощипай перья, высуши и истолки. Этотъ порошокъ скорми вмѣстѣ съ ов-

семъ кобылицѣ; она принесетъ жеребчика сильнаго и быстраго въ ѣздѣ.

Шмель (мойсы). Нѣкоторые, увидѣвши въ первый разъ шмеля, убиваютъ его и хранятъ при себѣ или въ домѣ. Это—амулетъ, предохраняющій отъ несчастья.

Земляныя пчелы (музъемъ-мумъ). Извѣстно, что пчелы раздѣляются на земляныхъ (совершенно дикихъ) и бортевыхъ: первыя жилище устраиваютъ въ горахъ, гдѣ и дѣлаютъ соты для меду, а послѣднія—соты лѣпятъ въ бортахъ и ульяхъ. Медъ земляныхъ пчелъ вотское повѣрье воспрещаетъ ѣсть; говорятъ, что кто съѣстъ хотя небольшой кусочекъ меду земляныхъ пчелъ или разрушитъ ихъ жилище, тотъ будетъ пораженъ слѣпотой. Напротивъ, медъ бортевыхъ пчелъ служитъ еще отличнымъ лекарствомъ въ опасныхъ болѣзняхъ; напримѣръ, если кто сдуритъ отъ укушенія бѣшеной собаки, накорми трехълѣтнимъ медомъ и больной выздоровѣетъ.

Черные тараканы пользуются уваженіемъ какъ и ласточки. Они обыкновенно выходятъ изъ своихъ убѣжищъ ночью, днемъ же скрываются, не показываясь людямъ. «Черные тараканы живутъ въ счастливомъ домѣ», говорятъ Вотяки.

Молочайная гусеница сѣраго цвѣта. Насѣкомое залетаетъ въ комнату при свѣтѣ огня вечеромъ. Ее называютъ *кулэмъ-муртъ бубыли*, т. е. бабочка покойниковъ. Убивать ее воспрещается подъ страхомъ наказанія, посылаемаго умершими.

Синеватое пятно на тѣлѣ. Если на тѣлѣ появится синеватое пятно около гривенника шириной, то говорятъ «кулэмъ-муртъ-родня чепыльтъ изъ», т. е. ущипнулъ покойникъ-родственникъ.

Мизгирь (ченарй). Кто убьетъ мизгиря лбомъ, тому простятъ 40 грѣховъ.

Пѣтухъ домашній (атäсъ). Шайтаны боятся пѣнія пѣтуха, какъ самого Бога. Въ одной деревнѣ разсказывали намъ такъ: хозяинъ съ хозяйкой уѣхали въ гости, а домовничать остались дѣти ихъ—братъ съ сестрой. Комнатъ въ домѣ было около пяти, такъ какъ домъ былъ въ нѣсколько стѣнъ. Двери въ каждую комнату были заперты благословясь, поэтому шайтаны ихъ ужъ не могли отперетъ. Было около полуночи; братъ съ сестрой сидѣли въ передней, въ ожиданіи отца и матери; вдругъ слышатъ въ дальней комнатѣ

стукъ въ дверь, какъ будто стучитъ человѣкъ, просясь въ другую комнату; между тѣмъ тамъ никого не было. Братъ съ сестрой сидятъ и со страху блѣднѣютъ, какъ полотно, а стукъ не прекращается. Вотъ слышатъ они, что дверь кто-то грызетъ; прогрызъ, вѣроятно, дверь, пролѣзъ въ отверстіе и подошелъ къ другой комнатѣ; опять стучитъ. Братъ съ сестрой не молвятъ ни слова. Опять грызетъ дверь. Тутъ они вздумали о пѣтухѣ, пѣніе котораго, какъ они слышали, отгоняетъ нечистую силу, какъ солнце темноту. Взяли они сковороду; накалили ее огнемъ и поставили на нее пѣтуха, который былъ съ курицами подъ залавкомъ (это было зимой). Пѣтухъ запѣлъ ку-ку-реку! и шайтанъ исчезъ. А прогрызъ было и другую дверь, подошелъ къ послѣдней.

Радуга (ву юысь). Бѣги къ одному изъ концовъ радуги; если добѣжишь—найдешь котелъ съ деньгами.

Сѣверное сіяніе. Это явленіе природы, по повѣрью, служитъ предзнаменованіемъ кровопролитной войны.

Комета (быжо кизили). Міръ долженъ ожидать какого нибудь несчастія. Несчастія будетъ болѣе тамъ, куда будетъ обращена комета.

Внезапный свѣтъ среди ночи. Кого освѣтитъ среди ночи внезапный свѣтъ, какъ отъ молніи, тотъ долженъ просить у Бога желаемаго счастія. Одинъ человѣкъ, говорятъ, сказалъ при этомъ «душъ шудъ» (счастіе въ семьѣ, т. е. просилъ онъ размноженія своей семьи), а Господь понялъ иначе, именно: будто Ему послышалось слово «тушъ шудъ» (счастье въ бородѣ), и Богъ отростилъ ему бороду до колѣнъ. Нѣкоторые говорятъ, что это небо отверзается, показываетъ Богъ грѣшнымъ рай, чтобы они благочестивой жизнію готовили для души своей мѣсто въ раю.

Собака (пуны). Собаки весьма живучи. Если убьешь собаку палкой или рычагомъ—орудіе оставь на ней; иначе она оживетъ. Охотничьей собакѣ, бѣгущей съ охотникомъ, покажи, забѣжавши впередъ, кукишъ изъ-промежъ ногъ,—и собака въ этотъ день будетъ лишена всѣхъ способностей къ открытію звѣря и вообще дичи.

Звѣзда (кизили). Чья овца вдругъ захворала такъ, что пришла въ состояніе пораженнаго параличемъ, то говорятъ, что на овцу упала звѣзда (кизили усіяъ).

Щука (чипѐй). Въ эту рыбу часто оборачиваются Ву-Муртъ, по-

этому, если ночью во время рыбачества острогой увидишь въ рѣкѣ большую щуку, лежащую головой къ берегу—не тронь ее: Ву-Муртъ притянетъ къ себѣ. О такомъ повѣрьи мы слышали слѣдующій разсказъ: осенью два рыбака рыбачили острогой на рѣкѣ и увидѣли огромную щуку, лежащую головой къ берегу; а они слыхали, что такую рыбу трогать нельзя. Проплыли они рыбу и спустились книзу. Порыбачили кое гдѣ и вернулись обратно мимо той же щуки. Она все лежитъ на старомъ мѣстѣ. Одинъ изъ нихъ, держащій острогу, ударилъ въ рыбу... Вдругъ на рѣкѣ поднялись волны и острогу унесло въ воду. Рыбаки живо причалили къ берегу и вышли; взошли на берегъ и тамъ одинъ изъ нихъ снялъ съ себя сукманъ и накрылъ имъ пень, стоящій, къ счастію ихъ, тутъ же на берегу; отошли сколько могли дальше; обвели около себя черту и стоятъ—смотрятъ въ сторону сукмана. Вдругъ глазамъ ихъ представилось страшное зрѣлище: изъ воды выходитъ съ острогой въ рукахъ не то человѣкъ, не то звѣрь... Подошелъ къ пню и ударилъ въ него острогой; подъ сукманомъ очутился пень. «А, догадливы!» сказало чудовище и, оставивъ острогу, ушло опять въ воду.

— Кто же это былъ? спросилъ слушающій разсказчика.

— Кто, какъ не водяной (Ву-Муртъ). Счастливые еще, что знали, какъ поступить въ такомъ случаѣ, а не то водяной прокололъ бы острогой насквозь.

Утопленникъ. Если утопшій на днѣ рѣки не отыскивается долго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ставятъ на воду горшокъ съ иконой Св. Николая съ зажженной вѣнчальной свѣчей. Горшокъ, говорятъ, останавливается надъ утопшимъ и поэтому находятъ его легко.

Человѣческая кровь (адями вӥръ). Гдѣ пролита человѣческая кровь, тамъ силится? (пэртмаськѐ) кровь человѣческая, пролитая рукой убійцы,—вопіетъ объ отмщеніи и, обыкновенно, рано ли, поздно ли, убійца будетъ наказанъ.

Лихорадка (кезекъ-ѐнъ). Одержимый лихорадкой въ весеннее время долженъ перейдти бродомъ рѣку и, снявши съ себя рубаху, оставить ее на другомъ берегу, а самъ долженъ перейти нагимъ, не оглядываясь назадъ. Тогда лихорадка прекращается.

Новый огонь (выльтӥлъ). Эта стихія получается треніемъ сухаго дерева о такое же дерево и приложеніемъ къ задымившемуся

мѣсту трута. Если въ домѣ какое нибудь несчастье, напримѣръ болѣзни, то новый огонь возстановитъ здоровье.

Покойникъ. Во время повальныхъ болѣзней, оканчивающихся смертію, надо вынести покойника, вопреки обыкновенію, головой впередъ и послѣ того болѣзнь прекратится.

Яичная скорлупа. Шайтанъ грозы боится; если взойдетъ туча онъ ищетъ мѣста вездѣ и находитъ убѣжище только въ яичной скорлупѣ, изъ которой выпита смятка чрезъ небольшое отверстіе Поэтому яичную скорлупу слѣдуетъ разбивать по крайней мѣрѣ пополамъ, чтобы Шайтанъ не могъ отъ грозы скрываться въ ней. Яичныя скорлупы женщины бросаютъ въ рѣчку, чтобы курицы не перестали нестись.

Чортовъ палецъ (Ву-Муртъ чиньы́). Находимому въ водѣ сѣрому камню цилиндрической формы величиною съ палецъ приписываются чудесныя свойства заживлять раны; для этого камень, скобля ножомъ, обращаютъ въ порошокъ и этимъ порошкомъ посыпается порѣзанная рана.

Млечный путь (зязесъ егорѐсъ). Если бы не было этой дороги, то дикіе гуси, при перелетѣ съ запада на сѣверъ и съ сѣвера на западъ, могли бы заблудиться и оттого перевелись бы всѣ.

Рядовой червь (висъ нумы́ръ). Повѣрье объ этомъ червѣ позаимствовано, вѣроятно, отъ русскихъ или, наоборотъ, русскіе позаимствовали отъ вотяковъ, такъ какъ тѣми и другими этому червю приписываются одинаковыя свойства вліять благотворно на жизнь человѣка.

Громовая стрѣла (чашъемъ кэлькы́). Приписываютъ тоже благотворныя свойства. По повѣрью русскихъ, громовая стрѣла съ молніей уходитъ въ землю и оттуда выходитъ уже черезъ три года.

Жаба (эбѐкъ)—болѣзнь въ горлѣ. Кто желаетъ избавиться отъ этой болѣзни, тотъ по три утра и вечера подходитъ къ ретирадному мѣсту и лижетъ языкомъ уголъ; при этомъ говоритъ: «проглочу сортиръ со всѣми находящимися въ немъ нечистотами». Также иные подходятъ къ елкѣ и, вдыхая въ себя воздухъ, говорятъ: «проглочу елку внизъ вершиной». Этимъ, говорятъ, избавишься отъ горловой болѣзни. Нѣкоторые вырѣзываютъ изъ бересты подобіе лягушки и привязываютъ къ больному мѣсту. Говорятъ, что иные въ болѣзни этой ѣдятъ лягушку какъ лекарство.

Шершень (шекычъ) Шершень гнѣздится въ дуплахъ старыхъ деревъ. Если это насѣкомое ужалитъ человѣка однихъ съ нимъ лѣтъ, то человѣкъ умретъ.

Изношенный лапоть (исни-кутъ). Колдуны бросаютъ изношенный лапоть въ трубу и таковой, оборотившись въ сороку, вылетаетъ чрезъ трубу и напускаетъ болѣзнь на человѣка, къ которому посылаетъ колдунъ. Вернувшись обратно, сорока оборачивается опять въ лапоть.

Быкъ и корова (ошъ и скалъ). Кто услышитъ отъ этихъ животныхъ звукъ, каковой онѣ издадутъ отъ находящагося въ заднепроходныхъ кишкахъ воздуха, тотъ человѣкъ, т. е. услышавшій звукъ, умретъ. Если же человѣкъ не умретъ, то животныя сами околѣютъ.

Вихрь (тэмъ перй). Въ вихрѣ ходитъ лѣшій. Если сказать вихрю: «чортъ, разметай крышу!»—то вѣтеръ разбросаетъ крышу, даже цѣлую избу. Такое повѣрье существуетъ и у русскихъ. Вотяки Сарапульскаго уѣзда во время бурь приносятъ Нюлэсъ-Мурту въ жертву утокъ. Въ Глазовскомъ уѣздѣ повѣрье говоритъ, что во время бури надо выйти во дворъ и кричать: «дѣдушка (лѣшій), не тронь меня» и буря не будетъ касаться строенія.

Человѣческіе волосы. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Сарапульскаго уѣзда нами слышаны весьма странныя повѣрья о человѣческихъ волосахъ, угодныхъ, будто бы, Шайтану. Это повѣрье основано но на преданіи о кладахъ, требующихъ человѣческой головы. Нѣкоторыя вотскія деревни пользуются недоброй молвой о приносящихъ въ жертву людяхъ, которыхъ, по повѣрью, требуетъ Шайтанъ за предлагаемые имъ клады. Но такъ какъ кровь человѣка вопіетъ объ отмщеніи, то, говорятъ, иные срѣзываютъ съ человѣка только прядь волосъ и приносятъ ее въ жертву Шайтану. Человѣкъ, лишившійся своихъ волосъ, не проживетъ и трехъ дней. Объ одной изъ вотскихъ деревень намъ разсказывали такъ: скрывались отъ Пугачева богатые купцы; одинъ изъ такихъ купцовъ (одни говорятъ—онъ былъ русакъ, другіе—татаринъ) и попался въ лапы Вотяковъ и они рѣшили его убить, чтобы раздѣлить между собой капиталъ. Купецъ просилъ оставить душу на покаянье, отдавалъ всѣ деньги, но они остались неумолимы. Тогда купецъ передъ смертью имъ сказалъ: «будьте вы и внуки, и правнуки ваши

и весь родъ вашъ прокляты на землѣ! Дай Богъ такимъ дѣломъ (убійствами) заниматься вашему роду вѣчно, пока будетъ существовать вашъ родъ! И сколько у меня на головѣ волосковъ, столько бы человѣкъ погубить вамъ». Послѣ убіенія этого купца, будто бы, они и начали убивать людей, а не убивать нельзя: нечистая сила вертитъ, крутитъ ихъ какъ нитку, требуя человѣка. Разсказъ этотъ конечно—басня, основанная на какомъ нибудь повѣрьи или преданіи о кладахъ, требующихъ въ жертву людей. Естественно, что если бы существовалъ подобный обычай жертвоприношенія, то рано ли, поздно ли—преступленіе было бы уже обнаружено.

Собачье ухо (пуны-нéль) Эта часть головы служитъ, по повѣрью, лекарствомъ для самой же собаки. Въ предотвращеніе бѣшенства или въ началѣ таковаго, если не прошло еще время, слѣдуетъ обрѣзать ухо у собаки, изрубить его и искрошить самой собакѣ съ хлѣбомъ. Собака не будетъ дурѣть.

Первый громъ (гудырй). Если услышишь первый громъ весной, валяйся на землѣ какъ пьяный: этимъ избавишься отъ спинной боли во время страды.

Ежъ (чушъ-я́лъ). Это животное, по повѣрью, рыло показываетъ человѣку только къ несчастью.

Смерть (езéль). Жилъ былъ человѣкъ и пришла ему на умъ смерть. Смерти онъ не боялся, напротивъ, желалъ умереть, потому что жизнь на этомъ свѣтѣ ужасно надоѣла. Думалъ, думалъ-рѣшилъ сдѣлать гробъ. Сдѣлалъ его изъ крѣпкаго дерева и смотритъ-любуется; говоритъ: «жилъ я на свѣтѣ—всего желалъ: и денегъ, и имѣнья, и строенія; одно меня не удовлетворяло, другого было мало, третье не нравилось; а теперь, если умру—ничего кромѣ этого домовища не надо». Вдругъ пришла къ нему смерть и спрашиваетъ:

— Что это ты сдѣлалъ?

— Гробъ: умирать хочу, отвѣчалъ человѣкъ.

— Я—смерть; ложись въ гробъ, душу твою возьму.

— У человѣка опять отошла охота умереть.

— Напрасно я сказалъ смерти, что хочу умереть; пожилъ бы на этомъ свѣтѣ годъ, другой, можетъ быть на томъ свѣтѣ жизнь будетъ еще хуже.

Такъ помыслилъ въ себѣ человѣкъ при видѣ смерти и, чтобы запереть въ гробъ смерть, говоритъ ей:

— Ложись-ка въ гробъ, помѣряй его; если тебѣ не будетъ въ немъ тѣсно—и мнѣ ладно,—значитъ, я угадалъ; лягу въ него и ты возьми мою душу.

Смерть легла въ гробъ человѣка, и человѣкъ закрылъ гробъ. Смерть сколько не билась—вылѣзть не могла.

Человѣкъ положилъ гробъ на полку и чрезъ нѣсколько времени перенесъ его въ чуланъ, который и заперъ.

Прошло съ того времени сорокъ лѣтъ. Человѣкъ сгорбился, одряхлѣлъ, и жизнь ему опостылѣла. Отперъ онъ чуланъ, гдѣ находился гробъ со смертію, открылъ гробъ и видитъ смерть чуть живой; на ней только сухія кости да безцвѣтная кожа.

Смерть поправилась здоровьемъ и съ голоду начала косить людей. Если бы ее не выпустилъ старикъ,—она все бы тутъ была. (Кат. Ис.)

Козелъ (кечъ). Отруби у козла хвостъ и онъ не можетъ перескочить черезъ заборъ и прясла въ огородъ ѣсть капусту.

Печь (гуръ). Извѣстно повѣрье не только у вотяковъ, но и у Русскихъ, что печь недоступна для нечистой силы. На этомъ повѣрьи основаны различные разсказы, касающіеся простой русской печи, гдѣ обыкновенно пекутъ хлѣбъ. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, слышанный нами около Сарапульско-Глазовской границы за селомъ Большой Пургой.

Въ одномъ изъ волостныхъ правленій Глазовскаго уѣзда въ сторону по ночамъ *силилось* сильно, такъ что одному ночью оставаться въ комнатахъ правленія иногда было опасно. Однажды (это было въ какой-то праздникъ) всѣ волостные начальники и писаря, а за ними и разсыльные ушли пировать,—остался только одинъ сторожъ - старикъ изъ отставныхъ солдатъ, который былъ не очень трусливъ, какъ прошедшій на службѣ сквозь огонь и воду. Были сумерки. Сторожъ лежалъ на печи и, кажется, курилъ трубку. Вдругъ входитъ къ нему въ сторожевскую съ шумомъ исправникъ и кричитъ: «гдѣ голова (должность, соотвѣтствующая нынѣшнимъ старшинамъ)? Я подъ судъ его отдамъ... въ Сибирь упеку!» Походилъ, походилъ—обратился къ сторожу «слѣзай съ печи, негодяй! ступай за головой!» Сторожъ хотя и былъ не изъ того десятка, который называютъ трусливымъ, однако при такомъ страшномъ привидѣніи трухнулъ не мало. Онъ зналъ, что исправнику

быть нельзя, и что если бы и былъ исправникъ, то, во всякомъ случаѣ, въ сторожевскую бы не зашелъ да и пріѣхалъ бы онъ съ никомъ—въ повозкѣ и съ колокольцами. Это, заключилъ онъ, никто иной какъ духъ, привидѣніе. Избави Богъ сойти съ печи!

И онъ рѣшилъ не только не сходить съ печи, но и слово молвить счелъ опаснымъ; да и языкъ-то у него со страху прильнулъ къ гортани. Исправникъ-бѣсъ походилъ, походилъ—и вышелъ; а сойди сторожъ съ печи—бѣсъ задавилъ бы его.

Неотпѣтый покойникъ. Покойникъ, если не будетъ отпѣтъ, въ землѣ не гніетъ и духъ его блуждаетъ по землѣ, не находя покоя. По временамъ духъ его входитъ въ тѣло и горюетъ тамъ.

Касательно такого повѣрья мы слышали слѣдующій разсказъ:

Богачъ построилъ огромный домъ, да жить въ немъ стало вовсе нельзя: около полуночи бывало идетъ въ домъ колодникъ, гремя кандалами и наводитъ на хозяевъ необычайный страхъ. Никакіе запоры, никакіе замки не спасаютъ отъ такого привидѣнія, все при появленіи его разлетается въ пухъ и прахъ. Хозяинъ бросилъ домъ и заколотилъ всѣ двери и окна. Однажды по какому-то случаю хозяинъ означеннаго дома зашелъ въ кабакъ и тамъ у стойки увидѣлъ пьяницу, просящаго вина въ долгъ ради Христа: съ похмѣлья онъ дрожалъ какъ отъ лихорадки. Богачъ, ради шутки, говорилъ пьяницѣ: «выживи изъ моего дома нечистую силу — и я тебѣ дамъ денегъ».

— Выживу, только опохмѣли меня сейчасъ-же—говоритъ пьяница.

Богачъ опохмѣлилъ пьяницу и разсказалъ ему сущность дѣла о заброшенномъ домѣ.

Пьяница говоритъ:

— Возьми для меня штофъ водки и довольно: я съ тебя больше просить не буду.

— Когда же пойдешь ты выживать?

— Завтра.

— Днемъ?

— Нѣтъ; уйду туда къ ночи и буду ждать нечистую силу. Къ сумеркамъ ты принеси туда листъ бумаги, свѣчу, водки со стаканомъ и уйди, а я, оставшись, буду тамъ дѣлать свое дѣло.

Сказано—рѣшено.

Богачъ вечеромъ слѣдующаго дня отперъ домъ, принесъ туда все, чего требовалъ пьяница и вышелъ; а пьяница, оставшись одинъ, какъ пришла ночь, зажегъ свѣчу и сѣлъ къ столу писать имена людей.

Сидитъ онъ—пишетъ имена и выпиваетъ, а вина принесъ богачъ цѣлую четверть; не хочешь да пей, только не запивайся; впрочемъ, пьяницу учить было ненужно: онъ зналъ, какъ надо пить вино и хоть его называли пьяницей, но до безчуствія не напивался. Вотъ около полуночи, когда, вѣроятно, пьяница записалъ на бумагу имя колодника, въ сѣняхъ застучали и забрякали кандалы... входитъ въ избу колодникъ... жутко пьяницѣ!... хотя и шумитъ у него въ головѣ, морозъ всетаки пробѣгаетъ по кожѣ. Колодникъ подошелъ къ пьяницѣ, взглянулъ черезъ лѣвое плечо и сказалъ: «отпой же меня!» и съ этими словами вернулся назадъ. Пьяница взялъ свѣчу и пошелъ за колодникомъ. Колодникъ, дошедши до рундука, исчезъ. У пьяницы въ головѣ мелькнула мысль, что подъ рундукомъ что нибудь есть. Вернулся на свое мѣсто и началъ распивать. Повеселѣло у него на сердцѣ и онъ запѣлъ; видѣній больше не было. Уснулъ пьяница на полу и проспалъ чуть не до обѣда.

Богачъ, между тѣмъ, ждалъ пьяницу и думалъ, что онъ уже не живъ; но вотъ является къ нему пьяница и говоритъ.

— Скажи: слава Богу!

— Слава Богу! ну что?

— Ничего кромѣ хорошаго нѣтъ.

Тутъ онъ разсказалъ подробно о явленіи колодника, о словахъ его и исчезновеніи на рундукѣ и заключилъ, что вся суть привидѣнія находится подъ рундукомъ.

Богачъ пригласилъ мастера, разобрали рундукъ и тамъ нашли камень; подъ камнемъ нора, идущая въ землю отвѣсно. Наняли землекопа и стали копать, пока не докопались до колодника въ кандалахъ. На трупѣ его не было и признаковъ разложенія: щеки горѣли румянцемъ, словомъ онъ былъ спящій. По распоряженію ли начальства или по просьбѣ богача, трупъ этотъ священникъ отпѣлъ и совершилось чудо: трупъ колодника превратился въ прахъ. Послѣ этого никакихъ видѣній болѣе не было; богачъ опять перешелъ на житье въ домъ, а пьяницу наградилъ щедро.

Повѣрья о лунѣ. Смотря на луну, молодежь говоритъ: «тутъ стоитъ дѣвица съ ведрами» и это объясняютъ такимъ разсказомъ: была несчастная дѣвица, которую въ семьѣ не любилъ никто; били ее, какъ собаку, каждый день, ругали, бранили и человѣкомъ не считали. Однажды ночью ее посылаютъ за водой на ключъ. Она не идетъ,—говоритъ, что боится ночью; ее выпроваживаютъ пинками, тычками.... На улицѣ было свѣтло, хоть книгу читай: луна на небѣ блестѣла, какъ серебряная тарелка. Дошла она, дѣвица, до угара и видитъ: съ неба спускается желѣзная цѣпь съ чашей, какъ у вѣсовъ. Она сѣла на эту чашу и поднялась на луну. Вотъ и живетъ-блаженствуетъ она тамъ, смотря на земной міръ.

Вызываніе души мертворожденнаго младенца. Объ этомъ вызыніи авторъ передаетъ со словъ очевидца—священника Сосновской церкви, о. Василья Богданова.

— Пріѣзжаетъ ко мнѣ, разсказывалъ о. Василій, для напутствованія больной прихожанинъ - вотякъ и торопитъ меня, увѣряя, что женщина лежитъ при смерти. Медлить я не сталъ, сѣлъ и поѣхалъ съ нимъ въ деревню. Пріѣхали въ деревню, въѣхали во дворъ. Ямщикъ мой остался во дворѣ выпрягать лошадь, а я зашелъ въ избу. Въ углу избы при входѣ въ неё я замѣтилъ что-то *особенное* и узналъ, что женщина разрѣшилась при самомъ моемъ входѣ въ избу отъ бремени, родивши неживаго младенца. А такъ какъ отдѣльныхъ комнатъ не было, то я, чтобы не поставить бабушку и роженицу въ неловкое положеніе своимъ присутствіемъ, долженъ былъ бы удалиться. Но выйдти изъ избы обратно я не могъ, такъ какъ долженъ былъ проходить мимо бабушки и роженицы; впрочемъ, я могъ выйдти, но неиначе, какъ только спиной къ мѣсту, гдѣ находилась роженица, или закрывши глаза, а это я нашелъ для себя неудобнымъ. Что дѣлать? Этотъ животрепещущій вопросъ въ моментъ разрѣшаетъ блеснувшая въ умѣ мысль—стоять до времени лицемъ къ стѣнѣ. Итакъ, я стою у стѣны. Вдругъ кто-то взобрался на печь... открылъ трубу и, сошедши опять съ печи, началъ ударять сильно въ желѣзную заслонку какимъ-то попавшимъ въ руку орудіемъ; а бабушка-вотячка, вѣроятно, покачивая неживаго младенца въ рукахъ, заговорила во всеуслышаніе, не стѣсняясь меня: «перевёсъ! дядяёсъ! лулзэ сётэ» (старики! братья (умершіе)! душу дайте). Ре-

бенокъ заревѣлъ. Въ голосѣ бабушки слышались страхъ, надежда и вмѣстѣ сомнѣніе.

Сомнамбулисты. Между инородцами нерѣдко встрѣчаются и одержимые сомнамбулизмомъ, но причины этой болѣзни неизвѣстны. Укажемъ для примѣра на одного изъ сомнамбуловъ. Во время квартированія моего въ домѣ причетника Сосновской церкви, изумилъ меня своимъ «хожденіемъ во снѣ» крестьянинъ-вотякъ изъ дер. Нырмури, Тимоѳей Михайловъ. Было около полуночи; я, пишущій эти строки, спалъ уже такимъ сномъ, въ какой погружаются только утомленные усидчивымъ трудомъ. Все кругомъ было тихо, безмятежно, какъ будто подъ обаяніемъ волшебной силы. Вдругъ я былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ въ дверь моей квартиры. Сначала, конечно, я не обратилъ на это вниманія, думая, что это продѣлки вѣтра надъ ветхой крышей; но когда стукъ повторился нѣсколько разъ, я долженъ былъ соскочить съ постели и подойти къ двери; спрашиваю: кто тамъ? Голосъ знакомый... Отперъ и вижу: предо мной стоитъ Тимоѳей Михайловъ, ночующій у причетника. «Что тебѣ надо, Тимоѳей?» спрашиваю я его, желая скорѣе узнать цѣль его прихода. Въ отвѣтъ на это ничего опредѣленнаго онъ не сказалъ, а только пробормоталъ что-то про себя и вернулся опять. Чрезъ минуту я ушелъ провѣдать его въ домъ причетника. Захожу въ домъ... Тихо, всѣ спятъ крѣпко; посмотрѣлъ на Тимоѳея Михайлова — онъ тоже спитъ. Утромъ я призываю его къ себѣ и спрашиваю, зачѣмъ онъ приходилъ ко мнѣ ночью? Получаю отвѣтъ: «ночью?... зачѣмъ?... я не ходилъ». Спрашиваю товарищей, и товарищи говорятъ, что онъ никуда не выходилъ, а все спалъ съ ними. Изъ этого я понялъ, что Тимоѳей Михайловъ одержимъ сомнамбулизмомъ.

Объ одной женщинѣ мнѣ разсказывали, что она во время крѣпкаго сна вдругъ встаетъ съ постели, беретъ прясницу и начинаетъ прясть; потомъ, попрявши, опять ложится и погружается въ такой же сонъ. Утромъ спрашиваютъ ее, но она не помнитъ. Въ починкѣ Новонолинскомъ, среди Вотяковъ Большепургинскаго прихода, есть женщина русская, которой сомнамбулистическіе поступки весьма странны. Женщина эта во время сна соскакиваетъ съ постели и принимается за стряпню—какъ на яву, совершенно здоровая и, постряпавши, ложится спать; видя ее въ такомъ положеніи, семей-

ные говорить съ ней считаютъ для нея вреднымъ. Припадки сомнамбулизма встрѣчались съ ней болѣе предъ пріѣздомъ или послѣ отъѣзда гостей; поэтому семейные говорили, что стряпаетъ она для гостей, которыхъ видитъ во снѣ.

Преданіе о томъ, почему вотяки начали приносить въ жертву жеребятъ. Въ древнія времена вотяки не приносили въ жертву жеребятъ. Вѣръ было много на землѣ; каждый народъ молился по своему. Вдругъ въ одно время вездѣ сдѣлалось темно; всякій думалъ, что наступило время представленія свѣта и начали молиться каждый народъ по своему—просить у Бога свѣта. Въ числѣ прочихъ молились и вотяки; молились они, просили свѣта, но свѣта все нѣтъ. Вотъ одинъ ворожецъ сталъ гадать. Углубившись въ свои мысли, онъ долго ничего не говорилъ, какъ будто бесѣдовалъ съ духомъ предвѣденія. Погадавши, наконецъ, сказалъ: «надо принести въ жертву жеребенка». Принесли—и стало свѣтло. Съ той поры вотяки начали приносить въ жертву жеребятъ. Преданіе это записано со словъ крестьянина Шаркинскаго прихода, Якова Степанова.

Тунò (ворожецъ - прорицатель). Такъ какъ ворожецъ между инородцами играетъ главную роль въ ихъ вѣрѣ и обрядностяхъ, то нелишне будетъ познакомить съ нимъ. Ворожецъ, Туно, пользуется большимъ авторитетомъ: по его предсказанію избираютъ въ жертву животныхъ; онъ указываетъ мѣсто, гдѣ какому божеству, должно принести жертву и что требуется принести; гдѣ больнаго постигла болѣзнь; кто виновникъ болѣзни, кто испортилъ больнаго; какія черты этого человѣка, цвѣтъ волосъ и проч.; кто укралъ потерянное. Ворожцу д арятъ разные подарки и, если что по слову его исполнится, онъ получаетъ большую извѣстность. Они обыкновенно уважаются народомъ; пользуясь уваженіемъ, иные ведутъ себя гордо, вполнѣ сознавая свои достоинства прорицателей. Изъ нихъ очень немногіе посѣщаютъ цер ковь. Не будь ихъ среди инородцевъ — чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ языческіе обычаи вотяками забылись бы навсегда.

Между ворожцами-прорицателями были прежде и заговаривающіе отъ злыхъ собакъ и вообще отъ всѣхъ хищныхъ звѣрей и змѣй. Первыя на сколько были для прочихъ злы, на столько же кротки для знатоковъ, а ядовитыя змѣи, положенныя за па-

зуху, не дѣлали никакого вреда. Знатоки, ради шутки, останавливали свадебный поѣздъ, тушили пожары, заставляли воровъ украденное приносить обратно; застилали путь проѣзжихъ туманомъ и проч. Волшебныя знанія они получали отъ своихъ же единоплеменниковъ-знатоковъ чрезъ странныя видѣнія. Вотъ какъ объ этомъ передавали намъ на границѣ Глазовскаго уѣзда: былъ въ Глазовскомъ уѣздѣ такой знатокъ, какой еще едва ли будетъ: онъ застилалъ дорогу туманомъ, вызывалъ духовъ, сушилъ лѣса, звѣрей и птицъ собиралъ въ одно мѣсто,—словомъ, былъ мастеръ на всякіе фокусы. Позавидовалъ ему одинъ человѣкъ и пожелалъ учиться у него волшебнымъ наукамъ. Знатокъ вызвалъ его за околицу и говоритъ:

— Будешь ли исполнять то, что я тебѣ велю?

— Буду.

— Проклинай отца, мать, солнце, луну, звѣзды, землю и весь бѣлый свѣтъ.

Клятва была произнесена.

Предъ ними явился необыкновенной величины заяцъ и разинулъ пасть.

— Ну, залѣзь въ пасть этого звѣря,—говоритъ знатокъ.

Ученикъ сунулъ голову въ пасть зайца и зайца стало не видно.

Потомъ явилась лисица, разинула пасть. Волшебникъ приказалъ сунуть голову въ пасть этого звѣря и приказаніе было исполнено; затѣмъ прибѣжалъ волкъ и тотъ тоже сунулъ голову въ пасть его. Наконецъ, явился страшной величины медвѣдь, сталъ на дыбы и разинулъ пасть. Ученикъ со страху палъ въ обморокъ. Когда же онъ пришелъ въ чувство—ни волшебника, ни звѣря уже не было. Вскорѣ послѣ этого желающій быть волшебникомъ сошелъ съ ума и блуждалъ по лѣсамъ какъ звѣрь.

— Откуда же вотскіе волшебники взяли свои науки? спросилъ я одного изъ переселившихся уже въ вѣчность стариковъ, который охотно разсказывалъ о предметахъ, интересующихъ этнографа.

— Были давнымъ давно, сказалъ онъ, три брата—искатели приключеній, не имѣвшіе ни кола, ни двора. Лѣнь и мотовство ихъ довели до того, что они готовы были рѣшиться на все, лишь бы получить матеріальныя средства, лежа на боку. Ходили-бродили они вездѣ, ища такого человѣка, который бы поучилъ ихъ какъ нахо-

дить легко деньги. Нашелся, наконецъ, такой человѣкъ и указалъ имъ мѣсто въ дремучемъ лѣсу, сказавъ, что тамъ живутъ знатоки, получающіе деньги «съ вѣтру». Дошли они до этихъ знатоковъ чрезъ путеводителя и увидѣли среди лѣса огромной величины каменный домъ. Зашли они въ этотъ домъ и ихъ приняли какъ гостей.

— Зачѣмъ пришли къ намъ? спрашиваютъ знатоки.

— Мы люди бѣдные, сказали они, ищемъ добрыхъ людей, которые бы помогли намъ въ нуждѣ.

— Хорошо, мы поможемъ вамъ, только будете ли исполнять то, что мы велимъ вамъ?

— Будемъ.

— Проклинайте весь міръ и мать, которая родила васъ.

Братья прокляли.

Знатоки добыли изъ безымяннаго пальца каждаго крови, обмарали ею лоскутки бумаги и таковые прибили къ стѣнѣ вмѣсто картинъ; и сказали знатоки тремъ братьямъ:

— Кто изъ васъ будетъ думать о Богѣ—кровь его почернѣетъ и мы выстрѣлимъ изъ ружья въ эту кровь; тогда душа того человѣка, чья кровь, будетъ томиться въ сильной тоскѣ и человѣкъ умретъ. Чья кровь будетъ алая—значитъ, о Богѣ не думаетъ и будетъ счастливъ на землѣ.—Затѣмъ знатоки повели ихъ въ какое-то темное мѣсто для поклоненія статуѣ сатаны. Какъ растворились двери—предъ ними предсталъ сатана ужаснѣйшаго вида. Два брата обмерли, а третій не упалъ духомъ, поклонился сатанѣ и получилъ 30 серебряныхъ рублевиковъ. Кому ихъ не отдастъ—они все идутъ къ нему обратно; что ни купитъ на нихъ, они все въ карманѣ. Это и значитъ получать деньги «съ вѣтру»; такъ прожилъ онъ вѣкъ въ свое удовольствіе. Умеръ онъ и душа его переселилась на житье къ сатанѣ, статуѣ котораго поклонился онъ.

— Что же сдѣлалось съ братьями? спросилъ я разсказщика.

Ихъ прогнали знатоки безчестнымъ образомъ, отвѣтилъ онъ.

Какіе были это люди и въ какихъ лѣсахъ—никто объ этомъ не говоритъ. Подобные же расказы, но въ другомъ смыслѣ, слышаны были нами и отъ русскихъ. Послѣдніе называютъ ихъ, знатоковъ, «фармазонами».

Пычкосъ. Колдуны раздѣляются на нѣсколько категорій. Между

ними особенно страшны колдуны, напускающіе болѣзни по вѣтру. Какой колдунъ напустилъ на человѣка болѣзнь—знать, кромѣ ворожца, по повѣрью, никто не можетъ; возвратить же здоровье больному можетъ только одна жертва. Поэтому, если человѣкъ сильно захворалъ, родные обращаются къ ворожцу и онъ говоритъ, что болѣзнь на больномъ напущенная (пычкемылъ) и велитъ принести въ жертву барана или другое животное какому нибудь божеству. Если послѣ одного жертвоприношенія больной не получаетъ облегченія—ворожецъ велитъ жертвоприношеніе повторить. Въ тяжкихъ болѣзняхъ приносятъ жертву Акташу и самое жертвоприношеніе нѣкоторые называютъ *Уллане-сетонв* (отданіе внизъ). Такое названіе дано, вѣроятно, потому, что кусокъ жертвеннаго мяса попъ бросаетъ въ рѣку со словами: «куда идетъ мясо, туда иди и боль».

Пельтысь, пельяськысь (шептунъ, знахарь). Второе мѣсто между вредными самозванцами занимаютъ знахари-шептуны. Ихъ дѣятельность въ гигіеническомъ отношеніи весьма вредна. Прибѣгая къ помощи ихъ, инородцы затягиваютъ болѣзнь до того, что самая маловажная боль, требующая легкой медицинской помощи, запущенная въ началѣ, переходитъ въ хроническое состояніе и леченіе такой болѣзни выходитъ уже изъ круга фельдшерскихъ знаній, а нерѣдко и самого врача. Знахарей возятъ къ больнымъ, какъ священника съ требой на своихъ лошадяхъ, платятъ имъ, угощаютъ ихъ, какъ почетныхъ гостей.

Вегинв (колдунъ или колдунья). Колдуны, по отзывамъ жителей, враги семейнаго благосостоянія; но въ то же время колдуны не для всѣхъ опасны: кто обладаетъ смѣлостью и знаніемъ молитвъ, особенно, молитву «Да воскреснетъ Богъ», тому колдуновъ бояться нечего: одно знаніе молитвы сохранитъ отъ порчи колдуна. Иные говорятъ, что если кто и не знаетъ никакихъ молитвъ, да ударитъ колдуна по носу такъ, чтобы изъ него побѣжала кровь, то колдунъ не опасенъ. Порчу колдуны напускаютъ на человѣка или по вѣтру, или прикосновеніемъ къ человѣку, или же нашептываніемъ на напитки, которые человѣкъ пьетъ, а нерѣдко и дуновеніемъ. Иного больнаго, если онъ испорченъ, никто, кромѣ самого колдуна, вылечить не можетъ. Особенно придаютъ большую силу колдовства колдуну тогда, когда онъ будетъ ласкаться къ человѣку и потреплетъ его по спинѣ. Если вскорѣ послѣ этого захвораетъ человѣкъ,

то говорятъ, что его испортилъ колдунъ. Колдовство, по словамъ жителей, переходитъ по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Какъ ни страшенъ колдунъ для смирныхъ и незнающихъ людей, но есть противъ него и амулеты. Такъ, напримѣръ, первымъ амулетомъ служитъ серебряный рубль старинныхъ временъ, подъ названіемъ «противникъ», съ изображеніемъ императора или императрицы съ лицомъ, обращеннымъ противъ солнца. Такія монеты хранятся, какъ рѣдкость. Монеты эти цѣнятся до 5 рублей.

Колдунъ или колдунья. Кто занимался колдовствомъ, по смерти духъ его по временамъ входитъ въ тѣло и выходитъ изъ него. На такомъ повѣрьи основанъ слѣдующій разсказъ, слышанный нами отъ крестьянина дер. Титова, Шарканскаго прихода, Петра Никонова: вотяка отдали въ солдаты и жена его-колдунья безъ него умерла. По окончаніи срока службы мужъ ея вернулся на родину, не зная о смерти жены. Жили они до службы вдвоемъ съ женой; когда же жена умерла, родственники заперли домъ ихъ на замокъ и ключъ отъ замка взяли себѣ. Мужъ подошелъ къ дверямъ и двери отперла ему жена его (уже умершая); она настряпала ему разныхъ пирожковъ и шанекъ и потчуетъ его; онъ ѣстъ, прося жену тоже ѣсть съ нимъ; она отказывается отъ ѣды подъ разными предлогами. Накормила она мужа и взяла изъ шкафа какую-то мазь; помазала ею грудь и вылетѣла въ трубу. Мужъ вышелъ на улицу и тамъ видитъ жену: она идетъ по улицѣ; онъ за ней. Прошли улицу и жена обернулась въ собаку; изъ собаки—въ кошку а изъ кошки—въ сѣрую мышь. Идетъ онъ за мышью... Мышь дошла до кладбища и зашла въ нору, идущую въ могилу; чрезъ нѣсколько времени она вышла оттуда съ косточкой, погрызла кость и пошла обратно; обернулась въ кошку, изъ кошки—въ собаку, а въ деревнѣ—въ человѣка—его жену; идетъ мужъ ея позади, а жена не замѣчаетъ его. Зашла жена въ избу и онъ за ней. Тамъ другъ друга обманули, кто какъ могъ; мужъ сказалъ: былъ въ сосѣдяхъ, а жена отвѣтила: гуляла за околицей. Жена опять ему стряпаетъ—изводитъ муку и бросаетъ даромъ, а сама не ѣстъ. Кончила муку и посылаетъ мужа къ мельнику съ чашкой за мукой. Мужъ получилъ муку и вѣтромъ разнесло ее; она въ другой разъ посылаетъ съ руганью; мужъ идетъ и опять приходитъ безъ муки. При возвращеніи отъ мельника мужъ встрѣчается съ лѣшимъ. «На тебѣ сундукъ; тамъ

всякаго добра найдешь»,—говоритъ лѣшій, указывая на сундукъ; лѣшій отдалъ сундукъ мужу колдуньи и отправилъ его домой. Жена удивилась и говоритъ мужу: есть ли мука?—Есть, отвѣчаетъ мужъ. — Есть ли чай? — Есть; всего теперь у меня много.—Закипѣла колдунья завистью и злобой и оборотила мужа въ воробья. Воробей присталъ къ другимъ воробьямъ и всѣ они улетѣли къ Нюлэсъ-Мурту. Воробьи сѣли на домъ Нюлэсъ-Мурта, только одинъ не сѣлъ. Нюлэсъ-Муртъ поймалъ его и сдѣлалъ человѣкомъ, мужемъ колдуньи. Вернулся человѣкъ домой, а жена опять сдѣлала собакой. Собаку поймалъ прикащикъ и не зналъ ей цѣны. Всякій торгуетъ эту собаку, но прикащикъ не продаетъ. Однажды собака поймала вора и стала кричать по человѣчьи. Хозяинъ выбѣжалъ и вора поймали. Услышалъ о собакѣ царь и посылаетъ торговать придворнаго. Прикащикъ все-таки не согласился продать; Нюлэсъ-Муртъ сдѣлалъ изъ собаки человѣка и человѣкъ въ могилу своей жены-колдуньи вколотилъ осиновый колъ. Съ тѣхъ поръ колдунья не стала выходить изъ своей могилы.

Былъ въ Шарканской сторонѣ давнымъ давно, разсказываетъ крестьянская дѣвица поч. Сушкова, Катерина Исаева, колдунъ, весьма искусный въ дѣлахъ колдовства. Бывало кого онъ не залюбитъ—сживетъ со свѣту, кто его оскорбитъ—руку или ногу испортитъ. Впрочемъ, кто его не трогалъ, онъ тѣмъ ничего не дѣлалъ· Захотѣлъ быть колдуномъ одинъ молодой человѣкъ и проситъ его научить колдовству. Колдунъ согласился и завелъ его въ баню, которая была истоплена вечеромъ для желающихъ париться. Зашли въ баню; колдунъ велитъ ученику раздѣться. Раздѣлся ученикъ и ждетъ далѣе приказаній колдуна, а до этого колдунъ взялъ съ него слово исполнять то, что онъ прикажетъ. Колдунъ что-то пошепталъ и изъ банной печи выпрыгнула огромная жаба; разинула ротъ и, видимо, проситъ ѣсть.

— Ну пройди чрезъ эту жабу, говоритъ колдунъ. Ученикъ испугался.... взялъ одежду и убѣжалъ домой. Съ тѣхъ поръ онъ больше не просилъ колдуна учить колдовству.

Преданіе о томъ, почему вотяки при жертвоприношеніяхъ начали употреблять блины. Во время оно, на одномъ стебелькѣ было семь колосковъ; хлѣба сѣяли мало, а было его много. Но вотъ нашлась женщина—злодѣйка и прогнѣвала Бога такъ, что никакія молитвы

онъ не сталъ принимать и на одномъ стебелькѣ остался навсегда одинъ колосокъ. А вотъ что сдѣлала эта женщина: будучи въ одно время въ лѣсу, женщина эта испражненія своего ребенка завернула въ блинъ и положила въ щель дерева. Богъ прогнѣвался и оставилъ за это на стебелькѣ одинъ колосокъ; извѣстно, хлѣбъ—даръ Божій. Съ той поры вотяки начали употреблять при жертвоприношеніяхъ блины, убѣдившись въ пріятности ихъ Богу.

Хлѣбъ инородцы считаютъ величайшимъ изъ всѣхъ даровъ Божіихъ на землѣ; поэтому не поднять съ полу хлѣбную крошку и попирать ее ногами считаютъ за величайшій грѣхъ, влекущій за собой наказаніе Божіе. (Записано со словъ Захара Кондратьева и Ивана Иванова—крестьянъ села Сосновки).

Клятва. Въ частной жизни, для утвержденія вѣры въ своихъ единоплеменникахъ, питающихъ недовѣріе или подозрѣвающихъ въ чемъ нибудь, инородцы, особенно женскій полъ, клянутся слѣдующими словами: «Инмаръ понна̀!.. нянь понни!.. шунды́ понни!... толы́зь понна! кизили̇̀ понна̀! (Клянусь Господомъ... хлѣбомъ... солнцемъ... мѣсяцемъ... звѣздами)... Сверхъ сего грамотные клянутся церковнымъ крестомъ. Клятвѣ же, установленной православной церковью для вступающихъ въ общественныя должности и свидѣтелямъ предъ судомъ, значеніе даютъ только грамотѣи.

Въ одно время я, пишущій эти строки, слышалъ между ссорящимися инородцами такую клятву: «Инмаръ медъ шуккӧзъ... татцы́икъ медъ куло́» (пусть меня Господь громомъ убьетъ... пусть на этомъ же мѣстѣ умру, если ложь говорю).

Преданія. *Жертвоприношеніе на горѣ.* Въ силу своихъ молитвъ и религіозныхъ обычаевъ инородцы еще вѣрятъ крѣпко; въ этой вѣрѣ они утверждены, говорятъ, дѣйствительными фактами, о чемъ среди нихъ существуетъ много разсказовъ и преданій, доказывающихъ силу молитвы. Вотъ одно изъ такихъ преданій, слышанное нами съ селѣ Шаркинѣ.

Во время оно, говоритъ преданіе, послѣ Петровокъ (29-го Іюня) появились на поляхъ въ несмѣтномъ числѣ сверчки и кузнечики (должно полагать саранча) и стали ужасно пожирать поспѣвшіе хлѣба. Что дѣлать? Истребить ихъ никакими средствами немыслимо—вредъ отъ нихъ ужасающій. Вотяки въ этомъ видѣли явную кару Верховнаго Существа и рѣшили принести Ему жертву на самой

высовой горѣ, какъ самому высочайшему Существу. Собрались многочисленной толпой и принесли жертву, въ надеждѣ умилостивить Верховное Существо. На другой день пошелъ снѣгъ; и земля и нивы покрылись имъ толщиною на полъаршина, отчего насѣкомыя перемерли всѣ. Гору потомъ назвали дзёзо и каждый годъ совершали тамъ жертвоприношеніе объ избавленіи хлѣбныхъ растеній отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Гора (въ 3 верстахъ отъ с. Шаркана) свое названіе получила отъ слова дзезъ, что значитъ сверчокъ, а отсюда произошло слово дзёзо (сверчковатое мѣсто), такъ какъ жертвоприношеніе началось по случаю появившихся насѣкомыхъ (Козьма Степановъ). Этотъ разсказъ напоминаетъ нѣсколько событіе изъ жизниВарлаама Хутынскаго, когда онъ въ Петровъ день ѣздилъ на саняхъ въ одинъ монастырь по приглашенію. Св. Варлаамъ, по дару прозорливости, предсказалъ снѣгъ въ это необыкновенное время приглашающему его иноку, сказавъ, что онъ, св. Варлаамъ, пріѣдетъ къ нему на саняхъ. Предсказаніе его сбылось въ точности: снѣгу выпало такъ много, что имъ покрылась вся нива на поляхъ, отчего пригласившій Варлаама инокъ печалился за земледѣльцевъ, нивы которыхъ, по заключенію инока, должны были подъ снѣгомъ погибнуть и населенію угрожалъ неизбѣжный голодъ. Святой же Варлаамъ утѣшилъ инока, говоря, что снѣгъ, напротивъ, избавитъ ниву отъ червя и насѣкомыхъ, которыя появились на поляхъ. Такъ и сдѣлалось: нива освободилась отъ червя и насѣкомыхъ, снѣгъ растаялъ и все приняло прежній видъ.

Избраніе мѣста подъ шалашъ Быдзимъ Куалъ. Къ послѣднимъ временамъ состоянія вотяковъ въ язычествѣ относится и другое преданіе объ избраніи мѣста подъ шалашъ Быдзимъ Куалъ.

За нынѣшнимъ селомъ Большой-Пургой, около Сибирскаго тракта, въ предѣлахъ владѣній крестьянъ села Зуры, было нѣкогда мѣсто языческаго жертвоприношенія вотяковъ. Однажды лѣтомъ собрались туда для жертвоприношенія вотяки чуть не со всѣхъ сторонъ и между прочими животными, приведенными для закланія, былъ одинъ быкъ. Быкъ этотъ какимъ-то образомъ сорвался и побѣжалъ по направленію къ селу Полому. Тутъ жрецы заключили что быкъ сорвался—значитъ, мѣсто неугодно богамъ. Вслѣдствіе этого рѣшили выбрать изъ своей среды нѣсколько человѣкъ и по-

слать ихъ вслѣдъ за быкомъ. Сказано—рѣшено. Послали они нѣсколько человѣкъ. Быкъ прошелъ село Поломъ (22 версты отъ села Зуры) и повернулъ направо, не останавливаясь нигдѣ. Посланные все идутъ за нимъ... Дошелъ онъ. быкъ, до горы въ трехъ верстахъ отъ села и остановился. Вернулись посланные къ своимъ и разсказали имъ о результатахъ своего путешествія за быкомъ. Тогда общимъ совѣтомъ рѣшили мѣсто жертвоприношенія перенести туда гдѣ остановился быкъ. Построили тамъ шалашъ и назвали его *Будзимъ куа* (или куалъ). Жертвоприношеніе тамъ совершалось еще послѣ принятія вотяками христіанской вѣры, но когда въ глазахъ духовенства языческое моленье принявшими христіанство стало нетерпимо, шалашъ сожгли. На мѣстѣ пепелища, говорятъ, долго еще по временамъ были слышны вопли языческаго бога. Въ настоящее время гора, на которой былъ шалашъ, называется Быдзимъ куа гуредь (быдзимъ-великій куа или куалъ-шалашъ, мѣсто молитвы, гуредь-гора) что значитъ: гора, на которой былъ великій шалашъ или храмъ.

Остатки древней религіи. Вотяки или Отяки, какъ они называются въ Вятскихъ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ, въ древнія времена обожали огонь т. е. они были *огнепоклонниками*, а потомъ перешли въ *идолопоклонства* и стали обожать, кромѣ болвановъ, *силы природы* и *растенія*. Слѣды огнепоклонства видны и теперь: при жертвоприношеніяхъ въ даръ огню бросаютъ куски мяса и льютъ на огонь кумышку и пиво; утромъ въ Великій Четвертокъ предъ баней перескакиваютъ черезъ огонь; клянутся огнемъ и играть имъ считается какъ бы за грѣхъ; зола изъ очага у нѣкоторыхъ племенъ составляетъ часть божества Воршудъ (см. «Сожженіе Воршуда» въ настоящей статьѣ). Кромѣ этого есть еще другіе слѣды прежняго огнепоклонства ихъ. Объ идолопоклонствѣ болѣе можно судить только по исторіи Вятскаго края, которая ясно доказываетъ идолопоклонство вотяковъ по Болвановкѣ, гдѣ до пришествія въ Вятскую страну Новгородцевъ были идолы вотяковъ. Сами же вотяки объ идолопоклонствѣ не помнятъ, а нѣкоторые еще отрицаютъ это, говоря, что они идолопоклонниками не были; но этому вѣрить нельзя: въ настоящее время слѣды идолопоклонства такъ же свѣжи, какъ свѣжи слѣды огнепоклонства, именно: во время жертвоприношенія жрецы кланяются дереву,

чему былъ свидѣтелемъ самъ пишущій эти строки *). Хотя сами вотяки это и не считаютъ идолопоклонствомъ, но несомнѣнно, что такіе поклоны — остатки прежняго поклоненія кумирамъ, напоминающіе нѣсколько поклоненіе русскихъ Перуну. Что касается остатковъ обожанія силъ природы и растеній, то они настолько очевидны, что въ виду современнаго существованія жертвоприношеній и повѣрій не требуютъ доказательствъ. Возьмемъ примѣръ изъ любаго жертвоприношенія: жрецы, сопровождая молитвы поклонами дереву (ели), въ рукахъ держатъ древесныя вѣтви и ихъ втыкаютъ въ короваи хлѣба. Во время господства божества Инъвожо воспрещается рвать траву, цвѣты и растенія. По словамъ вотяковъ (Захара Кондратьева и Ивана Иванова, села Сосновки) въ древнія времена особенно была чтима въ жилищахъ вотяковъ трава *осока*, которую держали въ переднемъ углу, гдѣ нынѣ устраиваются божницы для иконъ. Громъ принимаютъ тоже за божество, называя его Гудыри-мумы (мать-громовъ). Слѣдовательно нѣтъ никакихъ сомнѣній въ вѣрности нашихъ предположеній.

Въ настоящее время вотяки, какъ уже извѣстно, христіане, но въ душѣ большая часть ихъ остается язычниками или, покрайней мѣрѣ, двоевѣрцами. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только болѣе развитые, но ихъ, при отсутствіи успѣха въ грамотности, мало. Двоевѣрцами мы называемъ тѣхъ, которые, исповѣдуя христіанскую вѣру, при смутномъ объ ней понятіи, усердно кланяются своимъ вымышленнымъ богамъ въ мѣстахъ языческихъ моленъ. Говоря объ нихъ, мы должны замѣтить, что глазовскіе вотяки отъ сарапульскихъ отличаются рѣзко какъ костюмомъ, такъ и нарѣчіемъ, а причиной этому—другія племена, раннее просвѣщеніе христіанскою вѣрою, грамотность, вліяніе русскихъ и отчасти духовенства. Кто бывалъ у вотяковъ Глазовскаго уѣзда, особенно по тракту, тотъ, несомнѣнно, былъ пріятно пораженъ чистотой въ домахъ ихъ, комфортомъ домашнимъ и развитіемъ ихъ самихъ, чего незамѣтно и у русскихъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ ними. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ предпочтенія инородцы старинныхъ селъ до Елова по Вятско-Пермскому тракту. Въ приходахъ этихъ селъ уже давно не существуетъ и жертвоприношеній, какія нынѣ

*) Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ. т. XX стр. 527, 528 и 529.

совершаются открыто въ Сосновскомъ краю; но мы не говоримъ, что забыты всѣ обычаи: слѣды ихъ еще будутъ существовать долго, но, по крайней мѣрѣ, нѣтъ тамъ такихъ обрядностей, какія совершаются въ другихъ мѣстахъ открыто.

Исторія Вотяковъ и языки ихъ. Извѣстно, что у вотяковъ, какъ народа некультурнаго, отъ появленія ихъ въ Вятской странѣ до сего времени, лѣтописи не существовало, да и не могла она существовать, такъ какъ своего алфавита и грамматики ими не изобрѣтено, русскаго же алфавита для нихъ недостаточно, а за неимѣніемъ грамоты, какая же можетъ быть словесность, кромѣ устной? О прошедшей судьбѣ ихъ можно судить лишь по настоящему быту и отчасти преданію, указывающему на тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился ихъ характеръ. Большая часть устныхъ преданій, сохранившихся въ памяти этого народа, приняла характеръ сказочныхъ легендъ. Это видимъ и изъ разсказовъ о богатыряхъ ихъ, которымъ приписываются необыкновенныя силы, мужество и проч., между тѣмъ какъ, судя по этому народу (по крайней мѣрѣ, въ Сосновскомъ краю), ни того, ни другого имъ нельзя приписать. Если бы среди нихъ была замѣчательная личность, то она, несомнѣнно, не ускользнула бы отъ вниманія русскихъ историковъ.

Вотяки принадлежатъ къ финскому племени къ Чуди и Мери, также, какъ Эстонцы, Лапландцы и проч., и о древнемъ происхожденіи ихъ «Исторія Вятскаго края» приводитъ такія данныя: «Изъ скандинавскихъ сагъ и путешествія Отера знаемъ» говоритъ названная Исторія, «что Киріаландія и Біармія были сильныя государства, населенныя Финнами и что Біармія (отсюда слово Пермь) была въ сѣверо-восточной части Россіи. Никакого племени нѣтъ старобытнѣе Финновъ въ сѣверныхъ и восточныхъ климатахъ Россіи, говоритъ Карамзинъ. Извѣстный путешественникъ Фишеръ полагаетъ, что Самоѣды и Остяки составляютъ остатокъ Чуди— древнихъ жителей Сибири. А Мальтъ - Брэнъ и Гумбольдтъ находятъ нѣкоторыя рѣзкія черты сходства между Остяками и Тунгузами и дикими племенами сѣверной Америки». Основываясь на этихъ данныхъ, упомянутая нами Исторія дѣлаетъ такія общія заключенія: «вѣроятно нѣкогда, гораздо ранѣе переселенія народовъ при паденіи Римской имперіи, Финны составляли племя сильное и очень многочисленное, занимавшее огромную полосу на сѣверѣ

Европы, Азіи (и, быть можетъ, Америки); но при появленіи новыхъ племенъ съ востока Финны тотчасъ уступили имъ мѣсто. Цѣль бытія ихъ какъ бы окончилась; они расчистили землю, обновили ее, доказали ея обитаемость и, тѣснимые другими племенами, разбѣжались, скрываясь отъ побѣдителей за Карпатскими горами въ странахъ Прибалтійскихъ, оставляя часть своего племени на прежде бывшемъ мѣстѣ жительства. Павши совершенно, они должны были придти въ дикость. Такими-то ихъ и застали новгородцы на берегахъ Камы и Вятки и малочисленная ватага новгородцевъ ихъ побѣдила, точно такъ какъ горсть Испанцевъ завоевала цѣлыя страны въ Америкѣ, ибо отличительныя черты падшихъ племенъ—страдательность, какая свойственна болѣе чѣмъ кому либо Вотякамъ». Вотяки до пришествія новгородцевъ въ Вятскую страну (прежде Хлыновская область) были почти въ дикомъ состояніи, такъ какъ удаленные отъ общества народовъ цивилизованныхъ и не имѣющіе никакихъ сношеній съ болѣе развитыми племенами, они должны были тупѣть и прозябать. Какимъ образомъ они управлялись и какое было у нихъ главное занятіе до пришествія новгородцевъ—неизвѣстно; но вотъ новгородцы узнали, что занимаемая вотяками страна изобилуетъ всѣми дарами природы, что жители ея стоятъ по развитію далеко ниже ихъ. Объ этомъ передавали имъ купцы, ведшіе торговлю, чрезъ земли вотяковъ, съ народами Біарміи и земли Югорской, и новгородцы возгорѣли желаніемъ переселиться въ Вятскія земли. И вотъ въ 1174 году нѣкоторые изъ нихъ рѣшились оставить свое отечество и искать мѣста поселенія въ Вятской странѣ. Вытѣснивши оттуда прежнихъ обитателей, они поселились въ ней навсегда.

Вотяки, оставивши свою родину, избрали мѣста для поселеній среди лѣсовъ, удаленныхъ отъ селеній и большихъ дорогъ и, живя, какъ и прежде, безъ всякаго стремленія къ улучшенію своего быта, тупѣли больше и больше. При такихъ условіяхъ они не могли оставить по себѣ никакихъ памятниковъ кромѣ валовъ и насыпей, которыми защищали свои жилища отъ нападеній иноплеменниковъ. Такіе валы и насыпи свидѣтельствуютъ о томъ, что они, вотяки, во время оно, вели войну съ своими врагами, вытѣснившими ихъ изъ родной страны, и впослѣдствіи такіе вещественные остатки старины приняли названія *городищъ*, потому что

около нихъ сосредоточивались главныя массы ихъ и самыя городища служили резиденціей князьковъ, называемыхъ *батырами*; самыя же городища назывались *карами*. Батыръ въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ богатырь, а каръ—городъ. Послѣднее названіе позаимствовано отъ вотскаго же слова *кузили-кар*, т. е. городокъ или жилище муравьевъ (кузили—муравей), и слово каръ впослѣдствіи присоединилось къ именамъ князьковъ.

Городища вотскихъ князьковъ, послѣ появленія новгородцевъ въ Хлыновской Области возникали преимущественно около нынѣшняго города Глазова и назывались по имени самихъ князьковъ, и мѣста тѣ по сіе время сохранили за собой названія городковъ вотскихъ князьковъ. Такъ, напримѣръ, около Глазова и Балезина и теперь существуютъ деревни: Идна-каръ, Гурья-каръ, Донды-каръ, Весья-каръ и проч. На мѣстахъ этихъ деревень, по преданію, имѣли городища князьки: Идна (см. Идна-батырь въ нашей статьѣ), Гурья, Донды, Весья. Одни городища принимаютъ характеръ валовъ, другія—мысовъ, третьи—простыхъ бугровъ и проч. Одинъ изъ такихъ валовъ находится въ пяти верстахъ отъ Глазова на восточной сторонѣ рѣки Чепцы. Съ западной стороны защищаетъ его крутизна горы, на югъ лежитъ глубокая долина, по которой течетъ рѣчка Киза, соединяющаяся съ источникомъ Чепцы. Говорятъ, что прежде находили тамъ серебряныя и мѣдныя вещи и земледѣльческія орудія. Второй подобный же валъ находится близь села Балезина, при небольшомъ истокѣ, впадающемъ въ рѣку Идзу.

Хотя упомянутыя нами выше мѣстности и валы и не входятъ въ кругъ описываемаго края, но въ историческомъ отношеніи они тѣсно связаны съ судьбою вотяковъ Сосновскаго края, заключающаго въ себѣ до семи приходовъ или волостей, населенныхъ вотяками. По преданію ихъ самихъ, послѣ вытѣсненія ихъ предковъ изъ Хлыновской Области, главная масса осталась въ Причепецкомъ краѣ, т. е. орошаемомъ рѣкой Чепцой и притоками ея, а нѣкоторые пожелали переселиться за Каму; туда же посылало ихъ и начальство на казенныя работы. Съ теченіемъ времени закамскіе единоплеменники вотяковъ Глазовскаго или Причепецкаго края опять пришли въ предѣлы нынѣшняго Сосновскаго края, *) Осо-

*) Извѣстія Импер. Русс. Геогр. Общ., т. XX 1884 г., стр., 497.

бенно замѣчателенъ въ устной исторіи Вотяковъ названнаго края бѣглецъ Ожмегъ *), съ которымъ въ послѣдствіи сроднился Бехтеміръ изъ Глазовской стороны.

При селѣ Поломѣ, Глазовскаго уѣзда (около 60 верстъ отъ села Сосновки), находятся два мысообразныхъ *городища* вотскихъ князьковъ. Это, между прочимъ, достопримѣчательныя древности и памятники старины. Первое городище называется *Чемошуръ*; оно въ трехъ верстахъ отъ села, по направленію къ городу Глазову по вятско-пермскому тракту, но находится не у самаго тракта, а примѣрно въ одной верстѣ отъ него ниже возвышенія, называемаго *Красной горой*, подъ которой протекаетъ рѣчка Чемошурка, впадающая въ рѣку Чепцу (около полуверсты отъ тракта). Если вы пойдете вверхъ по теченію рѣчки Чемошурки — придете въ логъ; вотъ этотъ логъ и есть искуственный ровъ городища, т. е. вырытый человѣческими руками. Городище представляетъ, какъ сказали мы выше, мысъ; оно окружено рвами около двадцати саженъ глубины и столько же ширины отъ одного берега до другаго, и очертаніе его имѣетъ нѣкоторое сходство съ половиной овала, упирающагося вершиной къ юго-западу. Площадь городища пересѣкаетъ перпендикулярно валъ сажени четыре вышиной, столько же шириной и десять длиной. Длина рва отъ носа городища до насыпи около одной версты. Во рву, противъ одного изъ концовъ насыпи, назадъ тому болѣе ста лѣтъ виднѣлся еще входъ въ пещеру и были, какъ помнятъ старики, двери. Второе городище, называемое *Гыркесь-шуръ*, имѣетъ ту же форму и находится на той же сторонѣ, въ одной верстѣ отъ Чемошура, саженяхъ въ 30 отъ большой дороги. Проѣзжающій можетъ видѣть его съ дороги. Въ городищахъ этихъ, по преданію, жили вотскіе богатыри-князьки. Въ прежнія времена при воздѣлываніи земли находили тамъ разныя серебряныя вещи: кольца, подковы и проч. но, къ сожалѣнію, находки ни у кого не сохранились. Говорятъ, что въ городищахъ этихъ хранится множество серебряныхъ вещей, а о деньгахъ преданіе умалчиваетъ. Рвы городищъ уже заросли деревьями и по лѣтамъ, какъ говорятъ мѣстные жители, служатъ убѣжищемъ для бродягъ, почему въ жителяхъ иногда поселяютъ страхъ.

---

*) Смотри далѣе, стр. 103 и слѣд.

Такіе вещественные остатки старины, какъ туземные слѣды древности, въ Вотскомъ краѣ раздѣляются на два періода: первый заключаетъ въ себѣ время до водворенія новгородскихъ выходцевъ въ Вятской странѣ и второй—съ основанія ими поселеній. Поломскія городища, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, принадлежатъ къ послѣднему. Но не одни вещественные остатки свидѣтельствуютъ о прошедшихъ военныхъ временахъ вотяковъ; есть мѣста и безъ всякихъ валовъ и насыпей, въ которыхъ происходили у вотяковъ стычки съ иноплеменниками.

Такъ около села Полома указываютъ мѣсто битвы Вотяковъ съ татарами, называемое *Бигеръ-гучинъ*. Съ какими татарами имѣли военныя дѣла вотяки—неизвѣстно.

Населенныя вотяками мѣстности въ древнія времена были покрыты дремучими лѣсами, поэтому и памятники старины не могутъ быть многочисленны и таковые преимущественно сосредоточиваются въ Глазовскомъ уѣздѣ, а внутри Сосновскаго края замѣчательныхъ городищъ до сихъ поръ еще не открыто; только близь камско-воткинскаго завода есть одно городище. Оно находится на правомъ берегу Вотки, при деревнѣ Бродищѣ, получившей названіе, вѣроятно, отъ городища, при которомъ находится деревня. Городище представляетъ возвышенное мѣсто, окруженное съ двухъ сторонъ болотами, а съ другихъ двухъ обнесенное землянымъ валомъ. Оно имѣетъ форму мыса, поднимающагося перпендикулярно на шесть саженъ. Съ рѣки Вотки представляется гора крутая, неудобовосходимая, покрытая кустарникомъ, а съ твердой земли видѣнъ валъ, идущій тремя грядами. Этотъ окопъ идетъ отъ сѣвера къ югу саженъ на 50, потомъ поворачиваетъ къ востоку и занимаетъ около шестидесяти саженъ. Три земляные вала доселѣ хорошо сохранились; глубина рвовъ между ними одинакова; спускъ въ первый удобенъ, во второй труденъ, въ третій, котораго глубина сажени полторы, весьма труденъ. Площадь возвышенія имѣетъ въ длину и въ поперечникѣ по 70 саженъ. Отсюда видны всѣ заводскія зданія, заводскій прудъ, горы, лѣса и поля, лежащія п. теченію рѣки Вотки, неподалеку отъ этого мѣста впадающей въ рѣку Сиву. Слѣды жизни человѣческой на этомъ мѣстѣ совершенно исчезли; самое преданіе о немъ ничего не сохранило; только нѣкоторые изъ заводскихъ старожиловъ говорили, что издревле здѣсь

обитала Чудь бѣлоглазая. Когда былъ основанъ камско-воткинскій заводъ, на этомъ мѣстѣ уже не было слѣдовъ человѣческаго жилища.

Прежде тамъ находили желѣзныя орудія, а назадъ тому около 80 лѣтъ при распашкѣ земли вырыли два топора особенной формы, похожіе на тѣ, какіе работались на заводѣ для американской компаніи.

Къ какому времени принадлежитъ основаніе этого городища, опредѣлить, конечно, трудно. Если дѣйствительно обитала здѣсь, какъ говоритъ преданіе, Чудь, то, можетъ быть, народъ этотъ принадлежалъ къ тѣмъ племенамъ, которыя населяли Хлыновскую область до пришествія новгородцевъ, когда тамъ были уже города Чудскіе, какъ, напримѣръ, Кошкаровъ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Котельничъ. Слово Кошкаръ существуетъ и въ вотскомъ языкѣ (Вотяки—остатокъ Чуди); оно составляется изъ двухъ словъ: кошъ и каръ (кошъ—ступай, убирайся, а каръ—городъ, жилище).

Водворившись послѣ разгрома новгородцевъ въ Глазовскомъ краѣ, вотяки раздѣлились на нѣсколько партій и большая часть ихъ поселилась около рѣки Чепцы. Партіи, которыя были малочисленны, соединились съ другими и такимъ образомъ составились какъ бы отдѣльныя племена и каждое такое племя избравши себѣ князька-батыра, къ мѣсту поселенія избрало свое направленіе. Водворившись на избранныхъ мѣстахъ, для безопасности строили укрѣпленія и таковыя служили резиденціей князьковъ. Князьки ихъ управляли народомъ не деспотически, а какъ бы республиканскимъ порядкомъ, при которомъ старшиною былъ батыръ. Въ случаѣ нападенія иноплеменниковъ взяться за оружіе обязанъ былъ каждый мужчина, и при этомъ племя племени помогало какъ сосѣдъ сосѣду; поэтому въ обществѣ у нихъ требовался миръ и согласіе; племя за племя должно было стоять горой и обида единоплеменника считалась обидой брата.

Въ мирѣ и согласіи каждый сознавалъ ту пользу, что при нихъ всякія невзгоды переживаются легче и всякая опасность со стороны враждебныхъ племенъ общими силами отражается легко; напротивъ, несогласіе, вражда бываютъ причиною общихъ бѣдствій. Такъ понимали вотяки, вытѣсняемые новгородскими выходцами изъ Хлыновской области и поселившіеся въ глухихъ мѣстахъ, удален-

ныхъ отъ народовъ болѣе развитыхъ; да и не должны были понимать иначе, когда положеніе ихъ требовало мира и согласія. Вотъ поэтому и сложился у нихъ такой характеръ, какой видимъ въ нихъ теперь, и основная черта котораго миролюбіе, а отсюда уживчивость въ многочисленной семьѣ. Это видимъ особенно тамъ, гдѣ нѣтъ еще среди ихъ русскихъ и, слѣдовательно, гдѣ послѣдніе не могли еще повліять на нихъ ничѣмъ. Напротивъ, всмотритесь въ жизнь Вотяковъ тѣхъ селеній, гдѣ живутъ съ ними и русскіе — и вы увидите совершенно другое, уже несвойственное миролюбивому характеру: семейства малочисленны, прежняго миролюбія уже нѣтъ, словомъ—черты характера совершенно иныя. А что тому причиной? вліяніе русскихъ, которые вращаются среди и около нихъ. Гдѣ нѣтъ русскихъ, тамъ нѣтъ и пороковъ, противоположныхъ миролюбію, напримѣръ: ссоръ, буянства отъ пьянства, вражды и воровства, не услышите и сквернословій отъ вотяка; не увидите тамъ и нищаго, протягивающаго къ вамъ руку за подаяніемъ, что для вотяка составляетъ позорное ремесло—тунеядство. Только въ религіозномъ отношеніи русскіе глумленіемъ надъ вѣрованіями вотяковъ заставляютъ нынѣ забывать нѣкоторые чисто-языческіе обычаи.

Родоначальники вотскаго народа. Сначала вотяки населяли Вятскую страну, а потомъ, когда вытѣснили ихъ изъ Вятской страны русскіе, они начали селиться въ Глазовскомъ уѣздѣ. Между ними особенно замѣчателенъ былъ въ описываемой нынѣ авторомъ странѣ Бехтеміръ, который стремился со своими единоплеменниками къ рѣкѣ Камѣ, съ цѣлью переправиться за эту рѣку. Бехтеміру сопутствовалъ богатырь Иднà (Иднà—батыръ). Когда отъ русскихъ не стало житья, Бехтеміръ удалился въ нынѣшнюю Шарканскую сторону, а богатырь Иднà остался около нынѣшняго села Банезини Глазовскаго уѣзда. Иные смѣлые, притомъ сильные и богатые переѣхали на житье за Каму. Шарканская же сторона, которая входитъ въ Сосновскій край, оставалась ненаселенною.

Въ одно время понадобились царю солдаты, а солдатъ въ тѣ времена набирали не такъ, какъ нынѣ: кого могли поймать, того и дѣлали солдатомъ. Въ это страшное для вотяковъ время былъ за Камой - рѣкой, между прочимъ, одинъ здоровый, крѣпкій тѣлосложеніемъ вотякъ, Ожмѣгъ, изъ племени сурьмы. Вдругъ

до ушей его дошла молва, что солдатчины не миновать и ему, такъ какъ солдатъ начали набирать изъ племени сурьмы. Что дѣлать? Этотъ животрепещущій вопросъ въ нѣсколько минутъ разрѣшаетъ ворожецъ Тунò, который говоритъ, что ему, Ожмегу, нужно, не теряя времени, переправиться за рѣку Каму и тамъ предать себя волѣ судьбы; иначе ему солдатчины не миновать, а солдатчина въ то время была хуже горькой рѣдьки *). И вотъ, вооружившись для безопасности, всѣми нужными орудіями, онъ отправился на перевозъ къ берегамъ рѣки Камы; а на берегу этой рѣки, гдѣ находился перевозъ, стояли перевощики и сторожа; послѣдніе обязаны были хватать всѣхъ бѣглецовъ изъ племени сурьмы. Сторожа спросили его—изъ какого онъ племени? Ожмегъ сказалъ, что онъ изъ племени пупъи; однако перевощики не рѣшались его переправить за рѣку. Ожмегъ, видя приближающуюся опасность, пошелъ по берегу внизъ по теченію рѣки и тамъ нашелъ множество ободранныхъ лыкъ; изъ нихъ сдѣлалъ плотикъ и переправился за рѣку; опасность миновала. Онъ сказалъ себѣ: пусть меня теперь называютъ пупъёй. Слово пупъя происходитъ отъ вотскаго слова «пуппы», что значитъ, въ переводѣ на русскій языкъ, ободранное лыко, т. е. лутошки, какъ ихъ называютъ вообще крестьяне Вятской губерніи. Переплывши Каму, бѣглецъ Ожмегъ за неимѣніемъ хлѣба питался дудками травы *узы—гумы́* **). Пошелъ вверхъ по рѣкѣ Воткѣ, получившей названіе отъ слова «вотякъ», прошелъ около 50 верстъ отъ рѣки Камы и присталъ на ночлегъ. Уснулъ и видитъ во снѣ какого-то человѣка, который говоритъ ему, что онъ, Ожмегъ, долженъ остаться въ этихъ мѣстахъ. Проснулся и началъ размышлять о видѣніи во снѣ. Думалъ долго—и рѣшился поселиться на житье около рѣки Вотки. Выбралъ въ лѣсу удобное для поселенья мѣсто и построилъ шалашъ; назвалъ его *Быдзймъ—куа̀лъ* и началъ молиться воображаемому божеству *Инвỳ*. Итакъ онъ живетъ тамъ, около Вотки.

Чрезъ нѣсколько времени онъ пошелъ въ лѣсъ и нашелъ тамъ тропинку. Идетъ по этой тропинкѣ и встрѣчается съ неизвѣстнымъ

*) Туземное выраженіе.

Авт.

**) Трава эта употребляется вотяками какъ капуста во щахъ, а въ сыромъ видѣ ѣдятъ ея дудки. Русскіе называютъ ее *пика̀нами*, *дѣшлемъ* и *чи̇̀рсомъ*.

Авт.

человѣкомъ - мужчиной, по одеждѣ вотякомъ. Разговорились; неизвѣстный назвалъ себя Бехтеміромъ, и, между прочимъ, сказалъ, что онъ изъ племени бэнѧ, живетъ отъ жилища Ожмега въ девяти верстахъ на мѣстѣ, называемомъ *Вушъ-пыштьı*. Бехтеміръ предложилъ Ожмегу засватать за себя его дочь. Ожмегъ согласился и пошелъ за Бехтеміромъ; взялъ его дочь и зажилъ. Вотъ эти два вотяка суть *родоначальники* вотскаго народа въ Шарканской сторонѣ Сосновскаго края, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которые пришли изъ Малмыжской и Глазовской сторонъ. Отъ Бехтеміра, по словамъ стариковъ, произошло въ Хревичіи 1000 душъ, а отъ Ожмега 500. Въ настоящее время шалашъ Ожмега принадлежитъ вотякамъ деревни Быги, Шарканскаго прихода, какъ племени его. Въ шалашѣ этомъ, сказываютъ, моленье совершается иначе, но какимъ образомъ — неизвѣстно, такъ какъ входъ въ шалашъ во время жертвоприношенія постороннимъ бываетъ недоступенъ. Тамъ хранится будто бы и посуда, и одежда, которыя остались отъ Ожмега. Мѣсто жилища Бехтеміра находится въ полуторы верстахъ отъ починка Ляльмура. Оно болѣе замѣчательно тѣмъ, что не далеко отъ него пролегаетъ древняя Арская дорога. Дорога эта, пролегая по цѣпямъ холмовъ и возвышенностей системы Уральскихъ горъ, идетъ изъ Казани на Ирбитъ чрезъ Сиву. (Это записано со словъ крестьянъ поч. Арланова, Шарканскаго прихода, Павла Михайлова и Петра Иванова).

Изъ разсказовъ вотяковъ извѣстно, что главная резиденція богатырей была въ Балезинскомъ краѣ Глазовскаго уѣзда, преимущественно около нынѣшняго города Глазова. Богатырей у вотяковъ было много, но между ними замѣчателенъ Идна. Другіе богатыри въ то же время служили и князьями, поселившись въ особо-укрѣпленныхъ городищахъ; въ числѣ такихъ городищъ замѣчательны при селѣ Поломѣ Глазовскаго уѣзда два городища, глубина рвовъ которыхъ простирается до 20 саж. Эти городища будутъ описаны въ особой статьѣ.

Про богатыря Идну въ Сосновскомъ краѣ разсказываютъ такъ.

Ихъ было два брата. За Идной была жена вотячка, а за братомъ его меньшимъ — русская. Они ѣздили на Севӧжъ *) стрѣлять

*) Севожъ — перевозъ около устья рѣчки Вотки, какъ полагаютъ вотяки, но тамъ нынѣ никакихъ перевозовъ нѣтъ. *Авт.*

стрѣлами и ловить въ ловушки—пижны—клестовъ. Около Севожа жили русскіе, враждовавшіе съ вотяками. Вотскіе богатыри, въ томъ числѣ и Идна, ѣздили, между прочимъ, на Севожъ и для развѣдыванія о закамскихъ вотякахъ, съ цѣлью защиты ихъ въ случаѣ притѣсненія русскими. Ѣздили они весьма быстро на хорошихъ богатырскихъ коняхъ, такъ что взятый изъ печи при отъѣздѣ и положенный за пазуху горячій хлѣбъ по пріѣздѣ на Севожъ еще не простывалъ. Итакъ, братъ Идны пріѣхалъ на Севожъ. Туда же въ одно время пріѣхали и русскіе съ своимъ богатыремъ.

— «Дома ли братъ твой Идна!» спрашиваетъ русскій богатырь брата Идны.

— «Дома»—отвѣчаетъ тотъ.

— «Давно ли ты изъ дому?»

— «Недавно»;—и въ доказательство справедливости своихъ словъ вынимаетъ изъ-за пазухи теплый хлѣбъ, испеченный дома его женой.

— «Скажи Иднѣ, что мы пріѣдемъ къ нему въ гости *); пусть насъ ждетъ»; и при этомъ назначили время, когда ихъ долженъ встрѣтить Идна.

— «Ладно, скажу»—отвѣчаетъ братъ Идны.

Наловивши клестовъ, братъ Идны вернулся домой и передаетъ брату слова русскаго богатыря.

Въ назначенный день Идна приготовился ко встрѣчѣ *гостей* и дожидается. Ждалъ, ждалъ Идна—богатыря нѣтъ. Разсердился онъ на своего брата и убилъ его. Между тѣмъ русскій богатырь съ своей дружиной уже велъ военный совѣтъ за рѣкой - Чепцой, чрезъ которую былъ, такъ называемый, поплавной мостъ, утвержденный на перекладинахъ. Жена брата Идны, вдова, узнала, что русскій богатырь находится за Чепцой и ведетъ тамъ совѣтъ съ своей дружиной. Вотъ она изъ мести къ Иднѣ рѣшилась предать убійцу русскому богатырю, и, улучивъ время, ушла къ богатырю и сказала, что воевать съ Идной ему и думать нечего: онъ на конѣ летаетъ какъ орелъ, силенъ какъ медвѣдь, хитеръ какъ чертъ и что кони его одинъ другаго лучше. Если имъ хочется погубить его — надо подпилить

*) «Пріѣхать въ гости» значило тогда у богатырей—пріѣхать воевать, а у разбойниковъ—пріѣхать грабить. *Авт.*

ночью перекладины поплавного моста — и дѣлу конецъ: тутъ онъ и попался; иначе нечего и думать съ нимъ сражаться. Они такъ и сдѣлали: ночью подпилили перекладины моста и убрались отъ него. Идна, жаждущій битвы, не спалъ всю ночь. Утромъ, какъ только взошло солнце и разогнало съ луговъ туманъ, онъ сѣлъ на коня-гнѣдка и поскакалъ на встрѣчу русскому богатырю; доѣхалъ до моста — конь остановился; разсердился на гнѣдка и отрубилъ ему голову; вернулся домой—сѣлъ на сивка и поѣхалъ; по мосту не пошелъ и сивко. Онъ отрубилъ и этому голову и вернулся домой. Взялъ лукъ и стрѣлы, сѣлъ на пѣгаго коня и поѣхалъ. Пѣгій конь какъ только доскакалъ до средины моста—началъ тонуть. Тутъ Идна сказалъ: «пѣганая лошадь только за неимѣніемъ лошади—лошадь». Услыхалъ это русскій богатырь съ своей дружиной и поймалъ Идну. Видя неминуемую смерть, Идна натянулъ лукъ направилъ стрѣлу къ одной изъ горъ близь нынѣшняго села Бемезиля и сказалъ русскому богатырю: гдѣ упадетъ эта стрѣла, тутъ поставьте мнѣ белоди *). Сказавши это, онъ пустилъ стрѣлу; русскіе увидѣли, куда упала стрѣла и замѣтили мѣсто. Убили его русскіе, вынули изъ него внутренности, испекли на горячихъ угольяхъ сердце и печень; потомъ принесли нѣсколько вицъ жимолости—и начали его, Идну, проклинать, говоря: «когда изъ жимолости будутъ дѣлать чурки для пчелъ, тогда у вотяковъ пусть родятся богатыри». Въ заключеніе своихъ словъ съѣли сердце и печень богатыря, а его самого сожгли. Послѣ этого русскіе пошли искать его стрѣлу; нашли ее на горѣ и на мѣстѣ этой стрѣлы поставили столбъ и отправились во свояси.

Прошли вѣка—и столбъ на мѣстѣ стрѣлы все тутъ, но отъ времени ушелъ далеко въ землю.

Съ тѣхъ поръ у вотяковъ не стало богатырей.

Послѣ убійства Идны, мать его удалилась на островъ Зарійзъ-шоръ-мўчъ. Она носила одежду шелковую, имѣла много посуды золотой и все это взяла съ собой. Удаляясь на островъ, она причитывала слова, но какія были ея слова—припомнить разсказчики не могутъ. (Записано со словъ крестьянъ поч. Арланова, Шаркин. прихода, Павла Михайлова и Петра Иванова).

---

*) Столбъ, служащій памятникомъ. *Авт.*

Въ сказкахъ и легендахъ вотяки своимъ бывшимъ богатырямъ приписываютъ необыкновенную силу и храбрость: говорятъ, что лошадь подъ собой они останавливали на бѣгу, упираясь ногами въ землю; пущенная стрѣла попадала въ цѣль на разстояніи нѣсколькихъ верстъ; на медвѣдей они ходили одни. Впрочемъ, на медвѣдей охотились одни и обыкновенные звѣроловы, въ числѣ которыхъ около села Полома былъ замѣчателенъ Вавило: говорятъ, что на своемъ вѣку онъ убилъ 40 медвѣдей безъ особеннаго труда и опасности, только послѣдній, т. е. сороковой, едва не погубилъ его самого. По повѣрью, съ сороковымъ медвѣдемъ бороться весьма опасно: или человѣкъ съ трудомъ побѣдитъ его, или медвѣдь задеретъ человѣка.

Въ мирное время для развлеченія вотскіе богатыри ѣздили въ Усть-Лекму (по вотски Люкмы-вожъ), отстоящую отъ села Полома въ 113 верстахъ, а отъ Глазова—въ 43, стрѣлять клестовъ (кайсы ыбылыны).

Къ сказкамъ о богатыряхъ присоединились и баснословныя сказанія о кладахъ, находящихся около городищъ богатырей; впрочемъ, клады эти преданіе приписываетъ не богатырямъ, а разбойникамъ, свирѣпствовавшимъ въ вотскихъ краяхъ, и на столько вкоренилась вѣра въ существованіе ихъ, что, желающіе богатства пытались нѣсколько разъ вырыть ихъ, но это не удавалось. Особенно изобилуетъ кладами лѣсъ подъ названіемъ Коркаягъ (домовой боръ), находящійся въ 15 верстахъ отъ села Полома къ городу Глазову у самаго вятско—пермского тракта. Объ этихъ кладахъ мы будемъ говорить особо.

РАЗЛИЧНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРИМѢТЫ.

Выживаніе клоповъ. Объ этомъ обрядѣ выживанія домашнихъ паразитовъ авторъ передаетъ какъ очевидецъ. Въ послѣднихъ недѣляхъ великаго поста въ 1885 году у меня въ новой квартирѣ развелось множество клоповъ, противъ которыхъ никакихъ антипаразитовъ я не нашелъ. Клоповъ особенно много было въ кухнѣ около палатей и печи. Въ это время жила у меня старушка-вдова. Старушки, разумѣется, любя тепло, обрѣтаются больше около печей да полатей; такъ и моя старушка находилась больше около этихъ мѣстъ; но клопы, враги сна, по ночамъ заставляли ее переходить съ печи на палати, съ палатей на полъ и вообще не давали спать.

И вотъ вечеромъ въ Лазареву Субботу она вернулась отъ вечерни и передаетъ мнѣ радостную для нея новость.

— Клоповъ, говоритъ она, можетъ выжить церковный сторожъ Шаркинской церкви, вотякъ Емельянъ, который, между прочимъ, сказалъ, что у него тоже было множество клоповъ, но онъ, наученный знахаремъ, ихъ выжилъ мигомъ и теперь ни одного клопа въ домѣ его не найдешь. Только, говоритъ онъ, надо идти къ вамъ очень рано утромъ въ Великій Четвертокъ, поймать нѣсколько штукъ клоповъ, бросить ихъ въ рѣчку—и дѣлу конецъ: чрезъ нѣсколько времени клопы всѣ выйдутъ изъ избы.

— Ладно, сказала я, выживи—хозяинъ тебя угоститъ виномъ.

—Выжить клоповъ—мое дѣло, отвѣтилъ онъ и прибавилъ: приготовь только небольшой дѣтскій колоколецъ, бѣлую холщевую тряпку, бадожокъ—и жди меня утромъ рано.

Старушка на другой же день приготовила все нужное, поймала нѣсколько живыхъ клоповъ, спустила ихъ въ склянку и заткнула пробкой.

Пришла ночь на Великій Четвертокъ; небо одѣлось темнотою, какъ чернымъ покрываломъ. Я вышелъ на улицу и сталъ у воротъ; но вышелъ я не просто подышать свѣжимъ воздухомъ, а прямая цѣль моя была—послушать, какъ будутъ стрѣлять вотяки изъ ружей, чтобы навести страхъ на колдуновъ, шайтановъ и на всю нечистую силу, которая, по повѣрью вотяковъ, ходитъ въ эту ночь вездѣ около людей. Вездѣ царствовала мертвая тишина, какъ будто вся деревня была заколдована, заключенная въ крѣпкія узы сна. Огней въ избахъ не было нигдѣ. На небѣ горѣли миріады яркихъ звѣздъ, напоминающихъ собой люстру со множествомъ зажженныхъ въ церкви во время всенощной свѣчей. Воздухъ былъ такъ неподвиженъ, что во все время моего стоянія у воротъ ни однажды не обдалъ мое лицо холодкомъ вѣтерокъ. Вдругъ гдѣ-то въ деревнѣ раздался выстрѣлъ изъ ружья:.. за нимъ въ тоже мгновеніе повторился другой... третій—и опять все смолкло. Простоявши еще нѣсколько минутъ, я зашелъ въ избу. Чрезъ полчаса и у меня въ комнатахъ водворилась полнѣйшая тишина.

Утромъ рано, какъ только начало разсвѣтать, я проснулся, но проснулся не добровольно, какъ обыкновенно просыпается выспавшійся человѣкъ: меня разбудилъ скрипъ дверей, легкая

стукотня и т. п. звуки, доносившіеся изъ кухни... Я сталъ вслушиваться; но при всемъ напряженіи органовъ слуха, что за стукотня въ кухнѣ — я не могъ понять. Вдругъ моя комната освѣтилась и предо мной, въ сопровожденіи старушки, явился Емельянъ, обѣщавшійся выжить клоповъ, и начали они искать что-то около стѣнъ.

— Чего вы ищете? спросилъ я старушку, озадаченный страннымъ исканіемъ ихъ около щелей стѣны, а о клопахъ, признаться, я и забылъ.

— Ищемъ клоповъ, да не можемъ найдти, отвѣчила старушка, продолжая шарить въ щеляхъ и въ моху.

— Клоповъ не можете найдти?! повторилъ я слова старушки съ удивленіемъ, зная, что около печи и палатей клоповъ водится множество.

— Да, не можемъ, былъ опять отвѣтъ старушки.

— Теперь трудно ихъ поганыхъ найдти, проговорилъ Емельянъ и прибавилъ: они узнали, канальи, что я зашелъ выживать ихъ и скрылись.

— Можетъ ли быть, чтобы не нашлись клопы? сказалъ я знахарю Емельяну и соскочилъ съ постели, чтобы *набрать* сколько имъ угодно клоповъ, которые съ вечера около стѣнъ ползали какъ тараканы или, какъ называютъ ихъ вотяки, красныя пшеничин. Но представьте себѣ мое удивленіе, когда я подошелъ съ огнемъ къ щелямъ! Не только множества, но и одного клопа не нашелъ. Между тѣмъ знахарь Емельянъ все твердилъ: «ахъ, поздно! не будетъ толку... Свѣтно, не выжить теперь». Искали, шарили вездѣ — нашли двѣ штучки такихъ пузатенькихъ отъ старушечьей крови, какъ настоящія ягодки травы-костяники; вѣроятно они отъ своей полноты уже были не въ силахъ скрыться отъ Емельяна въ своихъ убѣжищахъ.

— Не достаетъ еще одного — сказалъ Емельянъ, продолжая шарить въ щеляхъ то лучинкой, то проволокой отъ своей трубки.

— Скрылись, гадины! издохнуть бы всѣмъ вамъ! — ворчала старушка.

Вотъ Емельянъ нашелъ еще одного, тощаго отъ долговременнаго голода клопа и говоритъ:

— Довольно! будетъ теперь,—и съ этими словами ушелъ къ столу, на которомъ лежали: тряпка, колоколецъ и бадожокъ, и сталъ завязывать клоповъ въ тряпку.

Всѣ поступки его при этомъ мнѣ показались до того странными и смѣшными, что я невольно разразился хохотомъ.

— Зачѣмъ смѣешься? Самъ говоришь: «ненадо клоповъ», а смѣешься,—замѣтилъ мнѣ знахарь, посмотрѣвши на меня не особенно дружелюбно.

Вотъ онъ тряпку съ тремя клопами привязалъ къ концу бадожка, а пониже тряпки привязалъ небольшой мѣдный колоколецъ.

— Говорить что будешь? спросилъ я знахаря.

— Буду не буду—знаю самъ, отвѣтилъ онъ неохотно, но съ важностію знахаря.

— Куда же ты ихъ унесешь? опять осмѣлился я спросить его.

— На рѣку; только будетъ ли толкъ? Ты смѣялся, да и на улицѣ уже свѣтло. Ну, попробуемъ.

Сказавши это, онъ сѣлъ верхомъ на бадожокъ, преобразивъ его въ коня, а себя въ всадника, и пошелъ изъ избы, распѣвая вотскую свадебную пѣсенку: дуй, дуй, дуй! и проч. Вотъ онъ вышелъ изъ воротъ и скрылся подъ горой, гдѣ протекаетъ небольшая рѣчка. Но что онъ дѣлалъ тамъ—осталось для меня неизвѣстнымъ. Пришла святая недѣля—клоповъ, напротивъ, стало у меня больше.

Однажды на Ѳоминой недѣлѣ знахарь этотъ зашелъ ко мнѣ, видимо за угощеніемъ за свои труды по выживанію клоповъ.

— Нѣтъ, Емельянъ, обратился я къ нему: сколько ты не пѣлъ «дуй! дуй!» клоповъ всетаки не выдулъ.

— Погоди ужо, не скоро, будетъ время — выйдутъ всѣ. Если не выйдутъ—значитъ силы не стало: ты смѣялся и на улицѣ было свѣтло; а надо такъ, чтобы лишніе и не смотрѣли, не только не смѣялись, и на улицѣ было бы только, какъ въ сумеркахъ.

— Вотъ доживу до слѣдующаго Великаго Четверга—и выживу всѣхъ, сказалъ мнѣ недавно знахарь Емельянъ, встрѣтившись со мной случайно.

— Ну, будемъ ждать! отвѣтилъ я ему.

Предразсудки о болѣзняхъ. Если кто захвораетъ въ семействѣ, тотъ во все время болѣзни, до выздоровленія, лежитъ въ одномъ

бѣльѣ, въ которомъ постигла его болѣзнь, отчего около больнаго заводится множество паразитовъ, которые, къ довершенію страданій больнаго, щекотятъ его безпрестанно, отнимая потребный для здоровья сонъ; волосъ больному не расчесываютъ, не водятъ его въ баню, золу изъ печи не выгребаютъ, пола не моютъ. Если этого не исполнять, то, говорятъ, больному будетъ еще хуже, или захвораетъ въ семействѣ кто нибудь другой. Автору этого описанія случилось однажды квартировать въ отдѣльной избѣ вотяка села Сосновки. Въ семействѣ хозяина квартиры захворала женщина и лежала уже третью недѣлю. Жена квартиранта, не зная о ихъ предразсудкахъ, во время отлучки хозяевъ изъ дому, выгребла изъ печи золу для щелока на стирку бѣлья. Хозяева узнали это, но сначала ничего не сказали; когда же захворалъ въ семействѣ мальчикъ, причину его болѣзни свалили на квартиранку: «эхъ ты, Ивановна ненадо бы трогать золу: вотъ ужь другой захворалъ!»

Примѣты. Если отправляешься въ дорогу и перейдетъ чрезъ нее женщина, воротись: счастья не будетъ. Если куда отправляешься и пойдетъ дождь—къ счастью. Курицы, бродящія по двору въ сумеркахъ и ночью, предвѣщаютъ несчастье. Если осенью на деревьяхъ останутся листья, будетъ годъ тяжелый. Небо, ясное въ ночь на Великій Четвертокъ, означаетъ годъ хорошій. Конецъ міру будетъ тогда, когда кончики ушей у зайца не будутъ черны. На то мѣсто, гдѣ прежде была дорога, строеніе не ставь: будетъ несчастье. Бревенъ, назначенныхъ для постройки мельницы, не употребляй въ постройку избы и надворныхъ строеній: будетъ несчастье. Въ новый домъ переходи ночью. Если больной смотритъ на пальцы, или лежитъ лицомъ къ стѣнѣ—умретъ. Если заблудишься въ лѣсу и увидишь корову, ступай за ней: она выведетъ, а за лошадью не ходи: не выведетъ. Курица поетъ пѣтухомъ — не къ добру. Кто внезапно гдѣ нибудь услышитъ свое имя, будто зовутъ его, тотъ до трехъ разъ не долженъ откликаться — иначе умретъ. Собака воетъ, будетъ покойникъ. Если садетъ воронъ на домъ — будетъ покойникъ. Если встрѣтятся на одномъ мѣстѣ въ передній и обратный путь двое, одинъ изъ нихъ умретъ. Въ избѣ не свисти: будетъ пуста. Если весной въ первый разъ услышишь натощакъ пѣніе кукушки—будешь цѣлый годъ бѣденъ хлѣбомъ.

Значеніе первой рюмки. Посѣщая дома вотяковъ Сосновскаго

края съ цѣлью ознакомленія съ ихъ бытомъ и обычаями, я не обращалъ вниманія на то, что, угощая гостя кумышкой, они первую рюмку всегда выпиваютъ сами. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, что первую рюмку выпиваетъ самъ хозяинъ—это ведется и у русскихъ какъ обычай, освященный временемъ,—а вотъ въ чемъ: если знакомая вамъ женщина-вотячка вынесла изъ своего потайнаго мѣста бутылку съ кумышкой для угощенія васъ, то, наливши кумышки въ рюмку, сначала поднесетъ, если нѣтъ мужа или кого нибудь взрослыхъ, ребенку мужескаго пола; если же и его нѣтъ—непремѣнно нѣсколько капель отопьетъ сама. Значеніе первой рюмки объяснили мнѣ такъ:

— Подать сначала чужому—значитъ отдать ему свое счастье, семейное согласіе.

— А развѣ въ кумышкѣ счастье? спросилъ я.

— Положимъ не въ кумышкѣ, да кумышка на время даетъ человѣку веселье, побѣждаетъ тоску и печаль; слѣдовательно, напитокъ этотъ служитъ человѣку какъ бы благодѣтелемъ, дающимъ веселье, а счастье заключается въ весельи. Подать такой напитокъ чужому, какъ говорятъ у насъ, значитъ отдать ему счастье.

Кумышка у вотяковъ находится въ распоряженіи женщинъ; поэтому, если дома только мущины, гость и не долженъ думать, что его угостятъ кумышкой; такъ равно не думай и о томъ, что кумышкой будетъ угощать самъ хозяинъ,—этого у нихъ нѣтъ; угощать будетъ васъ изъ своихъ рукъ непремѣнно жена хозяина или его дочь. Если вы желаете отъ хозяина заслужить хорошее мнѣніе о себѣ—положите на правый рукавъ угощающей кумышкой какую нибудь мѣдную монету, и это будетъ для нихъ благодарностью отъ гостя; а для бóльшаго эффекта вбейте въ столъ ихъ серебряную монету копѣекъ въ 10 и они, исполненные благодарности, запотчуютъ васъ чѣмъ могутъ, какъ самаго дорогаго гостя.

Разсказы.

Знакомство мельника съ Ву-Муртомъ. Зналъ я одного мельника лѣтъ около пятидесяти. Вотъ ужъ былъ человѣкъ дошлый такъ дошлый! Ужъ какіе кýдеси (фокусы) онъ не дѣлалъ! Сидитъ, бывало, въ гостяхъ да вдругъ захочетъ пошумѣть—показать свое

знаніе людямъ,—и пустить въ избу воду. Всякъ взбирается на лавки, на палати и смотритъ — ждетъ, что будетъ дальше. Конечно кудесникъ только обманываетъ глаза: чрезъ минуту, другую опять въ избѣ будетъ сухо. Это еще ничего; а вотъ что диво я вамъ скажу: захочетъ, бывало, онъ отдохнуть—и уйдетъ въ прудъ отдыхать. Однажды онъ былъ пьяненькій, веселенькій и говоритъ знакомцу своему съ улыбкой: «не хочешь ли идти со мной къ Ву-Мурту?»—«Ой, что ты говоришь! Къ Ву-Мурту? избави Богъ и видѣть его», отвѣчаетъ ему знакомый. «Ничего,—только ничего не говори, стой какъ будто тебя и нѣтъ». Знакомый не согласился. Въ другой разъ, когда они выпили довольно вина и въ головѣ у знакомаго зашумѣло, онъ согласился идти къ Ву-Мурту. Стали у берега пруда и мельникъ говоритъ своему знакомому: «если ты увидишь большихъ и страшныхъ рыбъ, пальцемъ на нихъ не указывай: будетъ плохо».—«Ладно, говоритъ знакомый, что велишь, то и буду дѣлать». Зашли въ прудъ и около нихъ не стало воды, какъ будто идутъ они въ пузырѣ. Сквозь пузырь видно, какъ плаваютъ около нихъ большія рыбины съ открытыми ртами. Вотъ зашли въ избу Ву-Мурта и тамъ дочери его мажутъ себѣ глаза какою-то мазью изъ бутылки; вымазали и ушли куда-то, а бутылку забыли взять. Мельникъ съ Ву-Муртомъ ушли въ другую комнату, а онъ, знакомый мельника, взялъ изъ бутылки мази да и вымазалъ ею одинъ глазъ. Мельникъ съ Ву-Муртомъ вышли. Мельникъ говоритъ своему знакомому: «закрой, братъ, глаза»! Онъ закрылъ... Потомъ чрезъ нѣсколько минутъ опять велѣлъ открыть. Открылъ и чтоже? они стоятъ на берегу прудка.

Чрезъ нѣсколько времени знакомому мельника случилось ѣхать на Нижегородскую ярмарку за товаромъ. Идетъ онъ по базару и вдругъ встрѣчается съ Ву-Муртомъ, у котораго былъ онъ съ мельникомъ.—А, знакомый, здравствуй! сказалъ знакомый мельника, увидѣвъ Ву-Мурта.—Какъ ты меня узналъ?—спрашиваетъ его Ву-Муртъ.—Узналъ вотъ этотъ глазъ — говоритъ онъ Ву-Мурту, указывая на тотъ глазъ, который помазалъ мазью. Ву-Муртъ, ничего не говоря, подошелъ къ нему, вырвалъ тотъ глазъ и скрылся. Такъ и окривѣлъ знакомый мельника; а все проклятый мельникъ виноватъ. (Разсказъ этотъ услышанъ отъ работника Петра въ Большенургинскомъ приходѣ).

По повѣрью жителей, безъ Ву-Мурта не проходитъ ни одна порядочная ярмарка. Ву-Мурта узнаютъ по мокротѣ лѣваго бока. Онъ празднуетъ свадьбу шумно, такъ что, по разсказамъ Алексѣя Павлова, крестьянина Сосновскаго прихода, прорываетъ водой самыя крѣпкія плотины, чтобы перебраться къ низу мельницы.

Разсказы о кладахъ. *При деревнѣ Нижнихъ Коварахъ* есть прозрачный ключъ, «а въэтомъ ключѣ есть проклятый кладъ», говорятъ вотяки; кладъ этотъ нѣкоторымъ дается и безъ исполненія завѣта, да расходовать его нельзя: человѣка вертитъ какъ колесо, крутитъ какъ нитку.

Одинъ вотякъ лѣтомъ искалъ лошадей и долженъ былъ проходить мимо этого ключика. День былъ жаркій, и вотякъ, томимый жаждою, подошелъ къ ключу напиться. Пьетъ онъ воду и видитъ на днѣ ключа что-то блестящее. Взялъ палку и тычетъ ею въ блестящій предметъ; предметъ оказался серебряной монетой. Поковырялъ палкой на днѣ и тамъ оказалось множество серебряныхъ монетъ. Поднялъ рукавъ платья и собираетъ денежки... денегъ цѣлый мѣдянникъ. Взялъ онъ мѣдянникъ и унесъ домой; спряталъ деньги и женѣ не сказалъ, а они съ женой жили не очень дружно. Вдругъ черезъ трое сутки вотякъ захворалъ и такъ сильно, что на выздоровленіе не было и надежды. Передъ смертью сталъ ему грезиться кладъ и онъ, позвавши жену, велитъ ей унести мѣдянникъ съ деньгами обратно въ ключъ; а жена рада деньгамъ—мужа не любила.—«Пропадай ты, не больно тебя и нужно», думаетъ въ себѣ его жена и ждетъ смерти мужа. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого вотякъ умеръ. Похоронила жена мужа и захворала сама. Болѣзнь достигла такой степени, что выздоровленіе казалось невозможнымъ. Вспомнила больная о кладѣ и велитъ сыну отнести его на ключъ. Сынъ послушался матери—и мать поправилась здоровьемъ.

Взялъ ли кто этотъ кладъ и расходуетъ ли на свои нужды — никто ничего не знаетъ. Нѣкоторые толкуютъ, что онъ опять спрятался до своего времени, такъ какъ иные клады показываются по срокамъ. Если бы, говорятъ одни, исполнить завѣтъ, съ которымъ положены деньги, то кладомъ можно бы пользоваться, но завѣтъ неизвѣстенъ. Другіе заключаютъ, что деньги эти проклятые; не только пользоваться ими, но и держать ихъ въ домѣ нельзя: кладъ накличетъ на живущихъ въ домѣ всякое несчастье. (Василій Петровъ Фроловъ).

*

На Кыквинскомъ полѣ. Этотъ кладъ уже найденъ. Любопытенъ разсказъ о нахожденіи его. Старики передавали, что подъ межой на Кыквинскомъ полѣ есть кладъ и что онъ по временамъ кажется горящей свѣчкой. Одинъ мѣстный вотякъ во что бы то ни стало рѣшился достать его; и сталъ онъ по ночамъ ходить на межу—караулить кладъ. Пришла овсяная страда, какъ называютъ въ деревняхъ то время, въ которое уже жнутъ овесъ. Ушелъ онъ однажды, ночью, на межу и сидитъ—ждетъ, не покажется ли кладъ. Вдругъ показался огненный шаръ изъ синяго огня и покатился къ вотяку... Не докатившись до него, поднялся кверху и опять упалъ, а тутъ сдѣлался мѣшечкомъ съ серебромъ. Взялъ вотякъ мѣшечекъ и ушелъ. (Василій Фроловъ).

Въ деревнѣ Кыквѣ. Говорило преданіе, что у воротъ двора одного Кыквинскаго вотяка хранится котелокъ съ деньгами. Завѣтомъ, будто бы, требуется одна человѣческая голова, т. е. для того, чтобы взять кладъ, надо убить одного человѣка. Одинъ сосѣдъ того вотяка, у воротъ котораго находился кладъ, ночью рѣшился копать кладъ. Это было лѣтомъ; ночью тогда было не очень темно. Копалъ, копалъ вотякъ (звали его Иваномъ)—и выкопалъ котелокъ съ серебряными монетами. Смотритъ въ котелокъ и видитъ серебро; а возьметъ въ руки—гальки. «Что за диво!» думаетъ вотякъ: «въ землѣ онѣ деньги, а на рукахъ—гальки». Однако наклалъ онъ галекъ въ полу платья и хотѣлъ было уйти. Вдругъ кто-то съ крыши кричитъ ему: «что ты дѣлаешь?» Иванъ испугался и, высыпавши гальки обратно въ яму, поспѣшно зарылъ и ушелъ домой. Легъ спать онъ и думаетъ о кладѣ. Явился къ нему сѣдой старикъ и говоритъ: «зачѣмъ, Иванъ, ходилъ безъ подарка (просилъ, видно, онъ человѣка); смотри, въ другой разъ такъ не дѣлай». И старикъ исчезъ какъ дымъ. Ивана стала трясти лихорадка и онъ пролежалъ въ ней двѣ недѣли. (Василій Петровъ Фроловъ, села Шаркана).

Въ поч. Локошурѣ. При починкѣ Локошурѣ есть возвышенное мѣсто, называемое мѣстными жителями горой. Тамъ, по преданію, въ старину виднѣлись двери, ведущія въ пещеру, а нынѣ уже онѣ отъ времени ушли въ землю и заросли травой. На этой горѣ, по временамъ, являлось привидѣніе въ видѣ вооруженнаго разбойника. Однажды нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей обратились къ

искусному ворожцу погадать на чемъ нибудь о кладѣ, и ворожецъ, погадавши, сказалъ, что кладъ дѣйствительно есть въ горѣ, что онъ скрытъ людьми Пугачева. Взяли самого ворожца и пошли копать. Копали, копали — докопались до бревенчатаго потолка на глубинѣ одной сажени. Разобрали потолокъ и тамъ—пещера, а въ ней лежитъ бочка; на бочкѣ же, навалившись спиной, стоитъ полулежа мертвый разбойникъ. Ворожецъ погадалъ и говоритъ: «кто бочку скатитъ съ мѣста и мертвеца не уронитъ, того и сокровище, находящееся въ бочкѣ; если же разбойникъ упадетъ, то тотъ, кто скатитъ бочку — умретъ. Это и есть завѣтъ, съ которымъ скрытъ кладъ». Скатить бочку никто не согласился, такъ какъ, не трогая мертвеца, скатить ее было нельзя, потому что мертвецъ держался только на бочкѣ; слѣдовательно, чтобы упасть мертвецу, стоило только шевельнуть бочку. Заклали пещеру обратно и зарыли по прежнему. Толкуютъ теперь, что кладъ черезъ нѣсколько времени выйдетъ самъ. (Василій Петровъ Фроловъ).

Около Тылован и Русскихъ Алчей. Около этихъ селеній у болота есть мельница. Тамъ, во время оно, когда были большіе лѣса, существовалъ притонъ разбойниковъ. Разбойники были такіе знатоки, что придутъ въ клѣть — никто ихъ не слышитъ. Жили они, грабили людей и награбленныя деньги зарыли въ землю у нынѣшней мельницы. Нѣкоторые обращались къ ворожцу и ворожецъ сказалъ, что завѣтомъ требуется своя голова, т. е. чтобы получить кладъ, надо положить свою голову. О количествѣ денегъ говорятъ, что ими можно уплатить подати столько, сколько потребно съ одной волости за три половины, т. е. за полтора года. (Поч. Тубаншура, Петръ Барановъ).

Въ лѣсу между поч. Сюрзей и Сыльшуромъ, въ трехъ верстахъ отъ дороги, идущей въ село Зюзино. Деньги зарыты разбойниками и ворами давнымъ давно, когда не было еще около этого мѣста людскихъ жилищъ. Разбойники не отличались жестокостью, а только посредствомъ колдовства усыпляли людей. Денегъ достаточно уплатить одной волости въ подати за два года. (Петръ Барановъ).

Въ четырехъ верстахъ отъ деревни Кыквы, Шарканской волости, между дорогами въ село Дебесы и Зюзино, въ лѣсу Шарканской казенной дачи есть три ямы, вырытыя, вѣроятно, разбойниками для храненія своихъ денегъ; тутъ было у нихъ убѣжище. Они награ-

били денегъ столько, что достаточно ихъ вносить въ подати и повинности за весь Сарапульскій уѣздъ пять лѣтъ. Награбивши такую сумму денегъ, зарыли ихъ и положили завѣтъ, что деньги возьметъ только тотъ, кто положитъ туда 100 головъ человѣческихъ. Вѣря такому преданію, два русскихъ мужика починка Тубоншура, Акимъ и Ѳедоръ, лѣтомъ 1885 года, ходили туда съ заступами копать кладъ и результатъ, со словъ ихъ самихъ, получился такой: пришли они на мѣсто и одинъ спустился въ яму съ желѣзнымъ щупомъ *), а другой остался на берегу. Щупалъ одинъ и въ одномъ мѣстѣ, на глубинѣ около одного аршина, выщупалъ что-то подозрительное; тычетъ онъ щупомъ... предметъ, находящійся въ землѣ, издаетъ звуки похожіе на звуки отъ сундука... Онъ заключилъ, что это сундукъ съ деньгами разбойниковъ. «Вотъ счастье!» думаетъ онъ: «деньги достаются безъ человѣческихъ головъ». Въ невыразимомъ восторгѣ онъ зоветъ товарища: «айда, братъ Акимъ, копать: здѣсь деньги; соскакивай скорѣе въ яму— надо вынимать пока свѣтло». Какъ сказалъ онъ это—сундука подъ щупомъ не стало: его мѣсто заняла обыкновенная земля. Радость смѣнилась огорченіемъ и они ушли домой. За это они получили прозвище кладоискателей. (Петръ Барановъ).

Въ Тубоншуръ (Зюзинской волости, Шарканскаго прихода) во дворѣ крестьянина Филиппа. Когда пріѣхалъ Филиппъ жить въ починокъ Тубоншуръ и поселился на занимаемомъ имъ мѣстѣ, дошла до ушей его молва, что во дворѣ его есть кладъ. Чтобы вѣрнѣе удостовѣриться, онъ обратился къ ворожцу (онъ и ворожецъ— русскіе), чтобы послѣдній поворожилъ, дѣйствительно ли тутъ кладъ. Ворожецъ, подтвердивши слова молвы, указалъ мѣсто нахожденія клада. Однажды двое изъ деревенскихъ мужиковъ съ участіемъ Филиппа копали кладъ и выкопали коровій рогъ, а въ этомъ рогѣ двѣ золотыхъ монеты. Кто вырылъ рогъ, передалъ его товарищу и сказалъ: «вынимай золотушки!» Принимая рогъ, товарищъ сказалъ слово—и въ землѣ показался сундучекъ. Вырывшій рогъ началъ поднимать сундучекъ. Поднимаетъ сундучекъ кверху — не

*) Щупъ—желѣзная трость толщиною съ дѣтскій палецъ. Названіе свое такая трость получила отъ того, что корчемники съ помощью ихъ прежде искали въ подпольяхъ и въ снѣгу у вотяковъ кумышку.

идетъ... Соскочилъ съ бережка другой, сундучекъ зашумѣлъ и не стало его видно. (Петръ Барановъ).

Въ селѣ Большепургинскомъ на лужкѣ русскаго новожила Алексѣя Шулепова указываютъ на толстую сосну, говоря, что подъ ней хранится много денегъ, но о завѣтѣ никто не говоритъ. Если опредѣлить этой соснѣ лѣта по слоямъ, то ей, по крайней мѣрѣ, не менѣе 300 лѣтъ. (Иванъ Головковъ, села Большепургинскаго).

Выше въ отдѣлѣ «Исторіи Вотяковъ и Князьковъ ихъ мы упомянули о кладахъ въ *„Корка-ягѣ"* за селомъ Поломомъ. Теперь, кстати, скажемъ о главнѣйшихъ изъ нихъ. По сказкамъ, въ этомъ лѣсу скрыто несмѣтное число золота и серебра въ бочкахъ, боченкахъ и сундукахъ.

Съ лѣвой стороны Корка-яга пролегаетъ дорожка къ круглому озеру въ двухъ верстахъ отъ тракта. Въ этомъ озерѣ, по сказу крестьянина села Полома Николая Орлова, находятся на желѣзной цѣпи двѣ сорокаведерныхъ бочки: одна — съ золотомъ, другая — съ серебромъ. Бочки, по дѣйствію нечистой силы, по временамъ всплываютъ вверхъ, что видали, будто бы, нѣкоторые изъ случившихся въ это время у озера. Завѣтъ при этомъ кладѣ таковъ: кто принесетъ къ озеру сто головъ человѣческихъ, тотъ и возьметъ деньги. Второй кладъ у этого же озера въ угорѣ (холмикѣ). Объ этомъ Николай Орловъ передалъ намъ такъ: «случалось», говорилъ Орловъ, «покойному отцу моему проходить мимо означеннаго мѣста. Идетъ онъ и вдругъ видитъ у ногъ большой мельничный жерновъ; подошелъ къ нему; осматриваетъ и говоритъ: «хорошо бы этотъ жерновъ унести домой». Сѣлъ на жерновъ отдохнуть; отдохнулъ и пошелъ обратно. Обернулся назадъ — жернова уже нѣтъ. Тогда только и узналъ онъ (отецъ Орлова), что это былъ кладъ. Тутъ, сказываютъ, цѣлый сундукъ денегъ—заключилъ Орловъ.

Одинъ искатель кладовъ вырылъ въ Корка-ягѣ, по сказу жителей окрестныхъ селеній, цѣлый сундучекъ съ деньгами, но поднять его не могъ. Что дѣлать? Задумался кладоискатель: если пригласить кого—надо идти въ деревню, а пока ходишь—найдетъ другой и увезетъ; да съ приглашеннымъ надо будетъ еще подѣлиться. Такъ разсуждалъ самъ съ собой кладоискатель у сундука, не зная, что дѣлать съ вырытымъ имъ кладомъ. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ—и явился къ нему лѣшій въ образѣ солдата.

— Что тутъ дѣлаешь?.. Сказалъ лѣшій кладоискателю и далъ ему въ шею тычекъ, и послѣ того не стало видно ни лѣшаго, ни сундучка.

Кладоискатель, вернувшись домой, обратился за совѣтомъ къ ворожцу. Ворожецъ налилъ въ чашку воды, спустилъ туда семигривенный и еще, кажется, уголь и сталъ ворожить. Смотрѣлъ, мотрѣлъ онъ въ чашку съ водой и сказалъ: «деньги будутъ твои; только надо идти туда съ водкой для угощенія лѣшаго, во власти котораго находится кладъ, но надо взять водки не менѣе полведра—лѣшій мало не пьетъ,—а не то онъ разсердится и пошутитъ надъ тобой. Мужикъ на другой же день, по совѣту ворожца, взялъ въ ведерной флягѣ съ горлышкомъ водки, запрегъ свою клячу въ телѣгу и уѣхалъ. Пріѣхалъ онъ къ знакомому мѣсту и, оставивъ клячу на небольшой полянѣ въ сторонѣ отъ клада, пошелъ на мѣсто клада съ флягой. Стоитъ, ждетъ подъ елкой, какъ у моря погоды. Вдругъ въ сильномъ вихрѣ является къ нему лѣшій въ образѣ того же солдата и говоритъ:

— Что тебѣ надо?

— Я пришелъ угостить тебя водочкой—отвѣчаетъ мужикъ.

— За что хочешь угостить?

— Я—человѣкъ бѣдный, нуждаюсь въ деньгахъ. Не дашь ли мнѣ денегъ?

— Бери! былъ отвѣтъ лѣшаго.

У ногъ мужика очутился сундучекъ, окованный желѣзомъ.

— Ну, поднимай, говоритъ лѣшій.

Мужикъ взялся за сундучекъ и поднимаетъ его—сила не беретъ: сундучекъ тяжелъ, какъ свинецъ. Лѣшій смотритъ на него и презрительно улыбается.

— Ишь какъ падокъ на даровыя деньги! бормочетъ себѣ подъ носъ лѣшій.

Мужикъ смекнулъ, что онъ дѣлаетъ не ладно: не угощаетъ лѣшаго водкой. Отомкнулъ онъ горлышко и угощаетъ лѣшаго. Лѣшій тянулъ, тянулъ—чуть не вытянулъ всю водку. Зашумѣло у него въ головѣ и сталъ онъ шутить надъ мужикомъ.

— Ну, гдѣ твоя телѣга? спрашиваетъ лѣшій.

— Вотъ тутъ, на полянѣ, отвѣтилъ мужикъ, указывая пальцемъ на поляну, гдѣ стояла его лошадь.

— Идти или нѣтъ? Не скроется ли кладъ? думаетъ мужикъ.

Лѣшій узналъ думы мужика и говоритъ ему:

— Ступай скорѣе, веди клячу, а не то чрезъ пять минутъ ты простишься съ кладомъ.

Мужикъ побѣжалъ за клячей. Лѣшій безъ него вытянулъ изъ фляги всю водку.

Подъѣхалъ мужикъ ко кладу.

— Хо! хо! хо! захохоталъ вдругъ лѣшій надъ мужикомъ и вдобавокъ свистнулъ такъ сильно, что листья посыпались съ деревъ. Хохотъ же его пронесся по лѣсамъ продолжительнымъ эхомъ; у мужика со страху подсѣклись и колѣни. Лѣшему стало жаль мужика.

— Не трусь, дядя! говоритъ онъ мужику, клади скорѣе сундучекъ въ телѣгу и поѣзжай.

Мужичекъ пыхтѣлъ, кряхтѣлъ надъ сундучкомъ, но не можетъ поднять.

Видитъ лѣшій, что сила у мужика какъ у комара и говоритъ ему: «Эхъ ты тютя! тютя! ты видно мякину ѣшь!» И съ этими словами онъ подошелъ къ сундучку... взялъ его за уголъ одной рукой и поднялъ какъ легкое перышко; положилъ въ телѣгу и говоритъ:

— Ну, ступай да не трусь! Если поднимется буря — залѣзь подъ телѣгу и сиди тамъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ буря.

Сѣлъ мужикъ на козлы и поѣхалъ, не оглядываясь назадъ. Вдругъ поднялась такая сильная буря, какой онъ не видывалъ съ роду, и ужасъ объялъ его. Все трещитъ, ломается какъ сухая лучинка, деревья гнутся, листья сыплются... шумъ увеличивается болѣе и болѣе. Жутко! Мужикъ слѣзъ съ козелъ, закрутилъ клячу и залѣзъ подъ телѣгу. Шумъ не перестаетъ. Мужикъ ни живъ, ни мертвъ; волосы поднялись на головѣ какъ щетинки. Перекрестившись, сталъ онъ поминать всѣхъ святыхъ, про которыхъ слыхалъ отъ людей. Вдругъ вѣтеръ утихъ, водворилась тишина. Но гдѣ же сундучекъ? Увы, онъ исчезъ какъ дымъ! Тутъ только и вспомнилъ мужикъ слова лѣшаго, который не велѣлъ ему трусить. Запечалился мужикъ.

— Вотъ тебѣ кладъ! сказалъ мужикъ, почесывая затылокъ. Тютя, такъ тютя и есть я! зачѣмъ надо было мнѣ трусить, когда

самъ лѣшій не велѣлъ бояться? Можетъ быть еще ничего, но я перекрестился, а нечисть креста не любитъ; лѣшій тоже нечисть, хотя и лопаетъ водку. Издержалъ только послѣднія деньги! Хорошо если бы пилъ самъ, а то не пропустилъ ни глотка... все вылопалъ лѣшій.

Такихъ разсказовъ о продѣлкахъ лѣшаго въ Корка-ягѣ не переслушаешь, и все это, говорятъ, взято изъ приключеній кладоискателей. Для вырытія кладовъ въ Коркъ-ягъ въ старину пріѣзжали русскіе изъ Пермской губерніи, но добывали ли кладъ—неизвѣстно, а вѣрно, что клады дѣйствительно искали, о чемъ свидѣтельствуютъ и ямы, вырытыя кладоискателями. Какимъ образомъ сложились въ устахъ народа такія преданія—объяснить трудно. Нѣкоторые изъ старожиловъ окрестныхъ селеній говорятъ, что въ Корка-ягѣ были жилища, отчего вѣроятно и получилъ лѣсъ названіе домоваго бора, но въ настоящее время никакихъ признаковъ жилья тамъ нѣтъ: все сравнялось съ поверхностью земли и вдобавокъ заросло лѣсомъ.

Корка-ягъ пользуется славой не только, благодаря лежащимъ въ его нѣдрѣ кладамъ, а еще—какъ главное мѣстопребыванія лѣшаго. По сказкамъ жителей, лѣшій тамъ дѣлаетъ свадьбы, продѣлываетъ разныя шутки надъ людьми, и эти шутки, по повѣрью, всегда служатъ предзнаменованіемъ какого нибудь несчастья. Одинъ изъ Поломцевъ разсказывалъ намъ, что однажды ѣхалъ его дѣдъ изъ Баней (станція въ 20 верст. отъ Полома); доѣхавши до половины, захотѣлъ покурить. Между тѣмъ, какъ лошадь его шла шажкомъ, онъ набилъ трубку тютюномъ и началъ закуривать. Вдругъ лошадь остановилась и не пошла далѣе; онъ ударилъ витнемъ—лошадь не идетъ. Посмотрѣлъ на лѣво и—о, ужасъ!—по лѣвую сторону его, рядомъ съ нимъ, тащится огромной величины гробъ съ мертвецомъ. Мужикъ не упалъ духомъ, стегнулъ коня крестообразно и поѣхалъ. Посмотрѣлъ чрезъ минуту въ лѣвую сторону—и гроба уже нѣтъ. Вдругъ сердце его заныло отъ предчувствія недобраго. Пріѣхалъ онъ домой и встрѣтила его у воротъ любимая дочь. Предчувствіе не обмануло его: чрезъ нѣсколько дней дочь его, захворавши, умерла. Словомъ, Корка-ягъ служилъ еще предвѣстникомъ несчастья.

Такія повѣрья и разсказы невольно наводятъ на вопросъ:

не служилъ ли Корка-ягъ, во время оно, притономъ для разбойниковъ, наводившихъ ужасъ на окрестныхъ жителей? Вопросъ этотъ отчасти разрѣшаютъ самыя преданія, а отчасти и археологическія находки, находимыя въ окрестностяхъ этого мѣста. Находки эти заключаются въ различныхъ металлическихъ вещахъ, между которыми особенно заслуживаетъ вниманія найденный въ деревнѣ Сѣдъ-Ярѣ въ 1884 г. серебряный кувшинъ съ какою-то надписью, по поводу котораго были различные толки: одни говорили, что около Корка-яга жили татары, а другіе высказывали мнѣніе, что въ Корка-ягѣ жили разбойники изъ бѣглыхъ новгородцевъ въ эпоху пришествія новгородцевъ въ Хлыновскую область. Если толки эти заслуживаютъ вниманія и если есть вѣроятіе полагать, что здѣсь жили разбойники, то несомнѣнно, что всѣ сказанія о кладахъ сложились подъ вліяніемъ страшныхъ разсказовъ о свирѣпствахъ разбойниковъ.

Не менѣе интересно преданіе о кладѣ въ озерѣ *Котыресъ-ты* (круглое озеро), въ 8 верстахъ отъ села Полома. Озеро это лежитъ въ четырехъ верстахъ отъ старицы (древнее русло рѣки Чепцы). Въ немъ, по сказкамъ жителей села Полома, находится бочка съ золотомъ и серебромъ. Завѣтъ, съ которымъ положены деньги, таковъ: желающій получить кладъ долженъ на берегу этого озера зарѣзать человѣка. Вѣря такому преданію, одинъ вотякъ изъ деревни П.... Д.... заманивалъ туда своего родного сына съ цѣлью зарѣзать, но сынъ догадался, въ чемъ дѣло, и убѣжалъ.

Въ трехъ верстахъ отъ села Полома, по Зуринской дорогѣ, указываютъ Поломцы на пень у межеваго столба, подъ которымъ будто бы лежитъ серебро, но завѣтъ неизвѣстенъ; а только говорятъ, что кладъ кажется по временамъ солдатомъ на сивомъ конѣ.

Говоря о кладахъ, мы должны замѣтить, что каждый кладъ, положенный съ завѣтомъ, по повѣрью, даромъ не дается: надо знать и исполнить завѣтъ, а исполнить его или весьма трудно, или вовсе невозможно. Тѣ, которымъ доставался кладъ, кажущійся огнемъ, умирали и въ родѣ ихъ не оставался никто. Впрочемъ, и другіе клады инымъ приносятъ несчастье: или скотина хвораетъ, или людямъ нездоровится. По повѣрью вотяковъ, съ каждымъ человѣкомъ кладъ въ жизни встрѣчается три раза, но дается только счастливому. Пройдите по мѣ-

стамъ, населеннымъ вотяками, и вы услышите десятки преданій о кладахъ. И не даромъ сложились у инородцевъ такія преданія: изъ земли въ прежнія времена часто вырывали при воздѣлываніи земли и рытьи ямъ клады, заключающіеся въ звонкихъ монетахъ; вырываютъ ихъ и теперь, но объ этомъ, къ сожалѣнію, нашедшіе до свѣдѣнія начальства не доводятъ. Такъ, напримѣръ, въ 70 годахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Зуры къ селу Большепургинскому, одинъ русскій мужикъ, заслышавъ о кладѣ подъ огромной дѣлой сосной у дороги, подложилъ подъ сосну огня — и сосна, подгорѣвши, свалилась; въ золѣ, какъ говорятъ, мужикъ этотъ нашелъ слитокъ серебра и мѣди, но о серебрѣ умолчалъ, о мѣди же объявилъ. Въ 1884 году одинъ Вотякъ Сосновской волости нашелъ около 800 штукъ серебряныхъ монетъ, а другой — мѣди болѣе пуда, но монеты, по отзыву старшины, не принадлежатъ чеканкѣ древнихъ временъ, если не считать древними временами эпоху царствованія Императрицы Екатерины, изображенія которой носятъ на себѣ найденныя монеты. Въ Тыловайской волости въ деревнѣ Бугдановѣ, по отзыву Зюзинскаго учителя Михаила Овчинникова, находятъ въ крутомъ берегу серебряныя монеты древнѣйшихъ временъ, одинъ экземпляръ каковой, какъ отозвался намъ Овчинниковъ, имѣетъ и онъ. А сколько такихъ находокъ, которыя извѣстны только нашедшимъ! Если бы каждый нашедшій представлялъ въ Археологическое Общество хотя одну штуку найденной монеты, заслуживающей сбереженія въ археологическомъ отношеніи, то составилась бы богатая коллекція для изученія края въ историко-этнографическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи важны были бы тѣ находки, которыя обрѣтаются около городищъ вотскихъ богатырей, гдѣ прежде сосредоточивались главныя силы Вотяковъ и имѣли резиденціи ихъ князьки. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что въ 1860 годахъ, въ 12 верстахъ отъ г. Глазова, одинъ вотякъ нашелъ цѣлый кувшинъ серебряныхъ монетъ древнихъ временъ, и часть таковыхъ стараніями исправника и его помощника сбережена и представлена въ Археологическое Общество, за что исправникъ съ помощникомъ получили въ даръ по драгоцѣнному перстню. Всѣ такіе клады, которые находятся при воздѣлываніи земель — *незавѣтные*, какъ отзываются и сами вотяки. Они были положены богатыми людьми для сбереженія на

случай опасности отъ разбойниковъ, которые по временамъ появлялись около нихъ и требовали денегъ подъ страхомъ пытокъ. Вотъ это-то и заставило ихъ зарывать деньги въ землю подъ сосны и ели около своихъ жилищъ и, такимъ образомъ, хранить свою казну отъ злодѣевъ. Естественно, что зарытыя деньги богатыхъ и бездѣтныхъ вотяковъ оставались въ землѣ на вѣки вѣчные, такъ какъ, не имѣя наслѣдниковъ, богачи не знали, какъ поступить со своимъ сокровищемъ, а раздачу по бѣднымъ благодѣяніемъ не считали. Большая часть такихъ богачей была такого мнѣнія, что лучше-де деньгамъ покоиться въ землѣ, чѣмъ роздать по рукамъ или издержать на свои прихоти; вѣдь мы де сами тоже будемъ лежать въ землѣ. Иные передъ смертію, можетъ быть, и передавали бы знакомымъ, если не было родственниковъ, да постигла вдругъ внезапная смерть — и деньги остались въ землѣ навсегда. Впослѣдствіи кто при воздѣлываніи земель и при рытьи ямъ для столбовъ и проч. находилъ такія деньги—называлъ ихъ *незавѣтнымъ* кладомъ, назначеннымъ ему слѣпымъ счастіемъ.

Незавѣтные клады обыкновенно не заключаютъ въ себѣ большой суммы, какую заключаютъ завѣтные, т. е. положенные съ какимъ нибудь условіемъ, безъ выполненія котораго никто не можетъ получить клада.

Въ окрестностяхъ поч. Титова, Шарканскаго прихода, по повѣрью жителей, скрыты клады въ различныхъ мѣстностяхъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Выше старыхъ воротъ (вужъ дзезьы̆), саженяхъ въ 50 отъ мельницы и въ верстахъ полуторыхъ отъ деревни, есть небольшой перелѣсокъ; въ этомъ перелѣскѣ по вечерамъ кладъ кажется огнемъ. (Иванъ Семеновъ). Второй кладъ въ 2 верстахъ отъ деревни и саженяхъ въ 10 отъ дороги у горы подъ названіемъ Мукабанъ; о количествѣ денегъ преданіе умалчиваетъ. Говорятъ, что кладъ по временамъ кажется то человѣкомъ - старикомъ, то бараномъ и проч. (Петръ Николаевъ). Третій кладъ—въ полуторыхъ верстахъ отъ деревни и саженяхъ въ 50 отъ дороги между перелѣсками есть логъ подъ названіемъ Каро-нюкъ. Въ этомъ логу скрыты деньги, но о количествѣ ихъ, такъ равно и о завѣтѣ преданіе не говоритъ. Около клада по временамъ бываютъ видѣнія; такъ, напримѣръ, съ дѣвушками поч. Порозова было такое приключеніе: шли онѣ лѣтомъ въ деревню чрезъ Титово и сбились съ дороги;

идутъ онѣ какъ будто по неизвѣстнымъ совершенно мѣстамъ и зашли въ логъ. Вдругъ на встрѣчу имъ вышелъ сѣдой старикъ и закричалъ страшнѣйшимъ голосомъ; онѣ бросились бѣжать чрезъ перелѣсокъ и на пути шоръ-дэремы ихъ (верхнія платья) задѣваютъ за сучья и рвутся; а старикъ все кричитъ. Пришли онѣ къ горѣ Мукабану, гдѣ находится кладъ, и на встрѣчу имъ бѣжитъ жеребенокъ; жеребенокъ этотъ закричалъ по человѣчьи; онѣ испугались и опять пустились бѣжать. Когда жеребенокъ скрылся, взошли на гору и оттуда увидѣли Титово. Пошли они въ Титово, а оттуда въ Бакино; здѣсь посмотрѣли на свадьбу и пошли домой. Опять онѣ заблудились и пришли къ горѣ Мукабану. Сошли въ логъ, чрезъ который пролегала дорога и на встрѣчу опять жеребенокъ; жеребенокъ кричитъ какъ человѣкъ; онѣ бѣжать.... жеребенокъ все кричитъ. Дѣвушки запнулись и упали одна на другую чуть не въ одну груду. Встали и пошли въ каро-нюкъ и тамъ опять встрѣчаетъ ихъ сѣдой старикъ и по прежнему кричитъ на нихъ. Пришли къ прудку и умылись. Опять пошли и встрѣтили мужика, ищущаго коней; мужикъ ихъ вывелъ на дорогу и онѣ пошли домой. (Петръ Николаевъ).

Въ дер. Шегъянъ, Шарканскаго прихода, среди поля стоитъ видная со всѣхъ сторонъ гора; въ этой горѣ, по преданію, находится сундукъ съ деньгами. Кладъ кажется огнемъ, а около огня по временамъ являются привидѣнія—четвероногія животныя и звѣри: лошади, свиньи, волки и проч. По разсказу крестьянина поч. Сушкова, Гаврила Елисѣева, одна женщина ушла искать и ей подъ ногами представлялся огонь, но никакого клада не нашла.

Въ ночь на Великій Четвертокъ, по сказу вышеупомянутаго же Елисѣева, ушли къ этой горѣ слушать нѣсколько мужиковъ и тамъ выслушали крики и голоса пашущихъ мужиковъ.

Говоря о горахъ, мы должны замѣтить, что въ сущности это вовсе не горы, а просто возвышенія и холмы, расходящіеся въ разныя стороны отъ одной цѣпи, пролегающей съ юго-запада на сѣверо-востокъ къ уральскимъ горамъ. Въ однихъ изъ этихъ возвышенностей, въ предѣлахъ владѣній крестьянъ поч. Мувыра, по отзыву священника Сосновской церкви, о. Василья Богданова, назадъ тому не менѣе 10 лѣтъ, лѣтомъ во время пашни, былъ слышенъ подземный гулъ до того чувствительный, что пашущіе кре-

стьяне-инородцы должны были съѣхать съ горы (холма). По отзыву инородцевъ, изъ нѣкоторыхъ горъ вмѣстѣ съ ключевой водой идутъ крупинки золота, но насколько тутъ правды, мы доказывать не беремся, да и самые слухи передаются какъ бы по секрету, чтобы *не дошла молва до богачей*, которые, услышавши объ этомъ, пріѣдутъ и, если откроютъ руды, стѣснятъ жителей. Вотяки поч. С.... вы, какъ передавали намъ мальчики отъ 12 до 15 лѣтъ изъ сосѣдней С.... деревни, будто бы на вершинѣ одной горы въ поляхъ ихъ знаютъ богатую серебряную руду, но объявлять объ ней другъ другу воспрещаютъ; *откроютъ де руду и будетъ тамъ городъ*—и тогда жители, т. е. вотяки, поневолѣ должны уѣхать на другое мѣсто.

Въ 1882 году, какъ разсказывалъ намъ 15 лѣтній сынъ вотяка изъ д. Сюрсовая, Гаврило Воронцовъ, пріѣзжали къ намъ въ деревню искать въ горѣ, находящейся при деревнѣ ихъ, богачи, но золота нашли только нѣсколько крупинокъ. Въ дер. К.... ртѣ, по сказу вышеозначеннаго же Воронцова, изъ горы пробивается ручеекъ; съ этимъ ручейкомъ, будтобы, изъ горы выходятъ песчинки золота.

При одной изъ деревень, какъ передавали намъ, находится бѣлая глина для каменной посуды, но сколько ея и какого она качества—никто не говоритъ.

Кладоискатели и *мошенники*. Обмануть инородца еще недавно не стоило никакого труда, особенно, если кто былъ знакомъ съ повѣрьями и обычаями его, инородца. Чтобы выманить отъ инородца деньги, русскіе старались познакомиться съ ними ближе, распускали слухи о кладахъ и ворожцахъ, могущихъ открывать клады, и тѣмъ привлекали къ себѣ вниманіе инородца. Назадъ тому около 30 лѣтъ, русскіе изъ за рѣки Камы, Пермской губерніи, распускали между вотяками слухи, что за Камой насупротивъ Воткинскаго завода въ пещерѣ находятся сундуки съ деньгами, но за неимѣніемъ денегъ, требующихся завѣтомъ въ залогъ, клады въ сундукахъ остаются нетронутыми. Объ этомъ русскіе объявляли вотякамъ и на базарахъ въ Воткинскомъ заводѣ и въ деревняхъ и просили помощи въ денежныхъ средствахъ, съ обязательствомъ выдачи причитающейся на число положенныхъ въ залогъ денегъ суммы, которой, по разсказамъ, не знали и счету. Такіе слухи распространились

вездѣ и повѣрили имъ не только вотяки, но и русскіе, и нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ. Думали, думали—рѣшили послать за Каму довѣренныхъ лицъ съ деньгами. Пріѣхали посланные изъ вотскаго края къ мѣсту клада и ихъ увели въ пещеру. Тамъ стоятъ огромные сундуки съ продѣланными въ крышкахъ дырами, а насупротивъ дыръ видны ребрами золотые имперіалы и серебряные рубли.

— Денегъ-то! денегъ-то! пропасти! думаютъ посланные и, по словамъ русскихъ, спускаютъ деньги въ особое отверстіе кто 50 руб., кто 100 и т. д., надѣясь на залогъ свой получить денегъ во сто и тысячу разъ болѣе залога. Спустили свои деньги; ждутъ и что же? Вдругъ изъ подъ сундуковъ, изъ земли, говоритъ человѣческій голосъ: мало залогу, спускайте больше!

— Ступайте, несите денегъ больше—говорятъ русскіе, приведшіе ко кладамъ.

Почесали посланные затылки и вернулись. Иные ѣздили по другому разу и возвращались опять безъ денегъ, а иные, послушавшись благоразумныхъ людей, принимали это за мошенничество и болѣе не ѣздили туда; изъ другихъ же мѣстъ, какъ было слышно, пріѣзжали группами и спускали послѣднія деньги. Такъ спускались залоги въ чаяніи полученія огромныхъ денегъ до тѣхъ поръ, пока это не дошло до свѣдѣнія полиціи. Дѣло было въ слѣдующемъ: русскіе мошенники вырыли пещеру и, разставивъ въ ней рядами сундуки, наполнили ихъ камнями, а подъ отверстіями въ крышкахъ были монеты фальшивыя. Внизу, т. е. подъ сундуками, была другая пещерка и въ ней сидѣлъ человѣкъ, принимающій сверху залоговыя деньги и требующій новыхъ залоговъ. Когда это узнала полиція, мошенниковъ арестовали и предали въ руки правосудія, а самую пещеру, по распоряженію ея, завалили землей. Такимъ способомъ мошенники, говорятъ, сколотили огромный капиталъ (Яковъ Степановъ, поч. Сушкова).

Одинъ вотякъ поч. Порозова, Шарканскаго прихода, заслышавъ о кладѣ въ Шарканскомъ волоку (лѣсу), попросилъ ворожить русскаго ворожца дер. О...... Ефима, правду ли де говоритъ преданіе, что на такомъ-то мѣстѣ есть кладъ? Ворожецъ сказалъ вотяку, что кладъ въ Шарканскомъ лѣсу дѣйствительно есть. Вотякъ проситъ ворожца пріѣхать къ нему ночью поворожить еще о завѣтѣ, чтобы,

узнавши завѣтъ, идти на мѣсто клада и вырыть его. Ворожецъ обѣщался пріѣхать къ нему чрезъ недѣлю. Русскій ворожецъ сталъ обдумывать различные планы какъ бы надуть вотяка и выдумалъ слѣдующее: надо, говоритъ онъ себѣ, наполнить сундукъ обломками стекла, увезти его заранѣе въ лѣсъ, и къ сундуку приставить замаскированнаго человѣка, чтобы онъ, изображая собой лѣшаго, требовалъ залогу. Планъ составленъ и ворожецъ, пригласивши въ свой домъ родственника, съ помощью его наполняетъ сундукъ стекломъ, обломками посуды, камнями и проч. и дѣлаетъ изъ бересты конусообразную шапку. Приготовивши все, они отвозятъ сундукъ въ Шарканскій лѣсъ и оставляютъ его тамъ. На другой день въ лунную ночь (это было осенью) родственникъ ворожца идетъ къ сундуку и тамъ надѣваетъ на себя вывороченную шубу, а на голову конусообразную берестяную шапку и ждетъ ворожца съ вотякомъ. Между тѣмъ ворожецъ въ домѣ вотяка время проводитъ въ гаданіи. Погадавши, говоритъ вотяку, что завѣтомъ требуетъ лѣшій залогу отъ 100 до 500 рублей. Вотякъ на случай беретъ 300 руб. и отправляется съ ворожцомъ въ лѣсъ къ отвезенному заранѣе сундуку съ обломками стекла. Подъѣхали къ лѣсу и лошадь привязали ко пню. Заходятъ въ лѣсъ. Луна ярко свѣтитъ на небѣ; между елей и обнаженныхъ липъ кое гдѣ проходитъ свѣтъ и освѣщаетъ пни и молодыя деревья. Вотъ видятъ они, что около одной ели похаживаетъ человѣкъ въ конусообразной шапкѣ, а недалеко отъ него виднѣется сундукъ.

— Смотри, вонъ *онъ* самъ ходитъ у сундука,—говоритъ вотяку ворожецъ шопотомъ.

Остановились и совѣтуются какъ поступить.

— Ты постой здѣсь, а я схожу поближе и спрошу его сколько надо залогу—говоритъ ворожецъ.

Вотякъ остается, а ворожецъ идетъ. Тамъ кое - что поговорилъ онъ съ товарищемъ и возвращается, а мнимый лѣшій отходитъ въ сторону.

— Ну, иди и положь на сундукъ денегъ — говоритъ ворожецъ.

Вотякъ ушелъ и положилъ 100 рублей; опять онъ вернулся къ ворожцу.

— Мало денегъ! говоритъ лѣшій особеннымъ тономъ.

Вотякъ кладетъ опять 100 руб. и возвращается.

— Еще мало! продолжаетъ лѣшій.

Вотякъ кладетъ остальныя 100 руб. и возвращается.

Лѣшій беретъ деньги и отходитъ.

— Ну, теперь пойдемъ за сундукомъ: денегъ больше не требуетъ, говоритъ ворожецъ.

Ушли и дотащили сундукъ до лошади; положили его въ телѣгу и уѣхали.

Привезли сундукъ къ вотяку, поставили его въ подполье.

— Ну, теперь распечатывать, т. е. разбивать крышку не будемъ—говоритъ ворожецъ; я пріѣду къ тебѣ чрезъ три дня и тогда будемъ дѣлить деньги.

— Я себѣ денегъ возьму больше, потому что залогъ положилъ я,—говоритъ вотякъ.

— Нѣтъ, мнѣ надо больше: нашелъ кладъ я, отвѣчаетъ ворожецъ.

— Ну, какъ нибудь раздѣлимъ, пріѣзжай только поскорѣе—говоритъ вотякъ.

Ворожецъ уѣхалъ.

Прошло два дня—ворожецъ не явился; между тѣмъ вотяка сильно томитъ желаніе посмотрѣть на сокровище. Прошло еще три дня—ворожецъ не является.

— Не пропалъ-ли онъ тамъ, каналья? говоритъ вотякъ и принимается разбивать крышку сундука. Разбилъ и чтожъ? сундукъ наполненъ обломками посуды, стекла, камнями и пескомъ. Разочарованный вотякъ плюнулъ въ сундукъ и вышелъ изъ подполья.

Черезъ два дня пріѣхалъ ворожецъ и говоритъ:

— Ну, будемъ ломать сундукъ.

— Чего ломать? Я изломалъ да въ сундукѣ одно дермо—отвѣчаетъ нехотя вотякъ.

— Вѣдь не велѣлъ я тебѣ ломать безъ меня; не послушался меня,—лѣшій деньги превратилъ въ обломки—говоритъ ворожецъ.

Вотякъ, вмѣсто отвѣта, только почесалъ затылокъ.

Языческія кладвища.

Языческое кладбище вотяковъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго возвышенія, гдѣ растетъ мелкій лѣсокъ и верескъ. Здѣсь вы не увидите никакихъ памятниковъ на могилахъ, не замѣтите ничего особеннаго, доказывающаго присутствіе могилъ: все сравняло, стерло отъ

глазъ человѣка время; но эти признаки могилъ стерты только съ лица кладбища, а въ землѣ кости еще цѣлы. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ вотскихъ кладбищъ я нашелъ вырытую собакой, разрывшей нору крысы, еще крѣпкую бедренную кость ноги. Кромѣ костей внутри могилъ вы найдете какія нибудь металлическія вещи или монеты, положенныя съ покойникомъ въ гробъ. Мертвыя тѣла въ этихъ кладбищахъ не зарывались глубоко, поэтому вырыть изъ могилъ кости не стоитъ большого труда. Въ кладбища эти зарывались тѣла до времени принятія вотяками христіанства и есть таковыя при каждомъ старомъ селеніи. Существуютъ о нихъ и разсказы у инородцахъ. Изъ этихъ разсказовъ мною не забытъ одинъ, слышанный въ селѣ Большенургинскомъ, при которомъ есть на крупномъ возвышеніи языческое кладбище. Говорятъ, что тамъ *млится* всяко: когда плачетъ грудной ребенокъ, когда воетъ взрослый. Вотяки называютъ ихъ *вужв тай* (старое кладбище).

Сказки.

Старикъ-прохожій. Шелъ одинъ старикъ-прохожій по дорогѣ пришелъ въ деревню и зашелъ ночевать въ одну избушку. Разулся и спрашиваетъ хозяевъ: «куда мнѣ положить, хозяева, лапти»? Хозяева отвѣчаютъ «положь, дѣдушка, лапти на печь». Старикъ опять говоритъ: «лапти у меня сухіе, на печь класть ихъ незачѣмъ,—положу ихъ лучше къ курамъ въ залавокъ» и положилъ ихъ въ залавокъ. Утромъ всталъ старикъ, обулся, одѣлся, умылся и, подошедши къ залавку, говоритъ: «вчера вечеромъ я пустилъ сюда, въ залавокъ, свою курочку.» Хозяева, зная, что у старика не было курицы, говорятъ ему: «какая курица? у тебя, старикъ, не было курицы; ты клалъ къ нашимъ курицамъ лапти и взялъ ихъ обратно». Старикъ споритъ и неотступно требуетъ курицу. Хозяева отдали старику курицу и прогнали его прочь отъ себя. Идетъ старикъ по дорогѣ съ курицей и приходитъ въ деревню; заходитъ въ избушку и говоритъ: «пустите, добрые люди, ночевать!» Хозяева отвѣчаютъ: «ночуй, дѣдушка, ночуй!» Старикъ опять говоритъ хозяевамъ: «у меня съ собой есть курочка, такъ надо бы и ей гдѣ нибудь мѣста»; хозяева отвѣчаютъ: «пусти, дѣдушка, курочку къ нашимъ курочкамъ». Старикъ говоритъ: «моя курочка съ курочками не спитъ, а спитъ она съ утками». Хозяева отвѣчаютъ: «ладно, дѣдушка; пусти свою

курочку къ нашимъ уткамъ!» И пустилъ старикъ курочку свою къ хозяйскимъ уткамъ. Утромъ всталъ старикъ, обулся, одѣлся, подошелъ къ хозяйскимъ уткамъ и говоритъ: «вчера, вечеромъ, я пустилъ сюда свою уточку, такъ надо ее взять». Хозяева говорятъ старику: «какую утку, старикъ? вѣдь ты пустилъ къ нашимъ уткамъ курочку, такъ возьми ее». Старикъ требуетъ утку, говоря: «у меня была уточка, а не курица». Хозяева отдали старику утку и прогнали его прочь отъ себя. Идетъ старикъ по дорогѣ. День склонялся къ вечеру; приходитъ въ деревню; заходитъ въ избушку и говоритъ: «пустите, добрые люди, ночевать!» Хозяева отвѣчаютъ: «ночуй, дѣдушка, ночуй!» Старикъ опять говоритъ: «у меня съ собой есть уточка, такъ надо бы и ей гдѣ нибудь мѣсто переночевать!» Хозяева говорятъ: «пусти, дѣдушка, уточку къ нашимъ уткамъ!» Старикъ отвѣчаетъ: «моя уточка съ уточками не спитъ, а спитъ она съ гусями!» «Ладно, пусти, дѣдушка, уточку къ гусямъ», говорятъ хозяева. И пустилъ старикъ утку свою къ хозяйскимъ гусямъ. Утромъ всталъ старикъ, обулся, одѣлся и говоритъ хозяевамъ: «вчера, вечеромъ, я пустилъ къ вашимъ гусямъ свою гусиху, такъ надо ее взять». Хозяева отвѣчаютъ: «какую гусиху, старикъ? вѣдь ты пустилъ уточку, а не гусиху!» Старикъ возражаетъ: «нѣтъ, я пустилъ гусиху, а не уточку». Спорили, спорили хозяева, стали не рады; отдали старику гусиху и прогнали его. Идетъ старикъ по дорогѣ и вечеромъ заходитъ въ деревню ночевать; зашелъ въ избушку и говоритъ: «пустите, добрые люди, ночевать!» Хозяева отвѣчаютъ: «ночуй, дѣдушка, ночуй!» Опять старикъ говоритъ: «у меня есть съ собой гусиха, такъ надо бы и ей мѣсто до утра». Хозяева отвѣчаютъ: «пусти, дѣдушка, гусиху къ нашимъ гусямъ». Старикъ продолжаетъ: «моя гусиха съ гусями не спитъ, а спитъ она съ индѣйками». Хозяева отвѣчаютъ: «пусти, дѣдушка, гусиху къ нашимъ индѣйкамъ!» И пустилъ старикъ гусиху къ хозяйскимъ индѣйкамъ. Переночевалъ старикъ, обулся, одѣлся и говоритъ хозяевамъ: «принесите мнѣ индѣйку, которую я пустилъ вчера вечеромъ къ вашимъ индѣйкамъ!» Хозяева говорятъ: «какую индѣйку? вѣдь у тебя была гусиха, а не индѣйка». Старикъ споритъ, что была индѣйка. Дѣлать нечего, хозяева отдали индѣйку и прогнали старика. На пятую ночь старикъ пустилъ индѣйку къ свиньямъ и взялъ свинью; на шестую ночь пустилъ свинью къ овечкамъ

и взялъ овечку; на седьмую—пустилъ овечку къ телятамъ и взялъ телку, а телку пустилъ къ быкамъ и взялъ быка. Ночью, когда всѣ хозяева уснули, всталъ старикъ, обулся, одѣлся и вышелъ въ сѣни, а изъ сѣней—во дворъ; тамъ нашелъ узду, хомутъ и всю нужную сбрую, пошелъ въ конюшню, поймалъ быка, запрегъ его въ хозяйскія сани и выѣхалъ со двора. Разсвѣтало. Ѣдетъ старикъ по дорогѣ и поетъ:

Тпручки бычекъ, по дорожкѣ течетъ,
Сани не наши, хомутъ не свой,—
Понукай, не стой!

На встрѣчу попадается зайчикъ и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдушка, поѣхалъ?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, заинька!» — «Возьми меня, дѣдушка!»—«Садись, заинька!» Сѣлъ зайчикъ и ѣдутъ. На встрѣчу попадается лисица и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдушка, поѣхалъ?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, лысанька!» — «Посади меня, дѣдушка!» — «Садись, лысанька!» и поѣхали. Ѣдутъ по дорогѣ; на встрѣчу бредетъ волкъ и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдушка, поѣхалъ?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, волкъ!»—«Возьми меня съ собой!»—«Садись!» и поѣхали. Ѣдутъ по дорогѣ; на встрѣчу попадается медвѣдь и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдко, ѣдешь?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, Мишенька!»—«Посади меня!»—«Садись!» и поѣхали. Ѣдутъ по дорогѣ; вдругъ переломилась оглобля. Посылаетъ старикъ въ лѣсъ за оглоблей зайца; заяцъ ускакалъ и принесъ сучекъ; посылаетъ лисицу, лисица принесла вицу; посылаетъ волка, волкъ принесъ пенекъ; посылаетъ медвѣдя, медвѣдь принесъ бревно. Ушелъ старикъ за оглоблей самъ. Между тѣмъ какъ старикъ искалъ въ лѣсу оглоблю, медвѣдь съ волкомъ съѣли быка, оставивъ только шкуру да голову; а чтобы старикъ не вернулся изъ лѣсу скоро, не видя быка, воткнули между оглоблями четыре колышка и на колышки эти повѣсили шкуру быка и разбѣжались. Вернулся старикъ съ оглоблей, сталъ запрягать быка, а быкъ и развалился. (Сказка эта записана со словъ крестьянъ починка Нырошура, Тимофея Михайлова, и поч. Урдогурта, Капитона Семенова).

Медвѣженокъ-богатырь. Три сестры ушли лѣтомъ въ лѣсъ по ягоды-бруснику. Въ лѣсу онѣ разошлись и одна потерялась. Искали, искали двѣ сестры третью—не нашли. Такъ и ушли онѣ домой двѣ. Ждали, ждали ее дома—не пришла. Погорѣвали по несчастной

сестрѣ и забыли. Между тѣмъ сестра, заблудившись въ лѣсу, проблудила до самой ночи и пристала на ночлегъ; залѣзла въ дупло большой липы и спитъ. Ночью подошелъ къ ней медвѣдь и сталъ ласкать какъ человѣкъ: то гладитъ ее по головкѣ, то треплетъ по спинѣ, давая тѣмъ понять, что онъ ничего худаго ей не сдѣлаетъ. Внушилъ медвѣдь довѣріе къ себѣ и дѣвушка не стала бояться его. Поплакала, порыдала дѣвушка и покорилась своей судьбѣ. Утромъ взошло солнце и медвѣдь ведетъ ее въ свою берлогу. Дѣвушка пошла и стала жить въ медвѣжьей берлогѣ. Медвѣдь кормилъ ее сначала ягодами, а потомъ сталъ кормить всякой всячиной. Дѣвушка отъ медвѣдя прижила сына и сталъ онъ рости не по днямъ, а по часамъ. Черезъ годъ сынъ говоритъ медвѣдю:

— Давай, тятя, бороться!

— Давай.

Боролись, боролись—медвѣдь поборолъ.

— Корми меня слаще, тятя! говоритъ медвѣженокъ медвѣдю.

Медвѣдь кормитъ сына сладко и сынъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ.

На другой годъ медвѣженокъ опять предлагаетъ медвѣдю бороться.

Боролись, боролись—опять медвѣдь поборолъ.

— Корми меня слаще, тятя! говоритъ медвѣженокъ отцу.

Медвѣдь кормитъ сына и сынъ ростетъ не по днямъ а по часамъ.

На третій годъ сынъ опять говоритъ отцу:

— Давай, тятя, бороться!

— Давай!

Боролись, боролись—сынъ взялъ отца за ногу и бросилъ кверху. Медвѣдь упалъ и убился.

— Не убилъ-ли ты своего отца, пострѣлъ? спрашиваетъ мать сына.

— Мы боролись съ нимъ; я его поборолъ и онъ умеръ, говоритъ сынъ.

Мать посылаетъ сына къ змѣямъ плесть лапти изъ лыкъ. Сынъ взялъ пестерь и отправился. Пришелъ онъ къ змѣямъ и видитъ ихъ множество. Онъ бьетъ ихъ и отрываетъ головы, которыя и кладетъ въ пестерь. Наклалъ полонъ пестерь змѣиныхъ головъ и идетъ къ матери.

— Ну, что, сплелъ? спрашиваетъ мать.

— Сплелъ.

— Гдѣ?

— Въ пестерѣ.

Мать сунула руку въ пестерь и вскрикнула отъ испуга.

— Поди унеси обратно туда, гдѣ ихъ взялъ! говоритъ мать.

Сынъ унесъ головы и вернулся.

На другой день мать посылаетъ сына за лаптями къ сусѣдкамъ (домовымъ). Сынъ ушелъ къ сусѣдкамъ и видитъ множество сусѣдокъ. Онъ бьетъ ихъ и отрываетъ имъ головы, которыя и кладетъ въ пестерь. Наклалъ полонъ пестерь и идетъ къ матери.

— Ну, принесъ-ли?

— Принесъ.

— Гдѣ?

— Въ пестерѣ.

Мать сунула руку въ пестерь и пуще того испугалась.

— Ступай, пострѣлъ, неси ихъ обратно туда, гдѣ взялъ,—говоритъ мать сыну и ругаетъ его.

Сынъ унесъ головы и вернулся.

Не захотѣлъ сынъ жить съ матерью и пожелалъ постранствовать по свѣту, помѣряться силами съ кѣмъ будетъ можно.

Ушелъ онъ въ кузницу и заказалъ себѣ трость въ сорокъ пудовъ. Взялъ онъ трость и пошелъ искать приключеній.

Идетъ онъ и встрѣчаетъ великорослаго мужчину.

— Ты кто? спращиваетъ онъ мужчину.

— Я—богатырь! отвѣчаетъ послѣдній.

— А самъ ты кто?

— Я—силачъ.

— Докажи свою силу.

Медвѣженокъ-силачъ взялъ въ руку крѣпкій камень, сжалъ его—и изъ него потекла вода.

— Молодецъ! воскликнулъ богатырь и назвалъ богатыремъ-силачемъ, а себя—только богатыремъ.

Идутъ они дальше и встрѣчаются съ мужчиной.

— Ты кто? спрашиваютъ они мужчину, объявляя ему при этомъ, что одинъ изъ нихъ богатырь-силачъ, а другой богатырь.

— Я тоже богатырь, да съ небольшими силами.

— Пойдемъ съ нами!

Пошли они трое путемъ-дорогой. Шли, шли, много-ли, мало ли—дошли до избушки. Зашли въ избушку, а тамъ пусто; высмотрѣли вездѣ—нашли въ чуланѣ мясо.

— Ну, пока поживемъ здѣсь, а тамъ увидимъ, что дѣлать, совѣтуются между собой богатыри.

— Мы пойдемъ въ лѣсъ на работу, а ты намъ готовь здѣсь обѣдъ,—говорятъ два богатыря третьему съ небольшими силами.

— Хорошо, будетъ исполнено ваше приказаніе, говоритъ богатырь.

Двое ушли въ лѣсъ, а третій остался стряпать въ избушкѣ. Варитъ онъ обѣдъ для богатырей изъ готовой провизіи и не думаетъ, что хозяинъ де придетъ. Вдругъ заходитъ въ избушку хозяинъ и начинаетъ таскать богатыря за волосы. Таскалъ, таскалъ его—чуть не всѣ волосы вытеребилъ; обѣдъ съѣлъ и ушелъ. Приходятъ богатыри съ работы и спрашиваютъ:

— Ну, что? приготовилъ обѣдъ?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Дровъ сухихъ нѣтъ, нечѣмъ варить.

Сварили сами и наѣлись.

На другой день остался варить обѣдъ тотъ богатырь, съ которымъ въ первый разъ встрѣтился силачъ.

Ушли два богатыря въ лѣсъ на работу, а оставшійся варитъ обѣдъ изъ готовой провизіи. Вдругъ является хозяинъ и начинаетъ его бить. Билъ, билъ—оставилъ чуть живаго; обѣдъ съѣлъ и ушелъ. Приходятъ богатыри съ работы и спрашиваютъ:

— Ну, что? приготовилъ обѣдъ?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Воды чистой нѣтъ; есть да мутная.

Приготовили обѣдъ сами и наѣлись.

На третій день остался варить обѣдъ богатырь-силачъ. Наклалъ онъ полонъ котелъ мяса и варитъ. Вдругъ является хозяинъ избушки и начинаетъ бить богатыря. Богатырь какъ ударитъ хозяина по сидѣнью, такъ тотъ и закричалъ благимъ матомъ: «ой, не бей, не буду такъ дѣлать». Хозяинъ вышелъ изъ избы и скрылся. Приходятъ съ работы богатыри и просятъ ѣсть. Бога-

тырь-силачъ накормилъ ихъ и разсказалъ исторію съ хозяиномъ избушки; тогда и тѣ богатыри сознались, что съ ними была такая же исторія. Наѣлись и пошли искать хозяина. Во дворѣ нашли большую доску; подняли ее—и тамъ оказалась большая нора, а въ нору спущенъ внизъ ремень, служащій лѣстницей. Спустился по ремню богатырь-силачъ въ нору, приказавъ товарищамъ ждать его у норы, и очутился на иномъ свѣтѣ. Подъ землей было царство трехъ двѣнадцатиглавыхъ змѣй. У этихъ змѣй находились въ плѣну три дочери царя здѣшняго свѣта. Шелъ, шелъ богатырь по царству змѣй и дошелъ до огромнаго дворца. Зашелъ въ переднюю и тамъ видитъ дѣвицу-красавицу.

— Ты кто? спрашиваетъ царевна богатыря-силача.

— Я—богатырь-силачъ, отвѣчаетъ тотъ; пришелъ искать злодѣя, который обижаетъ насъ, богатырей, въ избушкѣ.

— Онъ—дьяволъ; въ этомъ царствѣ кажется двѣнадцатиглавымъ змѣемъ, а тамъ—человѣкомъ-мужчиной. Я живу у него въ плѣну уже нѣсколько лѣтъ. Не побѣдишь-ли ты его?

Дѣвица даетъ богатырю-силачу мечъ и говоритъ: «вотъ этимъ мечемъ ты побѣдишь его». А змѣя въ это время дома не было. Вдругъ является онъ и говоритъ: «фу! фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ».

Богатырь-силачъ поднялъ мечъ, ударилъ по головамъ и отрубилъ ему сразу двѣнадцать головъ.

Взялъ богатырь-силачъ царевну съ собой и идетъ къ другому двѣнадцати главому змѣю. Зашли въ домъ и тамъ видитъ богатырь еще красивѣе дѣвицу.

— Ты кто? спрашиваетъ царевна богатыря-силача.

— Я богатырь-силачъ—отвѣчаетъ онъ, пришелъ искать злодѣя который обижаетъ насъ богатырей, въ избушкѣ.

— Онъ—дьяволъ; въ этомъ царствѣ кажется двѣнадцати-главымъ змѣемъ, а тамъ—простымъ человѣкомъ-мущиной. Я живу у него въ плѣну нѣсколько лѣтъ. Не побѣдишь-ли ты его?

Дѣвица вручила богатырю мечъ и говоритъ: вотъ этимъ мечемъ ты побѣдишь его. А змѣя въ это время дома не было. Вдругъ является онъ и говоритъ: фу! фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ Богатырь-силачъ поднялъ мечъ, ударилъ по головамъ змѣя и отрубилъ въ два удара всѣ двѣнадцать головъ.

Взялъ богатырь-силачъ другую дѣвушку еще красивѣе и пошелъ къ послѣднему двѣнадцатиглавому змѣю, который былъ сильнѣе прочихъ.

Зашли въ домъ и тамъ видятъ дѣвицу необыкновенной красоты.

— Кто ты? спрашиваетъ дѣвица богатыря-силача.

Богатырь-силачъ отвѣчаетъ тоже, что и первымъ двумъ дѣвицамъ.

— Всѣ они дьяволы, говоритъ дѣвица, одинъ другаго сильнѣе; здѣсь кажутся змѣями, а тамъ—людьми. Этотъ послѣдній змѣй сильнѣе всѣхъ. Я живу у него въ плѣну уже нѣсколько лѣтъ. Не побѣдишь ли ты его?

Дѣвица вручаетъ богатырю мечъ и говоритъ: «Вотъ этимъ мечемъ ты побѣдишь его». А змѣя въ это время дома не было. Вдругъ слышитъ богатырь-силачъ въ сѣняхъ голосъ, который говоритъ: «фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ». Вышелъ онъ съ мечемъ въ сѣни. Тамъ встрѣтился со змѣемъ и вступилъ съ нимъ въ борьбу. Богатырь-силачъ отрубилъ змѣю только одну голову и змѣй вернулся обратно собраться съ силами. Богатырь-силачъ говоритъ красавицѣ-царевнѣ: если змѣй будетъ побѣждать меня— квасъ на столѣ покраснѣетъ; тогда ты брось передъ мной свой башмакъ и я убью змѣя.

Вотъ, собравшись съ силами, змѣй опять явился и говоритъ: «фу! фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ».

Вышелъ богатырь на встрѣчу змѣю и вступилъ съ нимъ въ битву. Змѣй началъ побѣждать. Царевна взглянула въ сосудъ съ квасомъ и видитъ, что квасъ превратился въ кровь; тогда она взяла башмакъ свой, вышла изъ дому и бросила его передъ богатыремъ. Богатырь ударилъ и сразу снесъ змѣю всѣ одиннадцать головъ. Собралъ богатырь головы всѣхъ змѣй и выбросилъ ихъ въ расщелину каменной скалы.

Взялъ богатырь-силачъ дѣвицъ и пошелъ къ норѣ, чтобы подняться по ремню на здѣшній свѣтъ. Тряхнулъ ремнемъ и посадилъ на него дѣвушку. Товарищи богатыри подняли дѣвушку и дѣвушка сказала, что на иномъ свѣтѣ еще три человѣка. Подняли одну за другой всѣхъ дѣвушекъ. Поднявши дѣвушекъ, богатыри рѣшили товарища не поднимать, думая, что онъ дѣвушекъ возь-

меть себѣ; и не подняли его. Ушли богатыри и не могутъ рѣшить споръ—кому владѣть одной изъ дѣвицъ, которая была у сильнѣйшаго изъ всѣхъ змѣй: она была такъ красива, что ни въ сказкахъ разсказать, ни перомъ не описать. Пришли богатыри съ тремя дѣвицами къ царю-отцу ихъ и говорятъ, что дѣвицъ отъ змѣй освободили они и при этомъ каждый проситъ за себя красавицу. Дѣвицы сказали, что богатыри только подняли ихъ изъ иного свѣта, а освободилъ ихъ отъ змѣй другой, который остался внизу подъ норой. Царь послалъ за богатыремъ своего быстрокрылаго орла. Орелъ посадилъ на себя богатыря-силача и полетѣлъ къ царю. Тамъ, у царя, изъ за красавицы между тремя богатырями возникъ споръ: всякому хотѣлось взять въ жены красавицу. Видитъ царь, что одинъ другому не уступаетъ, и говоритъ: «у меня есть большой колоколъ, которымъ извѣщаю народъ о важнѣйшихъ событіяхъ въ моемъ царствѣ. Кто отброситъ этотъ колоколъ дальше—за того и отдамъ дочь». Подошелъ первый—не тронулъ колокола, подошелъ другой—тоже; наконецъ подошелъ богатырь-силачъ.... пнулъ онъ колоколъ ногой—и колоколъ отлетѣлъ за царскій дворецъ.

— Бери мою дочь—она твоя! сказалъ царь богатырю-силачу.

И взялъ богатырь-медвѣженокъ царскую дочь за себя, взялъ и зажилъ припѣваючи, а товарищи его остались безъ женъ. Трость въ 40 пудовъ и теперь лежитъ въ избушкѣ. (Яковъ Гавриловъ, дер. Быги),

Плѣшивый мужикъ. Жилъ былъ въ деревнѣ плѣшивый мужикъ. У него были двѣ дочери-дѣвицы на возрастѣ лѣтъ. Одну выдалъ за мужъ за Солнышка, а другую—за Лунушку. Пришла масляница. Солнышко зоветъ тестя въ гости и тесть подымается по цѣпи кверху. Поднялся онъ къ Солнышку и вечеромъ Солнышко велитъ женѣ растворить въ квашнѣ къ утру слѣдующаго дня лепешки. Жена исполнила приказаніе мужа. Смотритъ старикъ на квашенку—квашенка кхснетъ: замѣчаетъ въ комнатѣ какой-то недостатокъ, но не можетъ догадаться, чего именно не достаетъ. Утромъ встали и жена Солнышка принимается за стряпню. Тутъ только догадался старикъ, что у Солнышка печи нѣтъ.—На чемъ же они будутъ печь лепешки-то? думаетъ старикъ.

— Ну, пеки скорѣе, говоритъ Солнышко женѣ. А Солнышко-то было съ большой плѣшью. Жена подошла къ плѣши мужа и льетъ

растворъ на плѣшь; лепешки пекутся лучше, чѣмъ на сковородѣ въ печи. Смотритъ старикъ и удивляется: онъ прожилъ на свѣтѣ 60 лѣтъ и не слыхивалъ, чтобы лепешки пекли на плѣши, а тутъ при глазахъ его пекутся. На что и печи и сковороды, когда пекутся на плѣши? «Вотъ и у меня плѣшь не хуже плѣши зятенька, да я по сію пору не зналъ этого. Теперь старуху заставлю печь на своей плѣши... дровъ будетъ не надо».

Наѣлся старикъ лепешекъ, поблагодарилъ зятенька за угощеніе и спустился на землю. Зашелъ въ избу и говоритъ своей старухѣ: «старуха! раствори къ утру лепешекъ: я узналъ средство печь лепешки безъ огня и сковороды». Старуха растворила и легла спать. Проснулись утромъ и старуха идетъ за дровами, а старикъ останавливаетъ ее, говоритъ: «не надо дровъ; я тебѣ сказалъ вчера, что знаю средство печь безъ огня. Лей жижу мнѣ на голову!» Старуха льетъ на плѣшь мужу—лепешки не пекутся; она все льетъ.... вылила весь растворъ на плѣшь старика и опачкала его съ головы до ногъ.

Въ другой праздникъ зоветъ старика Луна. Поднялся старикъ по цѣпи къ Лунѣ и приняли его какъ гостя дорогаго радушно. Вечеромъ Луна-зять зоветъ свою жену въ погребъ за медомъ подчивать тестя. Пошли они—и старикъ-гость за ними. Зашли въ погребъ—тамъ темно.—«Посвѣти скорѣе, не вижу» говоритъ жена мужу. Луна подняла палецъ какъ свѣчу и стало свѣтло. Опять удивляется старикъ этому чуду.

Наугостился старикъ у зятя и спустился на землю къ своей старухѣ. Вечеромъ старикъ проситъ молока похлебать на сонъ грядущій, а молоко было въ погребѣ. Старуха беретъ лучины и спичекъ достать огня, а старикъ не велитъ: говоритъ, что онъ открылъ средство свѣтить пальцемъ. Старуха послушалась его и оставила лучину на шесткѣ. Взошли въ погребъ.... темно—«Ну, иди, старуха, впередъ, а я посвѣчу», говоритъ старикъ старухѣ. Старуха идетъ впередъ, а старикъ поднялъ палецъ какъ свѣчу и бредетъ; свѣту все-таки нѣтъ. Шарили, шарили въ потьмахъ и оба упали въ яму. (Григорій Ивановъ Наумовъ, село Чутырь).

Палецъ и зубъ. Два брата ушли въ лѣсъ дрова рубить. Рубили, рубили—нарубили большую груду. Надо колоть дрова, да нѣтъ клиньевъ. Одинъ принялся дѣлать клинья и по неосторожности

отсѣкъ палецъ; палецъ поскакалъ по тропинкѣ лѣсной. Другой братъ сталъ колоть дрова... Клинъ отскочилъ—и прямо въ зубы; одинъ зубъ вышибло клиномъ и зубъ поскакалъ вслѣдъ за пальцемъ.

Шли они, долго ли, мало ли, близко ли, далеко ли—дошли до поповскаго дома. Была уже ночь и семейство попа было погружено въ крѣпкій сонъ. Вотъ палецъ съ зубомъ совѣтуются между собой, какъ бы украсть у попа ножъ и заколоть его быка. Вдругъ увидѣлъ палецъ въ одномъ изъ оконъ вентиляторъ и залѣзъ въ избу. Ищетъ тамъ ножа—не находитъ.

— Ну, скоро-ли вернешься? спрашиваетъ подъ окномъ зубъ.

— Не могу найти! отвѣчаетъ зубъ.

Попъ услышалъ въ домѣ человѣческій голосъ; всталъ и ищетъ, а палецъ залѣзъ въ башмакъ попадьи и попъ его не видитъ. Опять попъ легъ и уснулъ. Палецъ вылѣзъ изъ башмака и ищетъ ножъ.

— Ну, что долго? опять спрашиваетъ зубъ.

— Не могу найти—отвѣчаетъ палецъ.

Попъ опять услышалъ крикъ и проснулся; досталъ онъ огня и ищетъ; палецъ же опять залѣзъ въ носокъ башмака и оттуда высматриваетъ, не увидитъ ли гдѣ ножа. Искалъ, искалъ попъ человѣка—не нашолъ; а палецъ между тѣмъ высмотрѣлъ ножъ на лавкѣ у шкафа. Вотъ, когда попъ легъ спать—онъ вылѣзъ изъ башмака, взялъ ножъ и выскочилъ на улицу. «Ну, котораго заколемъ?» спрашиваютъ другъ у друга палецъ и зубъ, зашедши къ быкамъ въ хлѣвъ.—«Который взглянетъ на насъ, того и заколемъ»—говоритъ палецъ.—«Ладно, но только здѣсь не будемъ колоть; уведемъ быка въ лѣсъ и тамъ никто намъ не будетъ мѣшать», высказываетъ свое мнѣніе зубъ. Поймали быка, который взглянулъ на нихъ, и увели его въ лѣсъ; тамъ закололи его и палецъ остался потрошить, а зубъ ушелъ за дровами варить мясо. Натаскалъ зубъ полную груду дровъ, связалъ ихъ да не можетъ нести. Вдругъ идетъ медвѣдь и говоритъ ему зубъ:—«Косоланый! взвали ношу на плечо и неси»; а медвѣдь былъ голоденъ какъ волкъ и съѣлъ зубъ. Зубъ прошелъ сквозь медвѣдя и кричитъ пальцу: «братъ! выручи меня скорѣе; медвѣдь съѣлъ меня». Медвѣдь испугался и побѣжалъ; перескочилъ колоду и ушибся до смерти. Ушли они за дровами оба

и кое-как притащили ношу. Между тѣмъ какъ палецъ клалъ костеръ, зубъ сходилъ за котломъ въ шалашъ вотяка и начали варить. Сварили цѣлаго быка и съѣли. Наѣвшись до сыта-до отвала, легли спать. Пришелъ голодный волкъ и во время сна съѣлъ обоихъ. (Василій Перевощиковъ, поч. Ворчина).

Илья Муромецъ. Сказка эта хотя и есть варіантъ русской сказки, но мы помѣщаемъ ее потому, что она разсказывается вотяками, какъ равно и нѣкоторыми русскими, иначе; къ тому же она содержательнѣе, чѣмъ тѣ сказки, которыя приводилось намъ слышать отъ многихъ русскихъ.

Жилъ былъ Илья Муромецъ—безногій калѣка, какихъ встрѣчается мало; въ теченіи тридцати лѣтъ онъ не могъ ни работать, ни ходить, а все сидѣлъ дома какъ столѣтній старикъ, неспособный ни къ какой работѣ. Въ одно время лѣтомъ отецъ его, за неимѣніемъ семьи, сдѣлалъ помочь расчищать покосы, лежащіе около рѣки. Всѣ помочане и отецъ его съ семействомъ отправились на работу, а остался дома только одинъ безногій Илья. Сидитъ онъ дома, скучаетъ-жалуется на свою судьбу. Въ то время когда онъ жаловался на свою судьбу, зашли къ нему три волхва и просятъ у него пить.

— Я напоилъ бы васъ, милые странники, съ удовольствіемъ, да исполнить вашу просьбу лично не могу, потому что я безъ ногъ: не могу стать. Напейтесь сами, что найдете.—Такъ отвѣчаетъ Илья безногій странникамъ, просящимъ пить.

Илья въ это время лежалъ на постели какъ совершенно безногій.

— Спускай ноги съ постели на полъ—говорятъ ему волхвы.

Онъ спустилъ.

— Ну, вставай теперь!

Илья всталъ и совершилось чудо: пошелъ онъ по полу какъ совершенно здоровый и возблагодарилъ Бога.

— Ну, принеси чего нибудь пить—говорятъ ему волхвы.

Для помочанъ было въ это время наварено пива бочки двѣ, да еще приготовлено было вина.

Илья смѣшалъ пиво съ виномъ и подноситъ волхвамъ. Волхвы угощаютъ его самаго; онъ выпилъ и сталъ чувствовать въ себѣ силу. Волхвы опять послали его за пивомъ. Онъ принесъ два ведра

пива, смѣшаннаго съ однимъ ведромъ вина и угощалъ волхвовъ, а они велятъ пить самому. Онъ выпилъ и опять его послали; принесъ три ведра пива и смѣшалъ съ двумя ведрами вина.

— Чувствуешь-ли теперь въ себѣ силу? спрашиваютъ его волхвы.

— Чувствую великую силу, говоритъ Илья и продолжаетъ: если бы теперь былъ поставленъ столбъ отъ земли до неба и въ этотъ столбъ ввернуто кольцо съ винтомъ—я поворотилъ бы всю землю.

— Ну, ладно! теперь напой насъ.

Илья напоилъ волхвовъ и они ушли.

— Теперь пойду къ помочанамъ и пошучу какую нибудь шуточку, говоритъ Илья и идетъ къ помочанамъ. Пришелъ къ помочанамъ и всѣхъ засталъ спящими: «видно, захотѣли отдохнуть послѣ трудовъ» заключаетъ Илья и не будитъ никого. Собралъ онъ топоры и идетъ къ деревнямъ.... Ударитъ слегка топоромъ въ дерево—и топоръ идетъ въ дерево какъ въ мягкую землю, не видно и обуха; ударитъ другимъ—тоже. Такъ всѣ топоры какъ ножи въ хлѣбъ воткнулъ. Потомъ пошолъ собирать разнаго хворосту и пней. Собираетъ и бросаетъ въ рѣку какъ щепки. Бросалъ, бросалъ—запрудилъ ими рѣку и ушелъ; между тѣмъ вода начала выходить изъ береговъ и потоплять луга. Проснулись помочане и переполошились: отчего де сдѣлалось наводненіе? Хватились топоровъ—нѣтъ; искали, искали—увидѣли топорищи воткнутыми въ деревья; смотрятъ—топоры въ деревѣ.

— Что за диво? Кто пошутилъ надъ нами такъ, говорятъ другъ другу помочане и начинаютъ вырубать изъ деревъ свои топоры, а вырубать гдѣ-то еще остались два топора. Вырубали, вырубали—добыли топоры и пошли домой.

Помочане уже были во дворѣ и усаживались на скамьи пить съ устатку пива. Семейные Ильи таскаютъ имъ пиво ведрами и потчуютъ изъ ковшей. Пьютъ помочане и хмѣль входитъ въ головы ихъ. Илья взялъ цѣлую бочку съ пивомъ и понесъ на себѣ во дворъ, а въ эту бочку входило пива 40 ведеръ.

— Что за чудо! говорятъ другъ другу шопотомъ не то испуганные, не то удивленные гости. Не привидѣніе ли это? сидѣлъ Илья 30 лѣтъ безъ ногъ и не вставалъ съ постели, а теперь онъ необыкновенный человѣкъ—богатырь.

Отпировали помочане и изумленные разошлись по домамъ.

На другой день Илья говоритъ своему отцу.

— Купи мнѣ, батюшка, жеребенка у такой-то вдовы, сколько бы она ни запросила: жеребенокъ ея лежитъ въ полѣ на пласту; онъ мнѣ будетъ вѣрный слуга.

Пришолъ отецъ Ильи ко вдовѣ и торгуетъ жеребенка; вдова не продаетъ. Вернулся отецъ Ильи обратно домой.

Опять посылаетъ Илья своего отца купить жеребенка, говоря: «купи мнѣ, свѣтъ родной батюшка, жеребенка у вдовы: онъ будетъ мнѣ вѣрный слуга». Ушелъ отецъ и опять торгуетъ. Вдова запросила 16 руб, и онъ отдалъ ей. Ушелъ отецъ Ильи въ поле и тамъ видитъ на пласту жеребенка, на немъ кости да кожа, не можетъ и встать. Взялъ его за ноги и потащилъ домой.

Илья сталъ кормить коня и выкормилъ его такъ, что жеребенокъ сталъ первымъ въ свѣтѣ конемъ.

Прошло немного времени и Ильѣ стало дома сидѣть скучно; захотѣлъ онъ постранствовать по бѣлому свѣту, помѣряться силами съ равными себѣ. Заказалъ онъ себѣ шляпу чугунную въ 200 пудовъ и проситъ у родителя благословенія ѣхать старинной дорогой, по которой давнымъ давно уже никто не ѣздилъ, а дорога эта пролегала черезъ лѣсъ, гдѣ на 12 дубахъ сидѣлъ разбойникъ Соловей и своимъ посвистомъ убивалъ людей. Благословилъ его отецъ и не велѣлъ ему обижать ни праваго, ни виноватаго, ни богатаго, ни бѣднаго, ни вдовицу, ни замужнюю, ни дѣвицу,— никого.

Надѣлъ Илья чугунную шляпу въ 200 пудовъ, взялъ лукъ и стрѣлы, сѣлъ на коня и поѣхалъ.

Ѣдетъ онъ много ли, мало ли, близко ли,—далеко ли, встрѣчается съ богатыремъ.

— Куда ты, Илья Муромецъ, поѣхалъ? спрашиваетъ богатырь у Ильи.

— Поѣхалъ я странствовать по бѣлому свѣту, помѣриться силами съ равными себѣ, вотъ поверну на старую дорогу, по которой никто уже не ѣздитъ. Такъ отвѣчаетъ Илья Муромецъ богатырю и богатырь ему опять говоритъ:

— Не ѣзди, Илья Муромецъ, по этой дорогѣ: она приведетъ

тебя къ Соловью разбойнику и онъ убьетъ тебя своимъ посвистомъ.

— У меня синь-кафтанъ въ 300 рублей, а коню моему нѣтъ и цѣны; а гляди-ко, лучекъ-отъ у меня какой? И съ этими словами Илья натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу въ пихту. Пихту всю расщепало.

— Тебѣ, богатырю, у меня нечего взять, говоритъ Илья богатырь и проѣзжаетъ.

Ѣдетъ Илья Муромецъ старинной дорогой и доѣзжаетъ до Соловья-разбойника. Увидѣлъ Соловей Илья Муромца и свиснулъ такимъ посвистомъ, что листья посыпались съ деревъ и конь его палъ на колѣни. Илья натянулъ лукъ и, направивъ стрѣлу въ голову Соловья, пустилъ ею; стрѣла попала въ глазъ Соловью и онъ упалъ на землю. Илья подъѣхалъ къ Соловью и посадилъ его въ карманъ. У Соловья не далеко отъ 12 дубовъ былъ домъ, въ которомъ жили его жена и дѣти. Ѣдетъ Илья мимо дома Соловья и Соловьиха, увидѣвши Илью Муромца, говоритъ дѣтямъ: «дѣтушки! вотъ вашего батюшку Соловья поймали и ведутъ»; а сыновьямъ нослышалось, будто Соловей кого ведетъ и говорятъ матери: «ну, везетъ—такъ веди».

Пріѣхалъ Илья Муромецъ въ городъ; въ это время шла еще обѣдня. Зашелъ Илья помолиться въ соборъ; тамъ стоитъ царь. Увидѣвъ Илью Муромца, Государь и спрашиваетъ его:

— Какой дорогой ты ѣхалъ, Илья Муромецъ?

— Государь-батюшка! здѣсь объ этомъ не говорятъ, а пришли молиться—и молятся Богу, отвѣчаетъ Илья.

Обѣдня отошла и государь зоветъ Илью Муромца къ себѣ въ гости.

— Какъ пойду я, крестьянскій сынъ, къ царю-батюшкѣ въ гости? говоритъ Илья государю.

— Если приглашаютъ—иди: брезговать ни чьимъ угощеньемъ нельзя.

Илья ушелъ къ царю въ гости и сидитъ въ палатахъ царскихъ.

— Ну, скажи теперь подробно, какой дорогой ты ѣхалъ, опять спрашиваетъ государь.

— Я ѣхалъ, государь-батюшка, дорогой старинной, по которой никто уже давнымъ давно не ѣздилъ.

— Какъ ты проѣхалъ мимо Соловья разбойника?

— Я его поймалъ и посадилъ въ карманъ.

Государь позвалъ къ себѣ тридцать богатырей и велѣлъ Ильѣ Муромцу показать Соловья. Илья высадилъ Соловья разбойника и попросилъ Государя да государыню заткнуть уши. Они заткнули и Илья велѣлъ Соловью свистнуть половиннымъ свистомъ; а Соловей свиснулъ полнымъ свистомъ и тѣмъ убилъ всѣхъ тридцать богатырей. Тогда Илья Муромецъ за ослушаніе убилъ Соловья однимъ пинкомъ.

Государь говоритъ Ильѣ Муромцу, что у нихъ ходитъ въ городѣ Чудовище-Обжора, который съѣдаетъ въ день по цѣлому быку и выпиваетъ по 40 ведеръ пива; не можетъ ли онъ, Илья, избавить ихъ отъ Обжоры?

— Посмотримъ, сказалъ Илья и сталъ дожидаться вечера, когда Обжора долженъ былъ придти къ царю просить быка.

Пришелъ вечеръ и явился Обжора, огромный ростомъ и страшный собой. Сѣлъ онъ на крѣпкую лавку и проситъ быка.

— Это что за чудовище проситъ быка? сказалъ Илья Муромецъ на слова Обжоры.

— А ты что раскричался, Илья Муромецъ? али тебя самого надо съѣсть? говоритъ Обжора.

Илья отвѣчаетъ.

— Подавишься, проклятый Обжора!

— Нѣтъ, сразу проглочу тебя.

— Нѣтъ, подавишься.

Илья не сталъ больше препираться съ Обжорой. Надѣлъ на него 200 пудовую шапку и раздавилъ его, такъ что отдѣлилась отъ туловища и голова.

Возблагодарили царь и прочіе Илью за избавленіе ихъ отъ Обжоры и говорятъ ему:

— Великъ ты, Илья Муромецъ, силой своей въ русской землѣ, нѣтъ и не будетъ равнаго тебѣ, но есть, сказываютъ еще сильнѣе тебя богатырь; его, говорятъ, держитъ только одна гора, а на прочихъ мѣстахъ земля не держитъ.

Пожилъ Илья Муромецъ въ городѣ и пожелалъ искать того богатыря.

Искалъ онъ его и нашелъ на каменой горѣ; лежитъ онъ ничкомъ, не шевелится. Подошелъ Илья къ нему и ударилъ его палицей.

— Блоха укусила, говоритъ богатырь.

Ударилъ другой разъ.

—Муха укусила, бормочетъ богатырь со сна.

Еще ударилъ Илья.

— Паутъ (оводъ) укусилъ, сказалъ лежащій богатырь и всталъ.

— Чего тебѣ надо отъ меня, Илья Муромецъ? обратился къ Ильѣ богатырь.—Тебѣ здѣсь нечего дѣлать. Если хочешь со мной бороться—я ушибу тебя до смерти однимъ ударомъ; жалѣешь жизни—поѣзжай съ Богомъ.

Илья Муромецъ поѣхалъ. Ѣдетъ онъ близко ли, далеко ли, мало ли, много ли—встрѣчается съ богатыремъ. Поздоровались, назвались братьями и поѣхали вмѣстѣ. Постранствовали они по свѣту и попался имъ на дорогѣ гробъ.

Товарищъ Ильи слѣзъ съ коня и говоритъ: «видно этотъ гробъ приготовленъ ужъ мнѣ. Померяемъ, не на мой ли ростъ онъ сдѣланъ.» Легъ онъ въ гробъ и растянулся. Гробъ великъ. Слѣзъ съ коня Илья; легъ въ гробъ и гробъ закрылся крышкою, а на крышкѣ сдѣлался желѣзный обручъ.

— Братъ! гробъ закрылся и крышка обтянулась желѣзнымъ обручемъ, говоритъ богатырь Ильѣ.

— Разбивай, братъ, обручъ моей палицей, отвѣчаетъ Илья.

Богатырь ударилъ—сдѣлался другой обручъ, ударилъ третій разъ—сдѣлался третій.

— Ну, братъ, теперь три обруча, говоритъ Ильѣ богатырь.

— Дѣлать нечего, видно время пришло умирать, отвѣчаетъ изъ гроба Илья.—Дожидай, братъ, мою смерть. Когда пойдетъ изъ гроба пѣна—ты выпей всю и вся моя сила перейдетъ къ тебѣ.

Ждалъ богатырь и дождался пѣны; потекла пѣна изъ гроба на подобіе ваты. Выпилъ богатырь всю пѣну и сталъ чувствовать въ себѣ величайшую силу. (Дер. Уйвая, Наумъ Кожевниковъ).

Михайло Поповъ. Посѣялъ попъ горохъ; горохъ уродился хорошій, да та бѣда, что кто-то по ночамъ сталъ топтать и травить его. Вотъ попадья посылаетъ своего попа караулить горохъ и поймать

вора. Ночью попъ отправился на горохъ, легъ на межу и караулитъ вора;—вдругъ слышитъ на срединѣ полосы плачъ груднаго ребенка; идетъ къ мѣсту плача и видитъ: на полосѣ лежитъ въ пеленкахъ грудной ребенокъ. Взялъ его, назвалъ Михайломъ Поповымъ и отправился домой. Пришелъ и говоритъ попадьѣ: «попадья! я нашелъ на нашемъ горохѣ ребенка и назвалъ его Михайломъ Поповымъ».— «Ну, будемъ воспитывать! у насъ же нѣтъ дѣтей», сказала попадья. Стали воспитывать Михайла и онъ растетъ, какъ бобъ на грядкахъ, быстро, и стала появляться у него необыкновенная сила. Разъ онъ пошелъ къ ребятишкамъ играть и тѣ начали надъ нимъ смѣяться: «ахъ, ты чертовъ парень, найденышъ!» Разсердился Михайло и ударилъ одного изъ нихъ по головѣ; голова мгновенно слетѣла прочь съ туловища. Пришелъ Михайло Поповъ домой. По жалобѣ отца убитаго мальчика всѣ жители собрались на сходъ, пригласили туда попа и говорятъ ему: «бачко! куда хочешь, туда и дѣвай своего найденыша; онъ перебьетъ всѣхъ нашихъ парней!» Попъ спрашиваетъ: «не знаете-ли вы такого обжору, который бы могъ съѣсть Михайла?» Мужики отвѣчаютъ: «знаемъ мы лѣсъ, а въ томъ лѣсу водится множество волковъ и эти волки чрезъ этотъ лѣсъ не пропускаютъ ни проѣзжающаго, ни проходящаго: всѣхъ съѣдаютъ». Попъ говоритъ: «ладно, пошлю я его туда; пусть съѣдятъ голодные волки!» Пришелъ попъ домой и говоритъ найденышу своему: «ступай-ка, Михайло, въ такой-то лѣсъ, пригони оттуда домой моихъ барашковъ!» Ушелъ Михайло въ лѣсъ, вырвалъ тамъ съ корнемъ большой дубъ и видитъ: со всѣхъ сторонъ прибѣгаютъ къ нему голодные волки; онъ поднялъ дубъ и гонитъ волковъ домой, говоря: «идите, идите, барашки домой!» Пригналъ стадо къ поповскимъ воротамъ и кричитъ попу: «куда, бачко, барашковъ запереть?» Попъ отвѣчаетъ: «запри барашковъ къ овечкамъ въ хлѣвъ!» Михайло загналъ волковъ къ овечкамъ въ хлѣвъ и заперъ. Утромъ Михайло отперъ овчарню и видитъ: всѣ овцы перерѣзаны волками и лежатъ въ одной грудѣ. Идетъ Михайло къ попу и говоритъ: «Бачко! барашки овечекъ склали въ одну груду». Попъ говоритъ: «ступай, выгони барашковъ изъ овчарни». Михайло выгналъ изъ овчарни волковъ и они разбѣжались. Михайло ушелъ опять играть къ ребятишкамъ; а тѣ начали надъ нимъ смѣяться: «убирайся ты, оборванецъ, чертовъ парень!» Михайло разсердился и оторвалъ

одному мальчугану руку. Отцы парней опять собрались на сходъ, пригласили туда попа и говорятъ: «бачко! куда хочешь, туда дѣнь своего найденыша: онъ перебьетъ всѣхъ нашихъ парней». Попъ опять говоритъ: «а куда я его дѣну?» Тѣ отвѣчаютъ: «пошли его въ такой-то лѣсъ! тамъ водится множество медвѣдей и медвѣди тѣ чрезъ этотъ лѣсъ не пропускаютъ ни проходящаго, ни проѣзжающаго—всѣхъ съѣдаютъ». Приходитъ попъ домой и говоритъ Михайлѣ: «ступай-ка, Михайло, въ такой-то лѣсъ; тамъ у меня пасутся быки, — пригони ихъ домой!» Ушелъ Михайло въ лѣсъ, вырвалъ съ корнемъ большое дерево и видитъ: со всѣхъ сторонъ собираются къ нему медвѣди; поднялъ онъ дерево и гонитъ медвѣдей домой. Къ сумеркамъ пригналъ ихъ домой къ воротамъ и кричитъ попу: «Бачко! куда запереть быковъ?» Попъ отвѣчаетъ: «запри ихъ въ хлѣвъ къ коровамъ». Михайло такъ и сдѣлалъ. Утромъ идетъ Михайло смотрѣть медвѣдей и видитъ: всѣ коровы передавлены медвѣдями и лежатъ въ одной грудѣ. Пришелъ онъ къ попу и говоритъ: «Бачко! быки коровъ склали въ одну груду». Попъ отвѣчаетъ: «надо выгнать быковъ изъ хлѣва». Михайло выгналъ медвѣдей и тѣ разбѣжались; оставилъ только одного медвѣдя и привязалъ его къ столбу у конюшни. Ушелъ Михайло опять къ ребятишкамъ и тѣ начали смѣяться надъ нимъ: «убирайся ты, чертовъ парень, найденышъ!» Михайло разсердился на нихъ и началъ угощать ихъ кулаками такъ, что кому оторветъ руку, кому—ногу, кому — голову, а кого уложитъ на мѣстѣ такъ, что и не охнетъ. Мужики опять собрались на сходъ, пригласили туда попа и говорятъ ему: «Бачко! мы совсѣмъ не рады твоему найденышу: онъ перебьетъ всѣхъ нашихъ парней; куда хочешь, туда и дѣнь его!» Попъ говоритъ: «куда я его дѣну?» Тѣ отвѣчаютъ: »есть въ такомъ-то мѣстѣ глубокое озеро, а въ этомъ озерѣ живутъ черти; пошли его туда: оттуда онъ не воротится». Пришелъ попъ домой и говоритъ своему найденышу: «ступай, Михайло, въ такое-то мѣсто! тамъ есть озеро, а за чертями этого озера пропадаетъ у меня руга; получи съ нихъ ругу и привези». — «Ладно», сказалъ Михайло и вышелъ изъ избы; запрегъ медвѣдя въ кошеву, сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣхалъ къ озеру и видитъ: стоитъ у озера пень, а на пнѣ сидитъ чертенокъ. Чертенокъ спрашиваетъ: «куда ты, Михайло Поповъ, поѣхалъ?» Онъ отвѣчаетъ: «пріѣхалъ къ вамъ за ругой

отъ бачка; зачѣмъ вы не платите ему руги? «Чертенокъ испугался, упалъ съ пня и скатился клубкомъ въ воду; тамъ, вѣроятно, передалъ слова Михайла Попова отцу и чрезъ минуту вышелъ изъ озера сѣдой, старый чертъ и спрашиваетъ: «что тебѣ надо, Михайло Поповъ?» Михайло отвѣчаетъ: «надо съ васъ получить ругу; послалъ бачко». Чертъ говоритъ: «сперва попробуемъ силу, тогда увидимъ: можешь ли ты требовать съ насъ ругу! айда, побѣжимъ вмѣстѣ! если ты перебѣжишь меня — отдамъ ругу, а если я перебѣгу—мы неповинны платить тебѣ руги». — «Ладно», сказалъ Михайло Поповъ и пошелъ за кусты; тамъ поймалъ зайца и привязалъ его къ кустамъ. Старикъ-чертъ вызвалъ изъ озера вмѣсто себя молодаго чертенка и говоритъ: «бѣги скорѣе!» Михайло Поповъ, скрывшись за кусты, отпустилъ зайца; заяцъ прыгаетъ, какъ птица летитъ, — оставилъ далеко чертенка; чертенокъ бѣжалъ, бѣжалъ— усталъ и вернулся къ отцу. Михайло Поповъ вышелъ изъ-за кустовъ и говоритъ: «что, кто кого перебѣжалъ?» Чертъ отвѣтилъ: «ты; у тебя силы больше. Давай ка, еще попробуемъ силу! будемъ бросать гири вверхъ: кто забросить дальше, у того больше силы».— «Ладно», говоритъ Михайло Поповъ. Чертъ вынесъ изъ озера двѣ гири: одну двухпудовую, другую двухфунтовую; первую отдалъ Михайлѣ Попову, а другую взялъ себѣ и говоритъ чертъ Михайлѣ: «ну, давай, попробуемъ силу!» «Пробуй», отвѣчаетъ Михайло. Чертъ бросилъ двухфунтовую гирю вверхъ и не стало ее видно. Михайло Поповъ взялъ двухпудовую гирю въ правую руку и машетъ ей, говоря: «смотри-ка, какъ далеко заброшу я гирю!» Она останется на облакахъ и обратно не упадетъ. Черту стало жаль гири и говоритъ онъ Михайлѣ Попову: «не бросай эту гирю! она у насъ старинная; пригодится впередъ». Михайло заслонилъ гирю полой платья, замахнулся рукой и говоритъ: «я гирю вашу забросилъ за самыя дальнія облака». Чертъ почесалъ затылокъ и говоритъ: «жалко! гиря была старинная!» и ушелъ онъ за ругой въ озеро. Вдругъ оттуда начали выходить черти смотрѣть на Михайла Попопова. Михайло бросилъ имъ на встрѣчу двухпудовую гирю и сказалъ: «берите назадъ гирю! ее небо не принимаетъ». Черти унесли гирю въ озеро и оттуда начали выносить серебро и золото и, отдавая Михайлѣ Попову, говорятъ: «на, бери, вмѣсто руги деньги, да не поминай лихомъ!» Михайло же отвѣчаетъ: «коли деньги, такъ

давайте полную шляпу». Черти ушли въ озеро за деньгами; между тѣмъ Михайло натянулъ на кошеву пологъ, продѣлалъ въ срединѣ дыру, взялъ свою шляпу, продралъ на верхушкѣ тоже дыру и держитъ надъ пологомъ напротивъ дыры, говоря чертямъ: «ну, сыпьте въ шляпу!» черти сыплютъ въ шляпу, а изъ шляпы деньги сыплются чрезъ дыру въ кошеву. Михайло говоритъ: «сыпьте еще!» Черти носили, носили, наполнили шляпу деньгами, когда наполнилась кошева. Тогда говоритъ Михайло Поповъ одному молодому черту: «ну, запрягись, рогатый чертъ, въ кошеву съ моимъ быкомъ!» Черту стало жаль денегъ; вотъ говоритъ онъ Михайлѣ: «давай-ка еще попробуемъ силу! если ты меня переберешь, деньги твои, а если я тебя—деньги наши». — «Ладно», отвѣчаетъ Михайло; «но мнѣ съ тобой бороться стыдно, какъ слону съ комаромъ, пусть борется съ тобой за меня быкъ». Чертъ согласился. Выпрягъ Михайло медвѣдя и заставилъ бороться съ чертомъ. Борется медвѣдь съ чертомъ; ворочаетъ, ломаетъ его — конецъ приходитъ черту; вотъ онъ говоритъ Михайлѣ: «останови, Михайло Поповъ, своего быка, чтобы онъ больше ужь не боролся со мной! я больше не спорю, возьми деньги; у тебя больше силы!» Остановилъ Михайло медвѣдя, запрегъ его рядомъ съ чертомъ въ кошеву и пріѣхалъ домой. Видитъ попъ, что Михайло пріѣхалъ на чертѣ и медвѣдѣ и испугался ужасно. Заперъ Михайло черта съ медвѣдемъ въ конюшню и говоритъ попу: «ну, бачко, я привезъ тебѣ ругу, куда ее положить?» Попъ пришелъ и видитъ: кошева наполнена золотомъ и серебромъ. Обрадовался попъ и велѣлъ Михайлѣ деньги отнести въ амбаръ. На другой день Михайло говоритъ попу: «ну, бачко, я теперь уйду отъ тебя на всѣ четыре стороны, куда глаза глядятъ». Взялъ черта и медвѣдя изъ засады и отправился. Доходитъ до мельницы и дѣлаетъ черта — мельникомъ, а медвѣдя засыпникомъ:—самъ же пошелъ дальше по горамъ, по полямъ и по доламъ. Вдругъ видитъ рѣку Каму, а на берегу этой рѣки сидитъ Усыня и закручиваетъ усами Каму. Подошелъ Михайло Поповъ къ Усынѣ и говоритъ: «айда, молодецъ! пойдемъ Усынюшка со мною куда глаза глядятъ!» «Пойдемъ!» отвѣчаетъ тотъ. Идутъ они двое по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ и видятъ: стоитъ гора, а у этой горы сидитъ великанъ Горыня и мизинцемъ гору качаетъ. Михайло подошелъ къ

Горынѣ и говоритъ: «айда, молодецъ! пойдемъ, Горынюшка, съ нами куда глаза глядятъ!» «Пойдемъ», отвѣтилъ Горыня; всталъ и пошелъ. Идутъ они трое по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ и видятъ: стоитъ избушка и кругомъ ея заплаты желѣзныя; зашли въ ограду и видятъ тамъ множество воловъ. Вошли въ избушку — въ избушкѣ никого нѣтъ; смотрятъ въ печь—печь топится. Михайло Поповъ говоритъ Усынѣ: «ты, Усынюшка, приготовь здѣсь мясо, а мы съ Горыней пойдемъ гулять» и отправились. Усыня убилъ вола и началъ его жарить на горячихъ угольяхъ; вдругъ изъ подполья выходитъ мужичекъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, а лапти длиной семь четвертей и говоритъ Усынѣ: «Ахъ вы такіе, растакіе! воловъ здѣсь не кормите, а готовое мясо ѣдите!» И началъ онъ Усыню таскать за волосы, бить кулаками, топтать ногами. Билъ, билъ и ушелъ обратно въ подполье. Сидитъ Усыня, плачетъ...

Приходитъ Михайло Поповъ съ Горыней и видя, что волосы на головѣ Усыни растрепаны и на щекахъ видны слезы, спрашиваетъ: «зачѣмъ ты, Усынюшка, плакалъ?» а онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, я не плакалъ». — «А зачѣмъ у тебя слезы?» — «А это — потъ». Горыня спрашиваетъ: «зачѣмъ у тебя, Усынюшка, растрепаны волосы? развѣ кто теребилъ тебя?»—Усыня отвѣчаетъ: «нѣтъ, меня никто за волосы не теребилъ, а волосы растрепалъ вѣтеръ, когда я во дворѣ потрошилъ быка». Наѣлись жаренаго мяса и опять Михайло зоветъ гулять Усыню, а Горынѣ велитъ печь мясо.

Михайло съ Усыней ушли, а Горыня убилъ вола и началъ печь мясо на горячихъ угольяхъ. Вдругъ вышелъ изъ подполья тотъ же мужичекъ и началъ бить Горыню, приговаривая: «ахъ, вы такіе, растакіе! воловъ здѣсь не кормите, а готовое мясо ѣдите!» билъ, билъ и ушелъ обратно въ подполье. Сидитъ Горыня и плачетъ. — Приходитъ Михайло Поповъ съ Усыней и спрашиваетъ: «не билъ ли кто тебя, Горынюшка,—у тебя волосы растрепаны и слезы на щекахъ?» Горыня отвѣчаетъ: «нѣтъ, никто меня не билъ; на щекахъ у меня выступилъ потъ, когда я стоялъ у печи, а волосы растрепалъ вѣтеръ, когда я потрошилъ быка въ оградѣ». Наѣлись мяса и Михайло Поповъ посылаетъ гулять Усыню съ Горыней, а самъ остается дома и начинаетъ стряпать кушанье. Съ

нимъ повторяется таже исторія, что и съ его товарищами, т. е. изъ подполья вышелъ мужичекъ и набросился на Михайла; Михайло избилъ мужичка и еле живаго притащилъ въ ограду, поднялъ одинъ уголъ избы и подсунулъ туда бороду мужичка, а самъ вошелъ въ избу. Скоро вернулись Усыня и Горыня. Михайло разсказалъ имъ, какъ было дѣло и попенялъ на нихъ, зачѣмъ они скрыли отъ него, что съ ними было въ его отсутствіе. Закусивши жаренымъ мясомъ, они отправляются посмотрѣть на мужичка; пришли къ углу и видятъ подъ угломъ лежитъ только одна борода, а мужичка нѣтъ. Долго они его искали, но нигдѣ не могли найти; только видятъ среди ограды большую нору и догадались, что мужичекъ спустился туда. Михайло Поповъ отыскалъ веревку и предложилъ Усынѣ съ Горыней спуститься туда, но они оба оказались трусами,—побоялись спуститься въ нору; тогда Михайло, съ помощью ихъ, спустился самъ и очутился на сѣромъ свѣтѣ. Постранствовалъ онъ по сѣрому свѣту дня два; наконецъ, видитъ у дороги избушку. Входитъ въ нее; тамъ сидитъ дѣвушка и шьетъ бумажное платье. На вопросъ дѣвушки, куда онъ идетъ, Михайло отвѣчаетъ: «ищу мужичка съ длинной бородой». Дѣвушка говоритъ, что этотъ мужичекъ приходится ей роднымъ дѣдомъ и уѣхалъ въ теплыя страны отращивать себѣ бороду. Михайло предлагаетъ этой дѣвушкѣ идти съ нимъ; она соглашается и, взявъ въ руки яичко, бросаетъ его на полъ. Яичко катится по полу и избушка свертывается въ него. Взяла дѣвушка это яичко и положила его за пазуху.

Идутъ они вдвоемъ дальше и на встрѣчу имъ попадается опять избушка. Заходятъ въ нее и видятъ, сидитъ дѣвушка и шьетъ шерстяное платье. «Куда ты идешь, Михайло Поповъ?» спрашиваетъ она. «Иду искать мужичка; онъ обидѣлъ моихъ товарищей», отвѣчаетъ Михайло. Дѣвушка говоритъ: «онъ мой дѣдъ и уѣхалъ на теплыя моря отращивать себѣ бороду». «Иди со мной, дѣвушка!» говоритъ Михайло. Дѣвушка согласилась; взяла яичко, покатила его по полу и вся избушка свернулась въ это яичко; дѣвушка положила яичко себѣ за пазуху. Пошли они втроемъ. Идутъ и встрѣчаютъ у дороги третью избушку. Вошедши въ нее, увидѣли дѣвушку, которая шила шелковое платье. Она также спросила, куда идетъ Михайло, и когда Михайло сказалъ, что отыскиваетъ му-

жичка, который обидѣлъ его товарищей, она говоритъ: «онъ мой дѣдъ и уѣхалъ на теплыя моря отращивать бороду». Михайло предложилъ и этой дѣвушкѣ идти съ нимъ. Она свернула свою избушку въ яичко, которое, какъ и тѣ дѣвицы, положила за пазуху и отправилась съ Михайломъ. Идутъ они четверо по сѣрому свѣту и доходятъ до такого мѣста, гдѣ надъ ними виситъ каменный потолокъ, въ которомъ находится отверстіе. Остановился Михайло подъ этимъ отверстіемъ и кричитъ наверхъ: «Усыня и Горыня! спускайте сюда веревку!» Тѣ спустили. Михайло отправилъ по этой веревкѣ, поочередно, каждую дѣвушку и началъ подниматься самъ. Но Усыня и Горыня, видя трехъ дѣвушекъ, рѣшили, что Михайло теперь не будетъ любить ихъ, а будетъ любить этихъ дѣвушекъ и не вытащили Михайла, а спустили туда веревку. Закручинился Михайло, когда увидѣлъ, что ему пришлось остаться на сѣромъ свѣтѣ. Идетъ онъ и видитъ большую гору, у которй бѣгаетъ котикъ. Михайло говоритъ ему: «я тебя убью, котикъ!»— «Не бей меня, Михайло!» взмолился котикъ;—«я тебѣ пригожусь». Михайло оставилъ его живымъ и пошелъ дальше. Видитъ на озерѣ плаваетъ утка; онъ собирается ее убить, но утка проситъ пощадить, говоря: «я тебѣ еще пригожусь!» Михайло не убиваетъ утку и отправляется дальше. Идетъ онъ по сѣрому свѣту, вдругъ видитъ, что его со всѣхъ сторонъ окружаетъ вода и онъ очутился на кочкѣ. Что дѣлать? горюетъ Михайло. Вдругъ подплываетъ къ нему уточка и говоритъ: «садись на меня, Михайло! я тебя перевезу». Михайло сѣлъ на утку и поплылъ. Дорогою уточка говоритъ Михайлѣ: «я тебя уроню, Михайло!» а онъ отвѣчаетъ; «не роняй меня, уточка! вѣдь я-жь тебя не убилъ! не губи и ты меня». Не уронила уточка Михаила Попова и онъ благополучно переплылъ. Поблагодаривъ ее за перевозъ, пошелъ дальше. Идетъ онъ по сѣрому свѣту и видитъ, стоитъ большая гора, а подъ этой горой бѣгаетъ котикъ. Задумался Михайло, какъ подняться на крутую гору. Подбѣгаетъ къ нему котикъ и говоритъ! «садись на меня, Михайло Поповъ! я перевезу тебя на гору». Сѣлъ Михайло на котика и ѣдетъ. Ѣхали, ѣхали, вдругъ котикъ говоритъ: «я тебя уроню, Михайло Поповъ!» а онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, не роняй меня я тебя не убилъ и ты меня не губи!» Ѣдутъ, ѣдутъ, опять говоритъ котикъ: «Я тебя уроню, Михайло Поповъ; силы нѣтъ больше

везти тебя: ѣсть хочу». Дѣлать нечего, отрѣзалъ Михайло отъ икры своей ноги немного мяса, покормилъ котика и поѣхали дальше. Ѣхали, ѣхали и спрашиваетъ котикъ: «что видишь ли, Михайло Поповъ, бѣлый свѣтъ?» Михайло отвѣчаетъ: «вижу, будто начинаетъ свѣтать». Ѣхали, ѣхали и опять говоритъ котикъ: «Я тебя уроню, Михайло Поповъ! силы нѣтъ, ѣсть хочется». Михайло отрѣзалъ отъ икры другой ноги кусокъ мяса и покормилъ котика. Поѣхали дальше. Опять спрашиваетъ котикъ: «что, видишь ли, Михайло Поповъ, бѣлый свѣтъ?» Михайло отвѣчаетъ: «вижу, что солнышко уже всходитъ». Наконецъ, котикъ говоритъ Михайлѣ: «я тебя уроню, Михайло Поповъ!» а онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, не роняй меня, котикъ! я тебя не убилъ и ты меня не губи». Ѣхали, ѣхали и пріѣхали на бѣлый свѣтъ. Поблагодарилъ Михайло Поповъ котика и ушелъ. Идетъ онъ по бѣлому свѣту и встрѣчается съ нимъ беззубый старичекъ. Спрашиваетъ Михайло Поповъ старика: «не знаешь ли ты, дѣдушка, Усыню да Горыню?» старичекъ отвѣчаетъ: «знаю; они живутъ въ тридцати верстахъ отсюда съ тремя дѣвушками, но къ себѣ, кромѣ меня, никого не пускаютъ; а если кто придетъ, то убиваютъ». Перемѣнился Михайло Поповъ одеждой со старикомъ, притворился самъ беззубымъ старикомъ и пошелъ къ Усынѣ да Горынѣ; подошелъ къ ихъ жилищу и кричитъ съ присвистомъ, какъ беззубый старикъ: «пустите-ка меня, Усынюшка, да Горынюшка, къ вамъ!» тѣ отвѣчаютъ: «иди, дѣдушка, иди! ты намъ знакомый». Пришелъ къ нимъ Михайло Поповъ и убилъ ихъ, а самъ началъ жить припѣваючи съ дѣвушками. (Сказка эта разсказана въ селѣ Сосновкѣ русскимъ крестьяниномъ Капитономъ Семеновымъ Анисимовымъ, живущимъ съ вотяками; разсказываютъ ее и вотяки на вотскомъ языкѣ).

Нюлэсь-Мурть. 1. (Разсказъ крестьянина поч. Ворчина Шаркансваго прихода Якова Григорьева). Нюлэсь-Муртъ—старикъ вышиной съ телеграфный столбъ, собою страшный; онъ, впрочемъ, принимаетъ разные виды: кого не любитъ, тому кажется страшнымъ, кого любитъ—обыкновеннымъ человѣкомъ. Лѣтомъ 1885 года односелецъ нашъ, Антонъ Кузьминъ, разсказывалъ слѣдующее: братъ его ѣздилъ въ почин. Ляльмуръ въ гости на верховой лошади и возвращался обратно домой. Ѣдетъ онъ и со скуки распѣваетъ любимую пѣсенку. Доѣхалъ до березы, стоящей у самой дороги и вдругъ под-

нялся сильный вѣтеръ; посмотрѣлъ на лѣво—и о ужасъ! идетъ огромнаго роста Нюлэсъ-муртъ и бросаетъ землю во всѣ стороны. «Я, говоритъ онъ, со страху чуть не упалъ съ коня. Хорошо что не остановился и прошелъ, а то бы не знаю, что было».

Къ этому разсказу мы нелишнимъ считаемъ приможвить свое мнѣніе: по повѣрью инородцевъ, лѣшій ходитъ въ вихрѣ; вѣроятно братъ Антона Кузьмина встрѣтился съ вихремъ, крутящимъ столбъ пыли и песку въ родѣ смерчи и это очевидцу показалось лѣшимъ-великаномъ.

2. Попъ (жрецъ) Иванъ Аѳанасьевъ принесъ въ Лудъ-кенерѣ въ жертву Нюлэсъ-Мурту краденую утку. Случилась ему зимой поѣздка въ починокъ Байбеково въ гости къ родственникамъ. Погостилъ онъ какъ надо и возвращается домой ночью. Доѣхалъ до перелѣска и захотѣлъ покурить; вынулъ трубку изъ-за пазухи и изъ рукъ выронилъ въ сани, а въ саняхъ было соломы много. Ищетъ, ищетъ онъ трубку—не находитъ. Вылѣзъ изъ саней и шаритъ руками къ соломѣ; трубка нашлась; набилъ ее табакомъ и закуриваетъ... Вдругъ изъ перелѣска слышитъ голосъ Нюлэсъ-Муртъ, который говоритъ ему: «зачѣмъ, Иванъ, свою утку мнѣ жалѣешь?» Иванъ пообѣщался принести въ жертву свою утку и голоса Нюлэсъ-мурта больше не слыхалъ.

Въ слѣдующей же день попъ взялъ утку и отправился принести жертву Нюлэсъ-мурту въ то мѣсто. гдѣ онъ слышалъ голосъ Нюлэсъ-мурта.

3. Въ ночь на Великій Четвертокъ ушли слушать въ баню трое—двѣ дѣвушки и одинъ мужчина. Слушали, слушали—не выслушали ничего. Дѣвушки зовутъ мужчину домой, говоря ему, что стоять въ банѣ незачѣмъ: никакихъ звуковъ не слышно.

— Ступайте, дѣвки, домой; я останусь одинъ—говоритъ мужчина и остается въ банѣ одинъ.

— А не будешь бояться?

— Нѣтъ, идите!

Дѣвушки ушли и мужчина остался въ банѣ одинъ.

Вдругъ глазамъ мужчины представился на полу огонекъ. Явился къ огню Лѣшій и постлалъ чистую скатерть, на скатерть насыпалъ груду золота и блеститъ оно какъ огонь. Лѣшій отдаетъ золото мужчинѣ и говоритъ ему: «Иди домой и спрячь золото. Если тебѣ

на встрѣчу попадутъ люди и будутъ что нибудь спрашивать, ты молчи: это—Шайтаны; какъ отвѣтишь—лишишься денегъ».

Взялъ мужикъ деньги и пошелъ домой. На встрѣчу попадаетъ человѣкъ и говоритъ: здорово! мужикъ, не отвѣтивши, идетъ впередъ. Опять на встрѣчу идетъ священникъ и говоритъ: здорово! —онъ не отвѣчаетъ. Вотъ взбирается мужчина на крыльцо. На крыльцѣ стоитъ знакомый священникъ.

— Зачѣмъ не заходишь въ избу? спрашиваетъ мужчина.

— Тебя встрѣчаю—говоритъ священникъ.

— Заходи въ избу.

Какъ только промолвилъ мужчина послѣднее слово, не стало видно ни священника, ни денегъ съ нимъ.

На другой день увидѣлъ мужчину Нюлэсъ-муртъ и спрашиваетъ:

— Сохранилъ-ли деньги?

— Отъ двухъ сохранилъ, а третій обманулъ—отвѣчаетъ мущина.

4. Нюлэсъ-муртъ съ Ву-Муртомъ задумалъ воевать: кто кого побѣдитъ! Думалъ онъ долго, какъ начать дѣло; увидѣлъ онъ однажды солдата и говоритъ: «солдатъ! айда мнѣ въ товарищи воевать съ Ву-муртомъ». Солдатъ согласился. Пришли къ озеру и кричатъ: «Ву-муртъ! выходи сражаться!» Ву-муртъ вышелъ изъ воды и бросилъ въ Нюлэсъ-мурта камнемъ; солдатъ бросилъ въ озеро крестикъ и Ву-муртъ не могъ уже зайти въ озеро и издохъ на берегу. Нюлэсъ-муртъ взялъ солдата на плечи, свиснулъ и понесъ его, какъ вѣтеръ, такъ быстро, что съ головы солдата слетѣла шапка; Нюлэсъ-муртъ вернулся за шапкой солдата, принесъ ее и пошли опять. Пришли къ Нюлэсъ-мурту въ гости и онъ подарилъ солдату цѣлую шапку золота. Воротился солдатъ домой. Вечеромъ пришелъ Нюлэсъ-муртъ къ солдату и проситъ золото обратно. Жена солдата вмѣсто золота отдала Нюлэсъ-мурту лошадиную голову и онъ, оставшись доволенъ, взялъ лошадиную голову и ушелъ.

5. Охотникъ бродилъ въ лѣсу съ ружьемъ и заблудился. Увидѣлъ избушку и зашелъ въ нее, а она была Нюлесъ-Муртова; охотникъ же не зналъ этого. Вотъ, когда онъ зашелъ въ избушку, ребятишки Нюлэсъ-Мурта начали душить его. Вдругъ явился самъ Нюлэсъ-Муртъ и недалъ ребятишкамъ погубить охотника. Нюлэсъ-Муртъ говоритъ охотнику:

«ты будешь у меня работником; пойдешь воевать съ Ву-Муртомъ» и взялъ его съ собой. Пришли къ мельницѣ. Нюлэсъ-Муртъ вырвалъ у мельницы съ корнемъ большое дерево и давай имъ шарить въ омутѣ ниже мельницы, гдѣ жилъ Ву-Муртъ. Ву-Муртъ вышелъ и охотникъ бросилъ въ его жилище, по повелѣнію Нюлэсъ-Мурта, съ шеи крестикъ. Изъ воды вышли всѣ черти. Нюлэсъ-Муртъ, выживши изъ воды чертей, ушелъ домой и, взявши золота, вышелъ изъ своей избы и велѣлъ охотнику сѣсть на свою спину; охотникъ сѣлъ и помчались быстрѣе вѣтра. Нюлэсъ-Муртъ положилъ золото на лавку охотника и лавка отъ тяжести переломилась. Нюлесъ-Мурту стало жаль денегъ и онъ сталъ просить ихъ обратно; тогда охотникъ велѣлъ своей женѣ надѣть на Нюлэсъ-Мурта крестикъ. Нулэсъ-Муртъ испугался и удралъ во свояси. (Записано со словъ крестьянина села Сосновки Григорія Ерофѣева.)

6. Нюлэсъ-муртъ съ Ву-муртомъ завели однажды споръ. Нюлэсъ-муртъ говоритъ: «я какъ свисну, такъ поднимется такой вѣтеръ, что снесетъ и разметаетъ всѣ крыши строеній». Ву-муртъ говоритъ: «а я какъ захочу, такъ сдѣлаю на мѣстѣ рѣки сушу». Нюлэсъ-муртъ свиснулъ и поднялся сильный вѣтеръ и вѣтромъ разметало крыши всѣхъ строеній. Вумуртъ ушелъ изъ рѣки вмѣсто воды сдѣлалась суша. (Со словъ Саввы Семенова).

Кузь пинё-муртъ. У одного человѣка потерялась лошадь. Сыновей у него не было, потому онъ послалъ искать ее своихъ трехъ дочерей.

Онѣ зашли въ лѣсъ и услышали вдругъ ржаніе лошади; пошли далѣе и видятъ на суку елки колоколецъ; идутъ дальше и видятъ избушку; зашли въ нее; тамъ сидитъ человѣкъ съ длиными зубами, собой страшный; онѣ спрашиваютъ его, не видалъ ли онъ ихъ лошадь? Длиннозубый отвѣчаетъ: «видѣлъ ее и знаю, гдѣ она, но посидите немножко у меня!» Дѣвушки сѣли на лавку, а длиннозубый вышелъ изъ избы и принесъ дѣвушкамъ изжареные человѣческіе пальцы и потчуетъ ими; дѣвушки сдѣлали видъ, будто ѣдятъ, а сами бросаютъ пальцы подъ лавку; длиннозубый вышелъ изъ избы, принесъ большую ступу, въ которой толкутъ бѣлье, и говоритъ: «кто перескочитъ чрезъ эту ступу, того пущу, а кто нѣтъ, тотъ останется у меня». Младшая и средняя перескочили, а старшая — нѣтъ; и оставилъ онъ старшую у себя, а

младшую и среднюю отпустилъ. Послалъ длиннозубый дѣвушку на мельницу, находящуюся въ лѣсу же въ глуши; сидитъ тамъ дѣвушка и плачетъ; вдругъ прибѣгаетъ заяцъ и говоритъ «садись на меня, дѣвушка я вывезу тебя!» Дѣвушка сѣла на зайца и ѣдетъ на немъ.—Вдругъ видятъ, что за ними гонится длиннозубый и бросилъ впереди зайца большой пестъ; заяцъ оставилъ дѣвушку. Длиннозубый привелъ ее къ мельницѣ и оставилъ. Прибѣгаетъ лисица и говоритъ: «садись на меня, дѣвушка!» Дѣвушка сѣла и ѣдетъ; опять длиннозубый догналъ ихъ, бросилъ пестомъ и дѣвушка осталась. Потомъ пришелъ волкъ и опять случилось тоже; наконецъ, приходитъ худая лошаденка, вся въ грязи и пометѣ, и говоритъ ей: «садись на меня, дѣвушка!» дѣвушка говоритъ: «какъ я сяду на тебя, такую грязную?» лошадь отвѣчаетъ: «садись, я увезу тебя!» дѣвушка взяла травы, обтерла бока ей и сѣла. Ѣдетъ дѣвушка и вдругъ откуда ни возьмись — длиннозубый; догналъ ихъ и хочетъ дѣвушку поймать, но лошаденка опакостила его и онъ остался; такимъ образомъ дѣвушка и спаслась.

(Эти двѣ сказки записаны со словъ крестьянина села Сосновки Степана Алексѣева).

Истребленіе Кузьпинё-Муртовъ. Три брата ушли лѣсовать и зашли по ошибкѣ въ избушку Кузьпинё-Муртовъ. Тамъ сидитъ главный Кузьпинё-Муртъ. Онъ велѣлъ имъ всѣмъ зайдти въ подполье; они зашли. Кузьпине-Муртъ накалилъ печь до красна и зоветъ изъ подполья старшаго брата. Онъ вышелъ и Кузьпинё-Муртъ велитъ ему лечь на хлѣбную лопату для того, чтобы бросить его въ печь. Охотникъ ложится, но не вдоль, а поперекъ и Кузьпинё-Муртъ не можетъ бросить его въ печь; тогда Кузьпинё-Муртъ, чтобы показать примѣръ, легъ самъ на лопату вдоль и охотникъ бросилъ его въ печь, закрылъ печь заслонкой и зашелъ въ подполье. Чрезъ нѣсколько времени приходитъ другой Кузьпинё-Муртъ и, втягивая въ носъ молосный запахъ, говоритъ: «ахъ, жаркимъ пахнетъ!» Открылъ онъ печь, вынулъ жаркое и съѣлъ его. Потомъ онъ зоветъ средняго брата изъ подполья. Вышелъ вмѣсто средняго старшій же и опять велитъ лечь ему на хлѣбную доску, чтобы бросить въ печь. Онъ легъ поперекъ и не пролѣзъ въ печь; тогда Кузьпинё-Муртъ легъ самъ вдоль и охотникъ бросаетъ его. Чрезъ нѣсколько времени приходитъ третій Кузьпинё-Муртъ. Втягивая въ носъ за-

пахъ жаркаго говоритъ: «ахъ, жаркимъ пахнетъ!» Съѣлъ жаркое— не оставилъ и костей. Зоветъ младшаго брата, чтобы опять бросить въ печь. Вышли всѣ три брата. Кузьпинё-Муртъ испугался и говоритъ: «не троньте меня, берите все, что найдете у насъ, только меня не губите». Братья не послушались его, убили и ушли. Такъ истребили они трехъ Кузьпинё-Муртовъ. (Сказка Григорія Ерофѣева, крестьянина села Сосновки).

Три монеты. Одинъ человѣкъ уѣхалъ на лошади ворожить въ лѣсъ. Слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву, а самъ отошелъ въ сторону слушать; а чтобы нечистая сила не могла коснуться его, обвелъ около себя черту и стоитъ—слушаетъ. Вдругъ прискакалъ заяцъ и говоритъ: «что тебѣ надо?» Мужикъ ни слова. Приходитъ лисица и говоритъ: «что тебѣ надо?» Мужикъ ни слова. Приходятъ затѣмъ волкъ и медвѣдь и тоже спрашивали, но мужикъ ничего не сказалъ и они ушли, а за черту никто переходить не могъ. Въ полночь приходитъ Шайтанъ и говоритъ: «что тебѣ надо»? Мужикъ отвѣчаетъ: «что дашь, то и возьму!» Шайтанъ отдалъ ему монету и ушелъ; въ другой разъ приходитъ и тоже спрашиваетъ: «что тебѣ надо?» мужикъ отвѣчаетъ: «что дашь, то и возьму»! Шайтанъ отдалъ ему монету и ушелъ; въ третій разъ приходилъ и тоже отдалъ монету и ушелъ. Сѣлъ мужикъ на лошадь и поскакалъ. Вдругъ онъ видитъ, что за нимъ гонятся шайтаны. Мужикъ гонитъ лошадь пуще. Вдругъ запѣлъ пѣтухъ—и не стало никого. Мужикъ тремя монетами сильно разбогатѣлъ: что купитъ онъ на базарѣ, монеты идутъ обратно въ его карманъ. (Разсказъ этотъ списанъ со словъ крестьянина починка Бызинова, Саввы Семенова).

Косякъ. У отца были три сына: двое умныхъ и третій дуракъ. Умеръ отецъ и братья раздѣлили между собой все имѣніе, а дураку дали только косякъ. Ѣдетъ онъ по дорогѣ лѣсомъ и видитъ, вдали идутъ по дорогѣ какіе-то люди. Взобрался дуракъ съ косякомъ на большую ель и сидитъ тамъ ни живъ, ни мертвъ. Между тѣмъ люди эти пришли и постлали подъ ель войлокъ, высыпали изъ кошельковъ на него все золото и серебро и считаютъ, кому сколько достанется. Это были разбойники. Дуракъ задрожалъ и уронилъ косякъ на деньги воровъ; воры испугались и убѣжали! Дуракъ слѣзъ съ елки, собралъ деньги и ушелъ домой. Съ той

поры онъ началъ торговать и разбогатѣлъ. (Со словъ крестьянина починка Бызинова Саввы Семенова).

Пѣтухъ и лисица. Пѣтухъ посѣялъ горохъ, а лисица стала воровать. Однажды пѣтухъ побѣжалъ въ погоню за лисицей, укравшей его горохъ, и встрѣчается съ уткой. Пѣтухъ говоритъ уткѣ: «утка! айда со мной въ погоню за лисицей: она украла у меня горохъ». Утка говоритъ: «нѣтъ, пѣтухъ, не пойду: лисица меня съѣстъ». Бѣжитъ пѣтухъ, встрѣчается съ гусемъ и зоветъ его въ погоню за лисицей; гусь не идетъ. Наконецъ встрѣчается пѣтухъ съ зайцемъ и зоветъ его въ погоню за лисицей. Заяцъ согласился и поскакалъ впереди пѣтуха; доскакалъ до грани, гдѣ стоитъ яма, а въ этой ямѣ—вода съ горохомъ, брошеннымъ лисицей; пѣтухъ не взялъ гороха, а все гонится за лисицей. Догналъ лисицу у ямы съ водой и началъ ругаться и ссориться; заяцъ стоитъ и слушаетъ; лисица побѣжала, пѣтухъ летитъ за ней, заяцъ скачетъ. Лисица, видимо, устала и, растянувшись, притворилась мертвой; заяцъ ускакалъ, оставивъ пѣтуха, а пѣтухъ стоитъ у лисицы. Видитъ лисица, что пѣтухъ одинъ; вспрыгнула и цапъ пѣтуха за горло; задушила и утащила пѣтуха въ лѣсъ, гдѣ его и съѣла. (Записана отъ крестьянина починка Бызинова Ивана Данилова).

Легенда. Въ древнее время Богъ ходилъ по землѣ. Встрѣтилъ онъ однажды осу и попросилъ у ней меду; но оса по скупости не дала, говоря, что у ней нѣтъ меду и для себя. Богъ сказалъ за это осѣ: «пусть не будетъ у тебя и для себя!» поэтому у ней медъ только для себя. Встрѣтилъ еще пчелу и пчела сказала: «у меня есть медъ и для себя и для людей». Богъ сказалъ ей: «пусть будетъ у тебя и для себя и для людей и для Меня еще воскъ».

Безстрашный дворянинъ. Солдатикъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ и не видѣлъ ни страха, ни царя. Начальство его посылаетъ на родину. Не видавши въ теченіи своей службы ни страха, ни царя, онъ говоритъ своимъ начальникамъ: «чтобы стоило вамъ показать мнѣ хоть однажды царя!» Доложили объ этомъ царю и царь потребовалъ солдата къ себѣ во дворецъ.—Здорово служивый!—говоритъ ему царь.—Здравія желаю Вамъ, Ваше Величество!—отвѣчаетъ солдатъ.—Ну, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ?—Прослужилъ я, Ваше Величество, двадцать пять лѣтъ—и не ви-

далъ ни страха, ни тебя; вотъ и пришелъ посмотрѣть на васъ.—Хорошо, сказалъ царь: ступай къ парадному крыльцу и потереби моихъ курицъ!—А это значило не впускать къ царю во дворецъ никакихъ генераловъ безъ денегъ. Солдатъ вышелъ и сталъ у дверей передняго крыльца. Приходятъ разныя высокопоставленныя лица, генералы и проч. Солдатъ ихъ не пускаетъ безъ денегъ. Дѣлать нечего, они даютъ ему денегъ. На другой день царь призываетъ солдата къ себѣ и говоритъ: ну, что? потеребилъ моихъ курицъ?—Потеребилъ, Ваше Величество, будетъ мнѣ на дорогу, отвѣчалъ солдатъ.—Молодецъ, будь ты за храбрость *«Безстрашный дворянинъ»*. Сверхъ этого чина я дарю тебѣ въ слуги Ермошку, пару коней изъ моей царской конюшни и золотую карету; снабжаю тебя билетомъ,—отправляйся на всѣ четыре стороны свѣта.—Сѣлъ Безстрашный дворянинъ въ золотую карету, взялъ на козлы Ермошку и поѣхалъ въ другое царство. Ѣхали, ѣхали—доѣхали до двухъ дорогъ, а между ними стоитъ столбъ съ надписью: «на право поѣдешь—счастье найдешь; на лѣво поѣдешь—убитъ будешь». Куда ѣхать? Безстрашный дворянинъ подумалъ и сказалъ Ермошкѣ: «поѣзжай на лѣво». Ермошка испугался, но дѣлать нечего: выше господина не будешь. И поѣхали они по лѣвой дорогѣ. Ѣхали, ѣхали—увидали на дорогѣ мертвое тѣло. Безстрашный дворянинъ говоритъ Ермошкѣ: «принеси сюда это мертвое тѣло». Идетъ Ермошка... подходитъ къ тѣлу и съ испугу трясется всѣмъ тѣломъ. Видитъ Безстрашный дворянинъ, что Ермошка боится мертваго тѣла, какъ трусливая баба, и пошелъ за мертвымъ тѣломъ самъ. Взялъ его и положилъ въ карету возлѣ себя. Опять они ѣдутъ. Ѣхали, ѣхали и видятъ на березѣ повѣшеннаго уже мертваго. Безстрашный дворянинъ посылаетъ своего слугу: «ступай, Ермошка, разсѣки веревку и принеси тѣло сюда». Ермошка идетъ—весь трясется отъ страху. Вышелъ Безстрашный изъ кареты и пошелъ къ мертвому тѣлу самъ; пересѣкъ веревку, на которой висѣло тѣло, взялъ тѣло, принесъ и положилъ въ карету на другую сторону себя.—Ну, теперь не бойся, Ермошка: насъ четверо, говоритъ Безстрашный. Ѣдутъ они все лѣсомъ. Доѣхали до огромнаго дома, принадлежащаго, какъ оказалось, разбойникамъ. Безстрашный, не спросясь никого, заѣхалъ во дворъ; Ермошкѣ приказалъ коней увести въ конюшню, а самъ зашелъ въ избу. За столомъ въ избѣ

обѣдають, какъ видно по свирѣпымъ рожамъ, разбойники; въ переднемъ углу сидитъ самъ атаманъ съ большой ложкой въ рукѣ. Атаманъ говоритъ Безстрашному: «ты—русскій, тебя сдѣлаемъ жаркимъ: мясо руссака вкусно—онъ хлѣба много жрётъ». Безстрашный, ничего не говоря, подходитъ къ столу, вырываетъ изъ рукъ атамана большую ложку и пробуетъ щи. «Кисло, дрянь!.. вотъ тебѣ жаркое»! говоритъ атаману Безстрашный, ударяя его по лбу ложкой. Атаманъ вытаращилъ глаза и смотритъ, что за человѣкъ такой дерзкій? Входитъ въ избу Ермошка... «Принеси-ко Ермошка, изъ кареты хорошаго судака»—говоритъ Безстрашный Ермошкѣ. Ермошка притащилъ мертвое тѣло. Безстрашный взялъ со стола разбойниковъ ножъ и началъ рѣзать мертвое тѣло... отрѣзалъ кусокъ, понюхалъ и говоритъ: «пахнетъ! дрянь! принеси другаго» Ермошка принесъ другое. Безстрашный отрѣзалъ кусокъ, понюхалъ и плюнулъ: «тьфу! и этотъ судакъ пахнетъ». Разбойники со страху обезумѣли. «Давай свѣжихъ!» крикнулъ Безстрашный Ермошкѣ... Ермошка съ испугу вздрогнулъ самъ и сползли съ него штаны. «Давай скорѣй!» кричитъ Безстрашный... Ермошка идетъ къ столу, подинмая штаны, и трясется какъ осиновой листъ. Разбойники выбѣжали изъ избы, остался только одинъ атаманъ. Безстрашный ударилъ атамана по лбу большой ложкой и убилъ его; потомъ онъ выгребъ у нихъ все награбленное золото, сѣлъ и поѣхалъ впередъ. Ѣхали, ѣхали—доѣхали до королевства. Подъѣзжаютъ къ городу, и тамъ на балконѣ дворца король смотритъ въ подзорную трубу и удивляется: кто это такой въ золотой каретѣ ѣдетъ? Доѣхали до дворца и король спрашиваетъ Безстрашнаго что за человѣкъ онъ, откуда и что ему дано? Безстрашный, назвавъ себя безстрашнымъ дворяниномъ, сказалъ что онъ ѣздитъ по другимъ царствамъ, ища приключеній. «Мнѣ вотъ такихъ-то и надо»—говоритъ король. «Недалеко отсюда, на островѣ, есть у меня отличный дворецъ, да поселился въ немъ чертъ и укралъ у меня старшую дочь, которую я любилъ больше всѣхъ; ступай ты на островъ, выживи изъ моего дворца черта, приведи ко мнѣ дочь. Если исполнишь это—возьми изъ трехъ моихъ дочерей любую и въ добавокъ еще получишь половину моего королевства; если не исполнишь—простись съ головой».—«Ладно», говоритъ Безстрашный, «исполню Ваше приказанье». Оставилъ Безстрашный карету съ деньгами и коней у ко-

роля и пошелъ съ Ермошкой къ озеру, среди котораго находился дворецъ; сѣлъ въ лодку и поплылъ по озеру, а Ермошка остался на берегу. Переплылъ озеро и дошелъ до двőрца. Зашелъ во дворецъ и видитъ въ прихожей на окнѣ мѣдную трубку черта. Взялъ трубку и закурилъ и надымилъ; дымъ прошелъ и въ другія комнаты. Вдругъ въ одной изъ комнатъ слышитъ онъ голосъ черта, который говоритъ: «а, руссакъ! русскаго духу здѣсь еще не было слышно. Ступай-ко, чертенокъ, помни ему хорошенько бока». Чертенокъ прибѣжалъ къ Безстрашному. Безстрашный взялъ его за хвостъ и выбросилъ за окно. Чертъ посылаетъ другаго чертенка. Безстрашный бросилъ и того; посылаетъ третьяго—третьяго такаяже участь постигла. Видитъ чертъ, что чертенята не возвращаются и пошелъ самъ. Безстрашный, взявъ его за хвостъ да за рога, согнулъ въ бараній рогъ и выбросилъ за окно. Потомъ пошелъ по комнатамъ искать королевскую дочь. Нашелъ ее сидящей у кровати, и возлѣ нее сторожа—чертенка. Чертенка выбросилъ за окно, а королевскую дочь взялъ за руки и повелъ изъ избы. Сѣлъ съ ней въ лодку и поплылъ обратно. Вдругъ множество чертенятъ схватились за лодку, чтобы опрокинуть ее. Бестрашный, чтобы испугать чертенятъ, кричитъ: «огня!, давайте скорѣе, огня, все озеро сожгу!» Чертенята испугались и нырнули въ воду. Привелъ Безстрашный дочь къ королю. И говоритъ король Безстрашному: «Молодецъ, Безстрашный! выбери изъ трехъ моихъ дочерей любую и получи половину моего королевства». Безстрашный выбралъ меньшую дочь и получилъ половину королевства. Пожилъ немного съ молодушкой и говоритъ: «зачѣмъ я живу дома? Пойду еще странствовать по свѣту,—не увижу ли какихъ страстей». Жена говоритъ: «какіе еще тебѣ страсти? хуже чертей на свѣтѣ нѣтъ страстей, а чертей выжить изъ дворца тебѣ и плевка не стоило». «Однако пойду, погуляю еще, авось и увижу что нибудь». И пошелъ Безстрашный искать страшныхъ приключеній. Захотѣлось ему отдохнуть на берегу рѣки; легъ недалеко отъ рѣки, положилъ голову на чурбанъ и уснулъ. Во время сна его взошла туча и полился сильный дождь. Рѣка вышла изъ береговъ и вода окружила и его; еще прошло нѣсколько минутъ — и водой покрыло его самаго, только осталась на верху одна голова. Вотъ одинъ ёршикъ видитъ за пазухой Безстрашнаго хорошее мѣстечко; забрался туда и живетъ

тамъ. Между тѣмъ дождь пересталъ идти, вода ушла въ берега и стало вездѣ сухо, а Безстрашный все спитъ, Вдругъ перевернулся онъ на другой бокъ и плавникъ ерша началъ колоть его. Безстрашный соскочилъ съ мѣста—и давай бѣжать, крича во все горло: «ой, батюшки! ой, батюшки! кто-то есть». Изъ за пазухи выпалъ ёршъ. «Ну ужъ такой страсти не видалъ, думаю, никто!» говоритъ онъ, идя обратно къ женѣ. И живутъ они—поживаютъ да добра наживаютъ. (Сказка эта записана со словъ крестьянина поч. Арланова, Павла Михайлова).

Кукрѝ-бабá. Весной мать послала своихъ трехъ дочерей въ лѣсъ за метлами для подметанія сору и дѣвушки заблудились въ лѣсу. Бродили, бродили въ лѣсу и устали. Что дѣлать? Вотъ одна изъ сестеръ взобралась на высокое дерево и осматриваетъ кругомъ—не увидитъ ли какую нибудь поляну. Смотрѣла и говоритъ: «далеко отсюда всходитъ къ небу синій дымокъ какъ ниточка». Вторая сестра не повѣрила и взобралась на ель. Смотритъ въ одну сторону и говоритъ: «далеко отсюда къ небу идетъ синій дымокъ толщиною съ палецъ». Третья сестра не повѣрила и взобралась на ель. Смотритъ и говоритъ: «далеко отсюда идетъ къ небу синій дымокъ толщиною съ руку». Замѣтили это мѣсто, сошли съ ели и пошли. Шли, шли и дошли до избушки. Зашли въ нее. На печи сидитъ старуха, Кукри-баба, отвратительнаго вида и кормитъ грудью ребенка; а у ребенка на головѣ сильнѣйшая короста. Она увидѣла дѣвушекъ и говоритъ: «не хотите ѣсть, дѣвушки?»—«Поѣли бы, пожалуй» отвѣчаютъ ей дѣвушки. Кукри-баба сошла съ печи... соскребла съ головы ребенка коросту и подчуетъ дѣвушекъ, говоря: «ну, ѣшьте, дѣвушки». Дѣвушки отворачиваютъ глаза отъ гадкаго вида коросты, вызывающей рвоту. Кукри-бабà говоритъ: «если не будете ѣсть—я сама васъ съѣмъ». Что дѣлать? Вотъ одна взяла—вырвало ее; взяла другая, третья—тоже вырвало. Дѣвушки хотятъ уйти. «Нѣтъ, не пущу»—говоритъ Кукри-баба «Перескочите чрезъ большую ступу—пущу». У дверей въ углу есть у ней большая деревянная ступа; вотъ туда и привела она дѣвушекъ и велитъ перескочить черезъ нее. Двѣ сестрицы перескочили и ушли, а третья перескочить не могла и осталась у Кукри-бабы. Кукри-бабà пошла изъ избы и говоритъ дѣвушкѣ: «ты, дѣвушка, качай ребенка и пой: э̀! э! о! о! спи, усни. Изъ избы не выходи». Вышла

она изъ избы, а дѣвушка качаетъ ребенка и плачетъ. Вдругъ приходитъ къ дѣвушкѣ пѣтухъ и говоритъ: «садись на меня, дѣвушка, я увезу тебя».. Дѣвушка сѣла и ѣдетъ на пѣтухѣ. Пришла Кукри-баба домой и видитъ одного ребенка, а дѣвушки нѣтъ. И пошла она въ погоню за дѣвушкой. Догнала и бросила въ пѣтуха деревяннымъ пестомъ; пѣтухъ уронилъ дѣвушку. Взяла Кукри-баба дѣвушку и увела ее опять въ свою избушку. Опять дѣвушка качаетъ ребенка и плачетъ. Приходитъ заяцъ и говоритъ: «садись на меня, дѣвушка,—я тебя увезу». Дѣвушка сѣла на зайца и ѣдетъ. Кукри баба догнала ихъ и бросила въ зайца деревяннымъ пестомъ—и уронилъ заяцъ дѣвушку. Опять дѣвушка качаетъ ребенка и плачетъ. Приходитъ худая лошаденка вся въ грязи и пометѣ «Садись на меня, дѣвушка»—говоритъ лошаденка. Дѣвушка сѣла на грязную лошаденку и ѣдетъ. Вотъ видятъ, что Кукри-баба гонится за ними. Доѣхали до воды, а на водѣ лежитъ большое бревно. Дѣвушка слѣзла съ лошаденки и пошла по бревну. Вотъ и Кукри-баба идетъ по бревну... Дѣвушка сошла на берегъ, покачнула бревно—и Кукри-баба упала въ воду. Такъ она, злодѣйка, и кончилась. Пришла дѣвушка домой уже ночью, когда всѣ домашніе ея спали. Взялась она за кольцо двери... постучалась, постучалась—не отперли: никто не услышалъ. Ушла она спать на сѣнникъ и тамъ кто-то ночью ее съѣлъ, оставилъ только волосы. Утромъ отецъ дѣвушки съ мальчикомъ ушли на сѣнникъ дать корму лошадямъ. Мальчикъ нашелъ волосы и говоритъ отцу: «я тятенька, нашелъ струны», «Ладно, дитя, возьми, если нашелъ» отвѣчаетъ отецъ. Принесъ мальчикъ волосы въ избу и положилъ ихъ на столъ. Вдругъ волосы начали причитывать жалобнымъ голосомъ съѣденной дувушки: «батюшка! матушка! руки, пальцы стучали въ дверь—вы не отперли». Испугались всѣ и бросили волосы въ печь. Въ печи и пепелъ говоритъ тоже. Что дѣлать? Семья не рада житью, хоть изъ дому выходи. Вотъ бабы выгребли всю золу... вынесли остатки—и бросили золу въ лѣсу. Съ этой поры въ печи причитываній не стало. (Записаны отъ Павла Зеленина.)

Чертъ солдатомъ. Былъ вотякъ тихонькій, смирненькій какъ курица. Начальства онъ боялся, людей стыдился; по русски не зналъ. Вотъ пришла ему очередь идти въ солдаты. Ушелъ онъ въ солдаты и сталъ служить хорошо; но на бѣду его никакъ не мо-

жетъ угодить начальству: все его ругаютъ, бьютъ каждый день. Не стало и терпѣнья—хоть въ петлю полѣзай. Однажды солдатикъ этотъ стоитъ на часахъ въ будкѣ и глубоко размышляетъ о своемъ житьѣ «Не человѣку бы здѣсь служить. а черту»—говоритъ онъ съ досады. Какъ только проговорилъ онъ это—вдругъ явился чертъ и говоритъ: «ступай ты въ лѣсъ, скрывайся тамъ отъ начальства; а я буду на твоемъ мѣстѣ служить». Солдатъ ушелъ и скрывался въ лѣсу, а чертъ остался на своемъ мѣстѣ. Какъ только чертъ простоялъ свой срокъ на караулѣ—побѣжалъ въ погоню за солдатомъ. Догналъ его, схватилъ и задушилъ. Такъ и кончился солдатъ. (Записано со словъ крестьянина поч. Ныротура Петра Васильева.)

Разбойники Дыбленъ и Хамитъ. Въ Сосновскомъ краю сохранились преданія о разбойникахъ Дыбленѣ и Хамитѣ, которые свирѣпствовали здѣсь одинъ вслѣдъ за другимъ. Дыбленъ былъ вотякъ изъ-за Ижевскаго завода. Развѣдавъ сначала, кто имѣетъ богатство, Дыбленъ набралъ вольницу и началъ нападать на вотяцкія селенія и предавать ихъ разграбленію. Всегда онъ предупреждалъ селеніе о своемъ пріѣздѣ и требовалъ, чтобы въ назначенный день были сундуки отворены и наготовлены кумышка, пиво и другое угощеніе; наѣхавъ въ село, онъ предавалъ его разграбленію, пилъ и кутилъ съ вольницею, и потомъ увозилъ награбленное; если же находилъ запертую избу, предавалъ ее огню, а упорныхъ вотяковъ пыталъ—раздѣвалъ до нага и опалялъ тѣло зажженнымъ сухимъ вѣникомъ. Вотяки, заслышавъ разбойника, уходили въ лѣсъ и тамъ зарывали свои имущества въ землю. Наконецъ они собрали совѣтъ, на которомъ рѣшили поймать Дыблена; поймали Дыблена и убили его. Послѣ Дыблена разбойничалъ въ краѣ татаринъ Хамитъ съ тридцатью товарищами; черезъ пять лѣтъ вотяки поймали и Хамита и также убили. Большіе клады зарывали эти разбойники въ землю.

Кладъ, по повѣрью жителей—вотяковъ, есть такія зарытыя въ землѣ деньги, которыми овладѣла нечистая сила. Чтобы найти его, надо знать непремѣнно завѣтъ (условіе, съ которымъ зарыты деньги), а знать его, кромѣ самыхъ искусныхъ ворожцевъ, никто не можетъ. Въ старину кладъ зарывали такъ: набивши деньгами боченокъ, кувшинъ, или другое что, зарывали ихъ

въ землю, говоря притомъ завѣтныя слова: сюда надо сто головъ человѣческихъ, т. е., чтобы взять кладъ, надо прежде принести на мѣсто клада сто головъ убитыхъ людей; а нѣкоторые, зарывши кладъ, бросали въ рѣчки, пруды, ключи и проч., находящіеся при кладахъ, монеты, перстни или другое что-нибудь и говорили: «кто найдетъ эту монету, перстень, тому и взять деньги»; но бывали завѣты и простые, именно: если деньги положены подъ елкой, то, чтобы взять ихъ, надо перебросить черезъ елку топоръ, ножъ и проч. Иные, при зарытіи кладовъ, говорили: «покажись бѣлой уткой, гусемъ!» и проч., если зарывалось серебро; если же зарывалось золото, говорили: «покажись лисицей, рыжимъ жеребчикомъ» и проч. И деньги эти, по словамъ жителей, таскала нечистая сила въ образѣ тѣхъ животныхъ, имя которыхъ при сокрытіи произносили; если кто задѣвалъ ихъ или бросалъ въ нихъ чѣмъ нибудь легонько, то деньги сыпались къ ногамъ счастливаго; но завѣтовъ всѣхъ не перечтешь; кто что выдумывалъ, тотъ то и говорилъ. Говорятъ, что если кладъ кажется огнемъ, то это—проклятыя деньги, поэтому ихъ не бери: въ семействѣ всѣ перемрутъ и въ родѣ твоемъ не останется никого. Если зарывали деньги богатые бездѣтные вотяки только для сохраненія, безъ завѣтовъ, то такія деньги находятся и теперь.

О кладахъ, зарытыхъ въ землю разбойниками Дыбленомъ и Хамитомъ, въ настоящее время въ народѣ существуетъ слѣдующее преданіе. Крестьянинъ села Сосновки Ивановъ разсказываетъ, что къ деревнѣ Койсыгурту въ небольшомъ возвышеніи у дороги зарыта Дыбленомъ цѣлая бочка денегъ: золота, серебра и проч. По словамъ Иванова, когда разбойникъ везъ эту бочку на нѣсколькихъ лошадяхъ, то на половинѣ возвышенія лошади его остановились и не могли везти далѣе бочку; онъ тутъ же выкопалъ яму и скатилъ въ нее бочку. Кладъ этотъ, говорятъ вотяки, кажется огнемъ. На Кывкинскомъ полѣ близь дороги къ селу Чутырю, по словамъ крестьянина деревни Койсыгурта, Василья Пантюхина, зарыта въ землю между трехъ елокъ у полевыхъ пряселъ цѣлая бочка съ золотомъ и серебромъ. Третій кладъ находится въ трехъ верстахъ отъ села Сосновки на, такъ называемой, Шарканской горѣ подъ сосновымъ пнемъ; но сколько тамъ денегъ—неизвѣстно. Кладъ тамъ зарытъ давно, когда стояла большая сосна, которую было видно кругомъ за двадцать верстъ.

(Преданіе это записано со словъ дьяконской дочери Анны Григоровской).

Кладъ въ образѣ гроба. Жилъ въ небольшой деревнѣ мужичекъ-вотячекъ съ женой. Дѣтей у нихъ не было; жили они въ большой бѣдности и не очень дружно. Въ той сторонѣ, гдѣ они жили, было много кладовъ, а они доставались только счастливымъ. Разъ отправился вотякъ въ поле разчищать около лѣсу пашенное мѣсто. Расчищалъ, расчищалъ—натаскалъ груду иней и хворосту, чтобы потомъ въ удобное и дозволенное закономъ время сжечь. Таская пни и хворостъ, онъ сильно утомился; сѣлъ подъ ель и задумался. Приходитъ къ нему медвѣдь и говоритъ: «что тутъ дѣлаешь, дружокъ?» Вотякъ молчитъ. Медвѣдь ушелъ. Приходитъ воинъ и тоже спрашиваетъ, но вотякъ молчитъ; пришла затѣмъ лисица и она отвѣта не получила. Такъ просидѣлъ онъ подъ елью до утра, а все домой не идетъ. Проголодался сильно, а въ пестугѣ хлѣба нѣтъ. Вернулся домой, разсказалъ о всемъ видѣнномъ своей женѣ и проситъ у ней хлѣба; но жена ему не дала, а послала опять сидѣть подъ елью до-времени, думая что въ образѣ приходившихъ къ нему звѣрей были клады, которые, по повѣрью жителей, даются только на счастье. И вотякъ опять ушелъ и сѣлъ на пенекъ. Вотъ приходитъ къ нему заяцъ и спрашиваетъ: «что тутъ дѣлаешь, дружокъ?» Вотякъ молчитъ. Приходитъ потомъ человѣкъ и спрашиваетъ тоже, но вотякъ все не даетъ отвѣта; тогда человѣкъ говоритъ: «вотъ къ тебѣ послѣ меня придетъ въ гробу мертвецъ и съѣстъ тебя». Вотякъ ничего не сказалъ. Дѣйствительно чрезъ минуту тащится къ нему гробъ съ мертвецомъ. Вотякъ испугался и закричалъ. Отъ крика этого гробъ лопнулъ какъ пузырь и изъ него высыпались деньги—серебро и золото, а гробъ исчезъ какъ дымъ. Вотякъ съ радости не зналъ, что дѣлать. Онъ сгребъ бы всѣ деньги, да силы въ немъ нѣтъ. «Вотъ схожу домой, наѣмся покрѣпче и приду»—говоритъ себѣ вотякъ и идетъ домой. Пришелъ домой, обрадовалъ свою жену, наѣлся крѣпко и вернулся къ деньгамъ, но денегъ тамъ уже нѣтъ. Ушелъ кручинный домой и говоритъ женѣ: «эхъ, баба! баба! находили мы денегъ, да не съумѣли ихъ взять; а все ты виновата — не дала мнѣ хлѣба; а не поѣвши хлѣба, какъ бы я унесъ денегъ? И самого еле еле таскали ноги. Лучше видно своими трудами наживать

денегъ. Теперь о кладѣ намъ нечего думать, въ другой разъ онъ уже не придетъ». (Записано отъ крестьянина Петра Васильева въ дер. Ныромурѣ).

Шайтанъ. Осенью ушелъ вотякъ на охоту въ лѣсъ. Прбродилъ онъ весь день съ ружьемъ, а никого не убилъ. Пришла ночь и расположился спать въ шалашѣ, устроенномъ въ родѣ палатки. Вдругъ около полуночи къ нему стучится человѣкъ и говоритъ: «пусти, другъ, ночевать».—«Ночуй» говоритъ вотякъ, «мѣста будетъ обоимъ». Онъ легъ съ вотякомъ тутъ же въ шалашъ. Смотритъ на него вотякъ и ужасается: глаза у него страшные, одежда истаскана; словомъ, всѣ признаки недобраго человѣка. И говоритъ онъ вотяку: «когда я буду спать — изъ меня пойдетъ паръ, какъ отъ горячей воды въ котлѣ». Уснулъ онъ—и дѣйствительно изъ него пошелъ паръ. Вотякъ лежитъ ни живъ, ни мертвъ, думая, что это—шайтанъ, пришедшій къ нему съ недоброй цѣлью. Вотякъ тихонько снялъ съ себя сукманъ, положилъ на свое мѣсто чурбанъ, одѣлъ его сукномъ и ушелъ; взобрался онъ на высокую ель и смотритъ — ждетъ, что дальше будетъ. Шайтанъ проснулся, смотритъ на сукманъ и говоритъ: «а, здѣсь еще»! Взялъ онъ желѣзо, накалилъ его до красна, взялъ и прижигаетъ имъ сукманъ и чурбанъ со злорадной улыбкой, думая, что прожигаетъ насквозь вотяка. Прожегъ насквозь,—смѣется, дикуется всяко. Вотякъ все видитъ съ дерева. Вдругъ гдѣ-то въ деревнѣ пропѣли пѣтухи. Шайтанъ вышелъ изъ шалаша и залѣзъ въ липовое дупло. Какъ только разсвѣтало, вотякъ слѣзъ съ дерева, взялъ дымящуюся головню и положилъ въ дупло, шайтанъ изъ дупла говоритъ: «ахъ, какъ утреннее солнышко грѣетъ!» Когда липа загорѣлась, тогда онъ завылъ, говоря: «погубилъ ты меня, уромъ, совсѣмъ». (Записано со словъ Петра Васильева и другихъ).

Пѣсни.

Уроме! уроме! кытцы ветлъ-идъ?
— Ветлъ и монъ чапкасъ корины;
— Уроме! уроме! кытынъ кэлъ идъ?
— Кэлъ и монъ капкасъ юбо куспынъ;
— Уроме! уроме! маинъ пылась кидъ?

— Пыласьки монъ чукна усемъ лысву энъ;
— Уроме! уроме! маинъ чучкидъ?
— Чучки монъ барядъ кваренъ;
— Уроме! уроме! чучкэмъ квардэ кытцы понъ-идъ?
— Понъ и кваръ ме капкасъ юбо вылэ.

По руски.

Дружочекъ! дружочекъ! куда ходилъ?
— Ходилъ я рубить лучину.
— Дружочекъ! дружочекъ! гдѣ ты спалъ?
— Спалъ я межъ столбами воротъ.
— Дружочекъ! дружочекъ! чѣмъ умывался?
— Умывался я утренней росой.
— Дружочекъ! дружочекъ! чѣмъ утирался?
— Утирался я кленовымъ листочкомъ.
— Дружочекъ! дружочекъ! куда дѣлъ листочекъ?
— Листочекъ положилъ я на столбикъ воротъ.

(Записано отъ крестьянина починка Вимура Сергѣя Дмитріева).

* * *

Милямъ, милямъ бубыесъ—
Маръ бубыесъ!
Шыкысъ пытцылъ вань—
Милямъ бубыесъ;
Милямъ, милямъ мумыесъ—
Маръ мумыесъ;
Вычки пытцынъ
Рунъ вэй ёсъ кадесь;
Милямъ мумыесъ;
Милямъ, милямъ нюніесъ—
Кызъ іылтъ и лобась кай сыесъ.

По руски.

Наши, наши отцы—
Какіе отцы!
На днѣ сундука есть

Наши отцы!
Наши, наши матушки—
Какія матушки!
Какъ на днѣ кадушки
Чистое масло.
Наши матушки!
Наши, наши братья—
Надъ елками летающіе щеглята.

(Записано отъ Григорія Ерофѣева, крестьянина села Сосновки).

***

Аизъ мынэмъ лудъ вырэ,
Лудъ вырысь сёръ мемьтемъ;
Сёръ пытьнысь кень теть мэмъ,
Кенэзъ ваемъ пи,
Піезъ лы нимъ понъ ильямъ Камàй.

По русски.

Отецъ ушелъ въ поле,
Въ полѣ поймалъ выдру;
На слѣдкѣ выдры нашелъ сноху;
Сноха принесла сынка
Сынку дали имя: Камай.

(Отъ Сергѣя Дмитріева, крестьянина починка Вимура).

Жалобы дикаго голубя.

Гуукъ! гуукъ?
Лудэке васъ кись ко,
Пубыме жабасько,
Выиэке тубисько
Кучиранъ адзе.
Гуукъ! Гуукъ.
Кызъ вылэ тубете потэ...
Маръ паромъ? Гуукъ! гуукъ!

По русски.

Гуукъ, гуукъ (звукоподражаніе)!
Если въ поле спускаюсь,
Ножки мараю;
Если на дерево взбираюсь,
Сова видитъ...
Охота сильная взобраться на елку!
Что дѣлать?

(Записано отъ Алексанра Иванова, крестьянина починка Нырошура).

***

Ойдъ и гѝнэ мусанò
Я ламѐ гинэнò!
Ойдъ и мỳса дỳнадоѐ,
Ойдъ и гинѐ дунадоѐ,
Ойдо лэно пө мỳсано,
Ой дъи мнэно!
Шуме мено зайдъ и гинэно
Я ламѐ гиненò
Ойдо лэно шуомнò,
Озъ ыпѐ шуòзы по!

(Записано отъ Сергѣя Дмитріева, крестьянина поч. Вимура).

***

Дунò сукнò дукесэзъ,
Сезỳлъ дуртъйзъ укòезъ;
Вожъ вожъ бурчинъ поясэзъ,
Полшолкòвой кышетэзъ;
Полтиннѝкенъ такъяэзъ,
Вожъ панкòвой иэзьёсызъ;
Идзѝ вòжинъ мыгорыѝзъ,
Пашỳръ вòжинъ иворыѝзъ,

По русски.

На ней драповый зипунъ,
Мишурой обшитъ подолъ;
Опояска—зеленъ шелкъ,

Полушелковый платокъ.
Изъ полтинниковъ татья,
Рукавицы замшевы;
Въ устьѣ Ижа *) стройный станъ,
Въ устьѣ Вотки ея вѣсть.

(Арланова, Петръ Ивановъ)

***

Жужытъ гинэ жужытъ...
Дай бордъ-тъй изъ сюрѐсъ;
Со изъ сюрѐсъ Дай бордъ-тъй
Пашпу̀ лэ̀бырь, лэбырь;
Со паштулэ̀нъ выжыѐзъ
Сисьмѐмъ гыбѐдъ азьынъ.
Пашпулэнъ сяськаѐзъ
Югъ-югъ съилѐмъ.
Пашпулэ̀нъ мульыезлы̀
Энъ сукломы̀:
Ымтырь пиньдэ
Жильтырь карозъ,
Ошъ кузэ̀ кыкъ апайёсъ
Апайёсъ тужъ чебересь:
Чырты ѧ̀зъ огезлэ̀нъ
Весѐзъ—бадзѧ̀мъ весь
Кыктэтъиезлэнъ чыртыѧ̀зъ
Весѐзъ—вэкы̀ весь
Мишаезлэнъ тушезъ
Мишура кадь
Ильялэнъ тушезъ
Укѐ кадь.

По русски, по переложеніи на стихи:

Близъ Дая, высокаго Дая
Дороженька каменная.

---

*) Ижъ и Вотка—рѣки, протекающія по Сосновскому краю.

У каменной этой дорожки
Стоитъ одиноко пашпу̀ *),
Всѣ корни-коренья пашпу̀а
Ушли подъ гнилое бревно.
На деревѣ этомъ, пашпуѣ,
Цвѣточки бѣлѣютъ какъ снѣгъ,
А ягодки будутъ багрянны.
Красѣ не завидуй никто.
Ѣсть будешь какъ ягодки—зубы
Съ оскомины выпадутъ всѣ.
По берегу Оши гуляютъ
Дѣвицы-сестрицы однѣ;
На шейкѣ одной дорогія
Агатныя бусы блестятъ,
На шейкѣ другой еще лучше:
Горятъ какъ уголья въ печи
Бородка Михайлы—мишурка,
Ильи—бахромы на платкѣ.

***

Вань Тыпы кадь горадынъ
Салдàтъ басьтòнъ изъ коркà;
Со коркàлэнъ петпалызъ
Вожъ турынъ кадь вуямынъ.
Со изъ коркà пыртъизы,
Кыльытъйзы дэремъмè;
Мычизы-но іырмè
«Ступай» шуса ульязы
Анайè-но, атае
Иогырàса кыльизы.

По русски.

Городокъ какъ зеленъ дубъ.
Тамъ домъ каменный стоитъ;
Онъ окрашенъ въ зеленъ цвѣтъ;

*) Дерево лиственное.

Принимають тамъ солдать.
Ввели въ зеленый тотъ домъ—
И раздѣли молодца.
Сняли волосы, погнали,
Говоря ему: «ступай!»
Отецъ съ матерью упали
И осталися одни.

(Петръ Ивановъ).

* *
*

Джужытъ джужытъ гурезѐзъ!
Вожъ-вожъ лѐмпу, лемпуѐзъ
Гурѐзь вылтъй мертэмынъ;
Югъ-югъ сѐлэнъ сяськаѐзъ;
Со сяськалы̀, сяськалы̀
Энъикъ, ѐнъикъ вожъяськы:
Ымтыръ пы̀ньдэ тъиялозъ.
Кыкъ дусы̀мъёсъ базары̀нъ.
Огезлѐнъ весь камалй,
Кыктэтъйзълэнъ дась визьмы̀зъ.

По русски.

Горки, высокіе горки!
Черемухи ярко-зелены!
Разсажены рядомъ на горахъ;
Цвѣты ихъ бѣлѣютъ какъ снѣгъ;
Цвѣтамъ тѣмъ, цвѣтамъ какъ снѣгъ бѣлымъ,
Ничуть не завидуй никто:
Сломаютъ ихъ ягоды зубы.
Двѣ дѣвки—подружки нарынкѣ:
Одна въ ожерельѣ изъ денегъ,
Въ другой ровно десять умовъ

(Поч. Быги, Яковъ Гавриловъ).

Байки.

Ызьы̀-бызьы̀-зындѐсъ шетьтъй; со зындэсъмѐ кумѐлы̀ сётъй; кумѐ колѐчъ сётъйзъ; со колачъмѐ пуные лы̀ сетъй; пуные сёръ сёръ

вайзъ; со сёрмѐ заводѐ вузѝй; заводысь сезьы басьтъй; со сезьымѐ дигоэлы сюдъй; созязегѐ кокѝ сётъйзъ; со кокомѐ гурѐ куттъй... Шлокъ! точъ! сизьымъ кочѝ іыръ...

По русски.

Отдыхалъ-бѣжалъ—перстень нашелъ; этотъ перстень отдалъ куму; кумъ мнѣ отдалъ калачъ; этотъ калачъ я отдалъ своей собакѣ; собака принесла мнѣ куницу; эту куницу продалъ въ заводѣ (Воткинскомъ); въ заводѣ купилъ овса; овесъ скормилъ тигонькѣ (гусихѣ); эта гусиха яйцо снесла; это яйцо скатилъ въ печь... Хлопъ! топъ! семь сорочьихъ головъ....

(Поч. Титова Петръ Николаевъ).

Уромѐ! уромѐ! кытцы ветлъйдъ?—Чапкисъ коранъ ветлъй. Капка юбо куспынъ кэлъй. Чукна султъй—кызэ тубъй; чечъы сiикызысь васькй; кечъ сюръ ѣылысь вина юй-супыракъ кудзьй.

По русски.

Дружочекъ! дружочекъ! куда ходилъ?—Рубить лучину ходилъ. Спалъ между столбами воротъ. Утромъ вошелъ—взобрался на ель; поѣлъ меду — слѣзъ съ ели; на вершинѣ заячьей тропинки пилъ вино—сильно распъянѣлъ.

(Яковъ Гавриловъ).

Ву лэнъ мылкыдъ чаркъ вылынъ, чаркъ лэнъ мылкыдъ кэ вылынъ; кэлэнъ мылкыдъ пызьвылынъ, пызьлэнъ мылкыдъ мѣшокъ вылынъ; мѣшокъ лэнъ мылкыдъ валъ вылынъ, валлэнъ мылкыдъкамъ вылынъ; камлэнъ мылкыдъ нылъ вылынъ, ныллэнъ мылкыдъ пи вылынъ, пи лэнъ мылкыдъ нылъ вылынъ.

По русски.

Желаніе воды на колесѣ (мельничномъ), желаніе колеса на жерновѣ; желаніе жернова на мукѣ, желаніе муки на мѣшкѣ; желаніе мѣшка на конѣ, желаніе коня на Камѣ; желаніе Камы на дѣвушкѣ, желаніе дѣвушки на парнѣ, желаніе парня на дѣвушкѣ.

Байки.

	По русски.
Кинъ лэнъ піезъ?	Чей ты парень?
— Панлэнъ піезъ;	— Пановъ парень.
— Кинъ панлэнъ?	— Какого пана?
— Люкъ панлэнъ;	— Люкскаго пана.
— Кинъ люкъ?	— Кто люкъ?
— Бакра люкъ;	— Бакра люкъ.
— Кинъ бакра?	— Кто бакра?
— Шудэ бакра;	— Счастье бакра.
— Кинъ шудэ?	— Кто счастье?
— Буръ шуде;	— Правда счастье.
— Кинъ буръ?	— Кто правда?
— Чійя буръ;	— Чійя правда.
— Кинъ чія?	— Кто чійя?
— Маджесъ чія;	— Грабли чійя.
— Кинъ маджесъ?	— Кто грабли?
— Тушъ маджесъ;	— Борода грабли.
— Кинъ тушъ?	— Кто борода?
— Мэи тушъ;	— Старость борода.
— Кинъ мэи?	— Кто старость?
— Гаръ мэи;	— Гаръ старость.
— Кинъ гаръ?	— Кто гаръ?
— Сязетъ гаръ;	— . . . . . гаръ;
— Кинъ сязегъ?	— Кто.....?
— Буръ сязегъ;	— Правда......?
— Кинъ буръ?	— Кто правда?
— Камъ ву.	— Камская вода.

(Записано отъ Савватія Алексѣева, починка Ірдогурта).

* * *

Я ходилъ по деревнямъ, билъ шерсть. Иду разъ лѣсомъ и вдругъ упалъ въ липовое дупло; проспалъ тамъ ночь и на другой день пришли люди рубить эту липу; я вдругъ вскрикнулъ и люди съ топорами убѣжали; я вышелъ изъ дупла и опять иду; иду по дорогѣ и опать упалъ въ бочку; сижу въ бочкѣ и вдругъ пришелъ медвѣдь къ бочкѣ, сунулъ въ дырочку хвостъ; я взялъ за хвостъ и

медвѣдь помчался быстрѣе вѣтра; бочка разлетѣлась. Я вернулся домой живой и разсказываю о своемъ похожденіи домашнимъ.

Загадки.

1) Подъ пчелкой желтый цыпленокъ.
2) По полю разбросаны бревна.
3) Четверо братьевъ стрѣляютъ въ одну яму.
4) Четыре брата подъ одной шляпой.
5) Одинъ стоитъ, другой сидитъ, третій лежитъ.
6) Надъ трубой синій солдатъ.
7) Надъ огнемъ жаритъ задницу черный солдатъ.
8) На гумнѣ стриженый баранъ.
9) На одной жердочкѣ сидятъ 30 тетеревей.
10) На волахъ снѣгъ не держится.
11) Въ стѣнахъ красныя зерна пшеницы.
12) По стѣнамъ бараньи глаза.
13) Три длинныхъ предмета.
14) Яма сгнила, столбъ ушелъ.
15) Живаго неживой догоняетъ.
16) Неживой несетъ живаго.
17) Мышь съ двумя хвостиками.
18) Стою на берегу, плюю за рѣку.
19) Кругъ избы волосяныя бревна.
20) Старуха по ночамъ сморкается.
21) Въ обѣдъ ѣстъ, ночью спитъ.
22) Среди поля блюдо съ мясомъ.
23) Четверо хлопаютъ, тысячи пляшутъ.
24) Полонъ курятникъ желтыхъ цыплятъ.
25) За Камой рѣкой—бѣлѣетъ голубая лошадь.
26) Въ полѣ лаютъ собаки.
27) Въ одно ведро текутъ четыре рѣчки.
28) Входитъ въ избу въ черномъ зипунѣ, выходитъ въ бѣлой рубахѣ.
29) Вечеромъ ѣстъ, утромъ блюетъ.
30) На подволокѣ голубой клубокъ.
31) Не человѣкъ, не звѣрь, а имѣетъ усы.

32) Безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка, а говоритъ, но говоритъ не слышно.

33) Низъ ѣстъ, верхъ—блюетъ.

34) Днемъ ходитъ, ночью спитъ.

35) Ночью ходитъ, днемъ спитъ.

36) Въ носъ кидается, а самого не видать.

37) За Камой рѣкой ржетъ конь.

38) Въ серебряной дырѣ гвоздикъ мясной.

39) Долгохвостая сорока скачетъ въ печь.

40) Красная собака воетъ.

41) Съ избы на избу красный пѣтухъ перескакиваетъ.

42) Мужикъ кланяется землѣ.

43) Безрукій-безногій къ небу идетъ.

44) Безъ ножа, безъ топора сдѣланъ мостъ.

45) Тридцать молотятъ, одинъ переворачиваетъ (снопъ).

46) Безъ рукъ безъ ногъ выходитъ изъ дупла.

47) Въ огнѣ черный баранъ, въ баранѣ вода.

Отгадки.

1) Солнце.

2) По полю разбросаны бревна.

3) Соски на вымени коровы во время доенія.

4) Ножки у стола.

5) Елка, пень и колода въ лѣсу.

6) Дымъ.

7) Котелъ надъ горномъ.

8) Скирды хлѣба.

9) Потолокъ на матицѣ.

10) Рога у коровы.

11) Клопы.

12) Сучья въ бревенчатыхъ стѣнахъ.

13) Дорога, рѣчка и изгородь полевая.

14) Лапоть износился и нога оставила его.

15) Телѣга и сани.

16) Лыжи, на которыхъ ходятъ по снѣгу.

17) Лапти съ веревочками.

18) Ружье.

19) Мохъ между бревнами.

20) Лучина въ свѣтцѣ.

21) Ножъ.

22) Мышиное гнѣздо съ мышенятами.

23) Ноги и хвостъ лошади.

24) Зубы.

25) Облако.

26) Колокольчики у пасущихся въ полѣ коней.

27) Доеніе коровъ.

28) Лутошки съ лыкомъ.

29) Овинъ, который вечеромъ набиваютъ снопами, а утромъ выбрасываютъ снопы для молоченія.

30) Голубь.

31) Рыба усачъ.

32) Письмо.

33) Перечница.

34) Солнце.

35) Луна.

36) Запахъ.

37) Громъ.

38) Въ серебряномъ кольцѣ палецъ.

39) Хлѣбная лопата во время своего дѣйствія.

40) Церковный колоколъ.

41) Огонь во время пожара.

42) Молотильщикъ на гумнѣ.

43) Дымъ, поднимающійся къ небу.

44) Ледъ на рѣкѣ.

45) Зубы и языкъ во время ѣды.

46) Хлѣбъ въ квашнѣ.

47) Котелъ съ водой въ огнѣ.

Игры и занятія взрослыхъ и дѣтей.

Воронъ и курица. Эта символическая игра въ животныхъ исполняется только дѣтьми—мальчиками и дѣвочками. Если играютъ мальчики, то игра заключается въ слѣдующемъ: одинъ изъ старшихъ изображаетъ ворона, а другой тоже изъ старшихъ—курицу;

остальные изображають при курицѣ цыплять. Приготовившись къ игрѣ, воронъ отходитъ отъ курицы въ сторону на нѣсколько саженей, а курица стоитъ—смотритъ на него; цыплята же стоятъ позади курицы въ одной группѣ. Воронъ копаетъ ямку, а курица спрашиваетъ: «что роешь?»—«Землю»—отвѣчаетъ воронъ. «Что ищешь?»—«Иголку» «На что иголку»?—«Кошель шить».На что кошель»?—«Камешки класть» «На что камешки?»—«Въ твоихъ дѣтей бросать»—«Что они сдѣлали?»—«Въ мой огородъ лазятъ, воруютъ лукъ, морковь, рѣпу и проч.». Курица беретъ щепку и, бросая ее кверху, говоритъ: «твой огородъ такъ высокъ и то лазятъ, а мой такъ низокъ (присѣдая къ землѣ, показываетъ вышину не болѣе четверти) и то не лазятъ». Воронъ идетъ къ курицѣ ближе и между ними завязывается жаркій споръ. Воронъ говоритъ: «какъ не лазятъ»? Курица кричитъ: «какъ лазятъ»? Вотъ воронъ подходитъ ближе и кричитъ: «крокъ»! (звукоподражаніе крику вӧрона), курица на это отзывается своимъ крикомъ: «котэкъ»! Воронъ старается схватить цыпленка, расправивши когти (которые изображаютъ пальцы), курица защищаетъ дѣтей; при этомъ между цыплятами поднимается такая пискотня, крики, что хоть уши затыкай; но вмѣсто пискотни ребята, конечно, хохочутъ. Если воронъ схватитъ цыпленка—уводитъ въ сторону, гдѣ и долженъ цыпленокъ стоять. Потомъ воронъ чрезъ минуту, другую опять идетъ и кричитъ: крокъ! и происходитъ тоже дѣйствіе между нимъ и курицей. Когда переловитъ всѣхъ цыплятъ, принимается за курицу. Игра тѣмъ и оканчивается.

Кругъ съ мячемъ. Чертится кругъ въ поперечникѣ нѣсколько саженей, смотря по числу играющихъ. Всѣ желающіе играть, числомъ отъ 10 до 20, становятся на черту въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Когда мѣста играющими будутъ заняты, одинъ изъ нихъ беретъ мячъ и бросаетъ его стоящему насупротивъ себя мальчику, который и долженъ поймать мячъ на лету и бросать опять другому и т. д. Такимъ образомъ мячъ перебрасывается играющими до тѣхъ поръ, пока кто либо не выронитъ его изъ рукъ въ моментъ хватанія. Тотъ, кто выронитъ его изъ рукъ, идетъ въ кругъ и съ него начинается главная игра. Выронившій мячъ идетъ въ кругъ и его запятнываютъ въ спину мячемъ перебрасывая мячъ другъ другу. Мячъ стараются бросить тому, который ближе къ находящемуся въ кругу. Запятнываемый, чтобы былъ сдѣланъ кѣмъ нибудь промахъ бѣгаетъ

изъ стороны въ сторону. Кто сдѣлаетъ промахъ, т.е. не попадетъ въ находящагося въ кругу—идетъ самъ въ кругъ. Правило игры такое: 1) находящійся въ кругу не долженъ выходить изъ круга за черту и 2) стоящіе на чертѣ не должны входить въ кругъ. Игра эта въ употребленіи и у взрослыхъ. Она чрезвычайно оживленна и требуетъ отъ игрока большаго вниманія и проворства, и чѣмъ больше въ ней играющихъ, тѣмъ она веселѣе.

Ямки съ мячемъ. Въ землѣ вырываются въ одномъ направленіи и въ равномъ разстояніи другъ отъ друга нѣсколько ямокъ по числу играющихъ. Ширина ямки вершка два, а глубина—полтора. Такую ямку каждый играющій вырываетъ для себя. Когда ямки будутъ готовы, то по жребію, одинъ изъ играющихъ съ конца катитъ мячъ въ ямки. Если мячъ вкатился въ чью нибудь ямку, то всѣ разбѣгаются въ разныя стороны, не желая быть запятнаннымъ хозяиномъ ямки, въ которую вкатился мячъ. Хозяинъ ямки, быстро схватываетъ мячъ и, не отходя отъ ямки, бросаетъ мячемъ въ кого нибудь. Если не запятнаетъ никого, всѣ играющіе идутъ въ ямкамъ, а если запятнаетъ, то запятнанный опять бросаетъ мячъ въ другаго съ того мѣста, гдѣ упалъ мячъ. Такимъ образомъ, мячъ запятнываетъ играющихъ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не сдѣлаетъ промаха, т. е. не запятнаетъ никого. Когда сдѣланъ промахъ, всѣ идутъ къ ямкамъ и кладутъ въ ямку промахнувшагося камешекъ или щепку. Промахнувшійся опять катитъ мячъ въ ямки и опять продолжается такая же игра; продолжается она до тѣхъ поръ, пока въ чьей нибудь ямкѣ не будетъ опредѣленное по условію число камешковъ или щепокъ, означающихъ промахъ (отъ 3 до 5). Въ чьей ямкѣ исполнится опредѣленное число промаховъ, тотъ становится спиной къ ямкамъ; закрываютъ ему глаза, кладутъ въ которую нибудь ямку мячъ и, похлопавши его ладонью по спинѣ около десяти разъ, спрашиваютъ: въ чьей ямкѣ мячъ? Если угадаетъ,—игра начинается снова, если же нѣтъ—опять начинаетъ хлопать тотъ, въ чью ямку былъ положенъ мячъ. Такъ хлопаютъ его, мѣняя ямки, до тѣхъ поръ, пока онъ не угадаетъ. Когда угадаетъ—игра начинается снова. Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ съ вотяками живутъ и русскіе, въ спину ударяютъ слегка мячемъ, приговаривая: «ярка—не ярка, баранъ—не баранъ, сѣрая овечка, а не ягнится;» потомъ, положивъ мячъ въ ямку, спрашиваютъ: «въ чьей

лункѣ мячъ?» Самыя ямки называются лунками, поэтому и игра получила названіе лунокъ. Игра эта исключительно дѣтская.

Клѣтка съ мячемъ. (См. рис. 1 на таблицѣ въ концѣ книги). Съ трехъ сторонъ вбиваютъ въ землю колышки или щепки длиною около полуторы четверти, половина которыхъ уходитъ въ землю и это представляетъ трехсторонній ящикъ, а на четвертой сторонѣ гдѣ нѣтъ колышковъ, вмѣсто ихъ кладется палочка толщиною не менѣе вершка. На эту лежащую палочку поперекъ ея кладется не особенно тонкая пластинка шириною съ вершокъ и длиною сообразно съ шириной ящика или клѣтки. Пластинка, положенная на палочку, должна лежать на палочкѣ такъ, чтобы одна половина ея была въ ящикѣ, а другая—въ наружной сторонѣ. На конецъ пластинки, лежащей въ ящикѣ, кладется мячъ. Начинающій игру по жребію беретъ прочную палку болѣе аршина и становится у клѣтки, находящейся по лѣвую сторону его, а прочіе стоятъ около клѣтки, стараясь поймать мячъ. Начинающій игру ударяетъ изо всей силы по наружному концу пластинки, и мячъ летитъ высоко. Кто поймаетъ мячъ на лету, тому и ударять по пластинкѣ. Если никто не поймаетъ на лету—ударять старому. Игра эта дѣтская.

Тюрагá (жаворонокъ). Вбивается въ землю нѣсколько наклонно колышекъ длиною около одного аршина и берется небольшая конусообразная пѣшка съ зарубкой на тупомъ концѣ, чтобы можно было надѣть на колышекъ. Вотъ, когда палка вбита и пѣшка надѣта, играющіе берутъ по палкѣ около трехъ четвертей длины и, ставши въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колышка, бросаютъ палками въ пѣшку, чтобы сшибить ее. Чья палка сшибетъ или отшибетъ дальше, тому и бить пѣшку. Тотъ, кому бить ее, становится у колышка, а другіе идутъ въ сторону, куда должна упасть пѣшка. Бьющій ударяетъ въ пѣшку снизу и пѣшка летитъ высоко. Кто изъ стоящихъ въ сторонѣ поймаетъ пѣшку при паденіи ея въ руки или шапку, тому и бить ее. Если же кто и не поймаетъ при паденіи ея, но поднявшій ее съ земли, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колышка, броситъ и попадетъ пѣшкой въ колышекъ, тому и бить; въ противномъ случаѣ бить старому. Такая игра въ употребленіи только между дѣтьми.

Вторая игра въ пѣшку тюрагá. (Таблица, рис. 2). Вбивается въ землю такой же колышекъ, но не наклонно, а вертикально. На этотъ

колышекъ кладется пластинка около полуторы четверти длины; на одинъ изъ концовъ пластинки ставится небольшая конусообразная пѣшка. Одинъ изъ мальчиковъ по жребію ударяетъ по пустому концу пластинки палкой и отъ удара пѣшка летитъ высоко. Стоящіе около колышка должны поймать пѣшку при паденіи ея. Если никто не поймаетъ при паденіи—пѣшку бить старому.

Городки. Для этой игры употребляются деревяшки, имѣющія форму цилиндра, вышина ихъ съ четверть аршина, а толщина—около полутора вершковъ. Передъ началомъ игры чертятся на дорогѣ два четыреугольныхъ квадрата произвольной величины, въ разстояніи одинъ отъ другаго около семи саженъ, смотря по тому, каковы играющіе, т. е. если взрослые, то разстояніе должно быть больше, а если дѣти—меньше по силамъ ихъ. Въ рединѣ между квадратами вырывается небольшая ямочка, показывающая половину разстоянія отъ одного квадрата до другаго. На одну изъ лежащихъ къ ямкѣ сторонъ квадрата ставятся деревяшки числомъ до семи въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Всѣ играющіе берутъ по палочкѣ около трехъ четвертей длины съ обтесанными, вмѣсто рукоятки, концами, и раздѣлившись на двѣ партіи по числу квадратовъ или клѣтокъ, играющіе становятся другъ противъ друга лицомъ, въ разстояніи около полуторы сажени, для метанія жеребья, кому начать игру. Вотъ одинъ изъ партіи, крайній, беретъ концами пальцевъ (а не въ кулакъ) конецъ рукоятки и бросаетъ ее кверху такъ, чтобы палка нѣсколько разъ перевернулась въ воздухѣ и упала концами къ играющимъ; если же палка будетъ обращена концами въ противоположныя стороны, ее бросаютъ въ другой разъ. За первымъ бросаетъ другой, третій и т. д. Когда такое метанье жеребья совершится, считаютъ, въ чью сторону больше палки обращены рукоятками? Въ чьей сторонѣ больше рукоятокъ, той партіи и начать игру; если же палокъ будетъ обращено по ровному числу къ каждой партіи, то метаніе жеребья начинается снова. Которой партіи по жребію досталась очередь начать игру, та беретъ всѣ палки, по двѣ штуки каждый играющій и, ставши близко у одного изъ квадратовъ, бросаетъ оттуда палками въ деревяшки, чтобы вышибить ихъ изъ черты. Если вышибетъ хоть одну деревяшку—идетъ на средину разстоянія, т. е. къ ямкѣ, и бросаетъ уже оттуда; послѣ него идетъ со

своими палками изъ его партіи другой, третій и т. д. и всѣ бросаютъ со средины. Бываетъ часто, что деревяшки съ перваго же удара подшибаются, но не выходятъ изъ черты; то это не даетъ права занять мѣста на срединѣ: деревяшки должны выйдти за заднюю или боковыя черты квадрата. Случается, что начавшіе игру вышибаютъ изъ своего квадрата деревяшки двумя или тремя палками, тогда другая партія не въ правѣ взять больше тѣхъ палокъ, сколькими вышибла изъ черты свои деревяшки первая партія, и если не вышибетъ своихъ деревяшекъ, считается проигравшей. Мы выше сказали, что подшибленная, но не вышедшая изъ квадрата, деревяшка не даетъ права въ началѣ игры занять мѣсто въ срединѣ; такъ равно, если осталась въ чертѣ хоть одна лежащая деревяшка, то она также не даетъ права на выигрышъ, а, напротивъ, служитъ какъ бы позоромъ для невыбившей ея партіи. Вообще, вышибить такую деревяшку считается дѣломъ труднымъ. Если вышибутъ свободными палками свои деревяшки изъ своихъ клѣтокъ обѣ партіи играющихъ, то игра начинается снова съ тѣхъ, кому послѣ перваго бросанья приходилась очередь бить деревяшекъ. Теперь скажемъ о тѣхъ, которые проиграютъ, т. е. не вышибутъ изъ своего квадрата деревяшекъ и какую дань они должны платить выигравшимъ. Выигравшіе ставятъ деревяшки попрежнему на мѣста. Когда поставлены деревяшки, проигравшіе, взявши по одной палкѣ, становятся рядомъ за задней чертой одного изъ квадратовъ и поднимаютъ палки вертикально надъ своими головами такъ высоко, какъ могутъ поднять, а выигравшіе бросаютъ чрезъ поднятыя палки свои палки, чтобы подшибить деревяшки другой клѣтки. Если кто подшибетъ хотя одну деревяшку— всѣ проигравшіе должны нести выигравшихъ на себѣ до той клѣтки, куда бросали выигравшіе свои палки чрезъ поднятыя кверху палки. Отъ этой клѣтки бросаютъ такимъ же образомъ опять, и если подшибутъ имѣющимися въ рукахъ палками одну или нѣсколько деревяшекъ—опять должны ихъ нести на себѣ проигравшіе. Такъ они носятъ на себѣ отъ клѣтки до клѣтки до тѣхъ поръ, пока противная сторона не подшибетъ деревяшекъ; но обыкновенно болѣе двухъ-трехъ разъ нести не случается; инымъ хотя и удается подшибить, но послѣ двухъ разъ говорятъ: «достаточно ужъ *наѣздились*». Такое снисхожденіе дается изъ благоразумія: и са-

мимъ не трудно проиграть и тогда придется отплатить такою же данью. Эта игра въ большомъ употребленіи и у взрослыхъ.

Игрушки дѣтскія.

Свистульки. Свистульки эти ничто иное, какъ свистульки полицейскихъ служителей, съ тѣмъ только различіемъ, что внутри ихъ нѣтъ никакой горошинки. Такія свистульки дѣлаются изъ гусиныхъ перьевъ, травныхъ дудокъ и корокъ, снятыхъ съ вицъ ивы, черемухи и липы. Маленькія свистульки служатъ охотникамъ и для приманки рябчиковъ.

Кружокъ вертящійся. (Таб. рис. 3). На лубкѣ или дощечкѣ съ съ помощію гвоздя и нитки чертится окружность въ поперечникѣ около $1^1/_2$ верш. и по этой чертѣ вырѣзывается кружокъ. Центръ кружка просверливается шиломъ и въ образовавшееся отверстіе пробивается стержень толщиною съ утиное перо, но такъ, чтобы кружокъ находился не на срединѣ стержня, а одинъ конецъ былъ бы нѣсколько короче другаго. Который конецъ короче, тотъ заостряется ножомъ для того, чтобы вертящійся кружокъ не разбѣгался много. Чтобы заставить кружокъ вертѣться, стоитъ только длинный конецъ стержня взять между ладонями рукъ или между большимъ и среднимъ пальцемъ правой руки и вернуть кружокъ по солнцу, и пойдетъ онъ гулять по полу или по столу, куда будетъ спущенъ.

Пильщикъ. (Рис. 4). Дѣлается изъ липоваго дерева человѣкоподобный болванъ съ раздвинутыми по бокамъ ногами, концы которыхъ должны быть остры. Вмѣсто рукъ къ плечамъ прибиваются лучинки толщиною около пера. Лучинки должны представлять протянутыя впередъ руки, но не параллельно другъ къ другу, а въ разныя стороны; такимъ образомъ пространство между руками образуетъ острый уголъ. Къ концамъ такихъ рукъ привязывается такой же толщины лучинка и болванъ представляетъ собой человѣка, держащаго въ рукахъ палку, взявши ее за оба конца. Къ срединѣ этой лучинки привязывается шнурокъ длиною около аршина, смотря по величинѣ болвана и по вышинѣ стола или лавки, куда желаютъ поставить болванъ; къ другому концу шнурка привязывается гирька или замѣняющій ее камешекъ. Для того, чтобы болванъ своими

поклонами подражалъ пильщику или, какъ еще говорятъ, молящемуся, стоитъ только поставить его на край стола и спущенную гирьку покачнуть въ сторону болвана. Само собою разумѣется, что гирька не должна задѣвать ни за какой предметъ, и должна качаться между ножками стола свободно, подобно маятнику часовъ.

Волчекъ. Эта игрушка, какъ извѣстная повсемѣстно, не требуетъ описанія. Между обыкновенными пустыми съ отверстіемъ волчками, издающими при движеніи звукъ на подобіе волчьяго воя, и волчками дѣтей инородцевъ только та разница, что послѣдніе не имѣютъ въ себѣ пустоты, поэтому и не издаютъ никакихъ звуковъ, подобныхъ вою волка или жужжанью. Чтобы сдѣлать настоящій волчекъ, нужны инструменты и умѣнье. Впрочемъ, нынѣ начали появляться настоящіе волчки, которые покупаются на базарахъ.

Ружьецо для стрѣлянья сжатымъ воздухомъ. (Рис. 5). Оно дѣлается изъ такъ называемаго чевечнаго дерева толщиною съ большой палецъ; длины имѣетъ около двухъ четвертей. Сердцевина этого дерева мягка, какъ размоченная въ кипяткѣ пробка, поэтому изъ дерева выбивается легко и деревяннымъ шомполомъ, который поколачиваютъ съ одного конца ножемъ или молоткомъ. Выбивши такимъ образомъ сердцевину и прочистивши посредствомъ шомпола до-чиста отверствіе отъ находящихся еще на стѣнкахъ его остатковъ сердцевины, желающій стрѣлять вкладываетъ въ отверстіе смоченную въ слюнахъ пулю, которая скатывается изъ конопли или льна или же корпіи, и пуля вталкивается шомполомъ до другого конца; а для того, чтобы пуля не вылѣзла изъ стволика совсѣмъ, шомполъ дѣлаютъ короче стволика, а ручка шомпола толще. И вотъ, когда пуля уже на своемъ мѣстѣ, стрѣлокъ беретъ въ лѣвую руку ружьецо, а въ правую такую же смоченную слюнами пулю и шомполъ; потомъ подноситъ къ губамъ отверстіе стволика, и вдуваетъ въ отверстіе воздухъ; когда стволъ ружьеца наполнится воздухомъ, быстро затыкаетъ отверстіе и вталкиваетъ туда шомполомъ пулю, въ глубину не болѣе полъ-вершка. И такъ, ружьецо заряжено, но не порохомъ, а воздухомъ. Стрѣлокъ, ставши въ позу, ружьецо держитъ въ лѣвой рукѣ, а шомполъ съ концомъ, находящимся внутри ружьеца, въ правой рукѣ, взявши ручку его въ кулакъ; и, направивъ ружьецо на какой нибудь предмѣтъ, быстро вталкиваетъ шомполомъ пулю, отчего нижняя пуля, вытѣсняемая

сжатымъ воздухомъ, вылетаетъ со звукомъ «хлопъ!» на нѣсколько саженей. Хорошо сдѣланное ружьецо и притомъ длиною около аршина и съ отверстіемъ въ мизинецъ взрослаго издаетъ звукъ не хуже плохой винтовки.

Пукычъ. (Табл., рис. 6). На деревянной ложѣ, подобной ружейной, дѣлается желобокъ, служащій вмѣсто ствола. На нижнемъ концѣ ложи просверливается дырочка, въ которую можетъ проходить палецъ. Въ ложу черезъ дырочку продѣвается соразмѣрной съ отверстіемъ толщины вязовый или вересковый лукъ длиною болѣе чѣмъ ложа; къ обоимъ концамъ лука привязывается натянутая крѣпко бичевка. На другомъ концѣ ложи дѣлается зарубка, и на эту зарубку зацѣпляется натянутая съ лукомъ бичевка, а къ послѣдней, т. е. къ бичевкѣ, въ желобокъ кладется стрѣлка или камешекъ шарообразной или продолговатой формы. Когда положена стрѣлка или замѣняющій ее камешекъ, бичевка отцѣпляется указательнымъ пальцемъ правой руки, быстро ударяетъ о стрѣлку и послѣдняя летитъ. Для удобства спуска бичевки съ зарубки, къ ней придѣлывается еще плашка въ родѣ ружейной плашки.

Трещетка. (Рис. 7). Трещетка эта представляетъ собой четыреугольную продолговатую рамку съ поперечникомъ въ срединѣ, раздѣляющимъ рамку на два квадрата. Она имѣетъ сходство съ одноручной пилкой съ тѣмъ только различіемъ, что на мѣстѣ пилки, внутри рамки, вертящійся валикъ съ желобками кругомъ вдоль самаго валика. На одномъ концѣ валика, какъ у пилы, ручка. Рамку раздѣляетъ на четыре клѣтки березовая пластинка шириною съ полъвершка. Одинъ конецъ пластинки, положенный на средину задней рамки, прикрѣпляется къ рамкѣ ниткой, а другой, проходя чрезъ нижнюю сторону поперечника, остается въ желобкѣ. Теперь, если возьмемъ трещетку за ручку и будемъ вертѣть ее снизу вверхъ, конецъ пластинки, ударяясь о стѣнки желобковъ, будетъ производить трескъ.

Кукла-свистулька. (Рис. 8). Это глиняный болванъ утки съ пустотой внутри; по бокамъ болвана небольшія дырочки, а въ концѣ, изображающемъ хвостикъ, отверстіе какъ у оловянной свистульки полицейскихъ служителей. Взявши уткообразную свистульку за оба бока между большимъ и указательнымъ пальцами обѣихъ рукъ, конецъ хвостика берутъ въ губы и дуютъ въ плоское

отверстіе въ концѣ хвостика; при этомъ кукла свиститъ, а для разнообразія звуковъ боковыя дырочки попеременно то закрываются, то открываются указательными пальцами.

Жужжалка. (Рис. 9). Въ срединѣ цилиндрической деревяшки, длиною не менѣе вершка и толщиною съ большой дѣтскій палецъ, просверливаются рядомъ, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, двѣ дырочки; затѣмъ берется крѣпкая нитка или шнурокъ длиною съ аршинъ и оба конца нитки или шнурка продѣваются чрезъ дырочки: одинъ конецъ въ одну дырочку, а другой — въ другую и нитка связывается; потомъ, вытянувши половину двойной нитки, одинъ конецъ таковой, съ узломъ, надѣвается на указательный палецъ правой руки, а другой, безъ узла, на указательный палецъ лѣвой руки; затѣмъ нитка натягивается въ горизонтальномъ направленіи и деревяшка стоитъ вертикально, находясь на срединѣ нитки. Чтобы деревяшка, кружась, издавала жужжанье, она вертится на ниточкѣ снизу вверхъ до тѣхъ поръ, пока не скрутится нитка. Когда нитка достаточно скрутилась, тогда за оба конца ея то тянутъ, то отпускаютъ, отчего самая нитка посредствомъ вертящейся деревяшки крутится то въ ту, то въ другую сторону и, крутясь, вертитъ деревяшку, которая при этомъ издаетъ жужжанье. Крутящаяся безпрестанно нитка попеременно то укорачивается, то удлинняется.

Прыщалка. Это сифонъ изъ травной дудки съ тупыми концами; на одномъ концѣ, гдѣ суставъ дудки, продѣлывается небольшая дырочка для прохода струи воды. Поршень такой же, какъ и у обыкновеннаго сифона. Прыщалка употребляется дѣтьми инородцевъ какъ игрушка при игрѣ у воды.

Перышко-ружьецо. (Рис. 10). Кончикъ цилиндрическаго стволика перышка срѣзывается, угловатый стержень отрѣзывается, а сердцевина изъ стволика вынимается. Третья часть стволика изъ средины въ длину вырѣзывается въ глубину не болѣе половины толщины стволика и вырѣзанное мѣсто собой представляетъ стеклянную трубку водянаго уровня, а самый стволикъ — оправу ея. Снизу противъ вырѣзаннаго мѣста, на самой срединѣ его, вырѣзывается опять небольшая дырочка. Стержень отъ опахала или опушка пера очищается и тонкій конецъ его срѣзывается. Затѣмъ на тонкомъ концѣ стержня дѣлаются два коленчатыхъ сгиба, первый

съ конца — книзу, а другой — кверху; остальная же часть, которая потолще и длинѣе, оставляется для ручки. Коленчатый стержень изображаетъ собой ломанную линію и служитъ пружинкой для дѣйствія ружьеца. Пружинка входитъ въ стволъ; взявши за первый суставъ большимъ и указательнымъ пальцемъ, конецъ задѣваютъ слегка за нижнюю дырочку, но такъ, чтобы онъ, т. е. кончикъ, много не выставлялся внаружу нижней стороны стволика, для чего дырочка дѣлается, небольшая. Поднятая пружинка образуетъ собой острый уголъ, обращенный вершиной кверху. Теперь, если положимъ къ пружинкѣ горошинку или спичку и нажмемъ пружинку съ другаго конца большимъ пальцемъ, то кончикъ пружинки, вышедши изъ отверстія, ударитъ о спичку и тѣмъ отшибетъ ее, отчего спичка летитъ.

Крестъ-меледа́. Четыре деревяшки, имѣющія форму бруска одинаковой величины, длиною не менѣе двухъ вершковъ и толщиною не болѣе полъ-вершка, посредствомъ сдѣланныхъ въ срединѣ зарубокъ складываются плотно какъ крестъ. Четвертая деревяшка, служащая клиномъ, безъ зарубокъ. Сложить ихъ весьма трудно, а разложить, не зная клинка, невозможно, такъ какъ снаружи никакихъ зарубокъ не видно.

Кольцо-меледа́. Четыре металлическихъ изъ проволоки кольца, раздѣленныя попарно, вдѣваются другъ въ друга и посредствомъ разныхъ сгибовъ въ одной сторонѣ складываются въ одно кольцо и на мѣстѣ, гдѣ находится камешекъ у колецъ, образуется какъ бы плетенка. Сложить ихъ вдругъ невозможно и если человѣкъ незнакомъ съ устройствомъ сгибовъ, сложить при всемъ стараніи и совсѣмъ не можетъ. Подобныя же кольца встрѣчаются и изъ семи колецъ.

Бабки костяныя. Ставятся онѣ на полу или на дорогѣ, если играютъ лѣтомъ, попарно въ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга въ одномъ направленіи. Отошедши отъ бабокъ шаговъ на десять, бросаютъ въ нихъ какой нибудь металлической штучкой около двухъ вершковъ, и если подшибутъ сколько бабокъ — тѣ выиграны. Съ другого конца начинаетъ бить тотъ, чья штучка лежитъ ближе къ бабкамъ.

Лодыжки. Для игры употребляются лодыжки отъ коленнаго сустава овечьихъ ногъ. Два или три человѣка играющихъ мальчи-

ковъ садятся за столъ и вынимаютъ изъ-за пазухи лодыжки и мечутъ жребій—кому начать игру; для этого каждый беретъ двѣ лодыжки и бросаетъ на столъ, условившись прежде, которой стороной должны быть обращены лодыжки; но обыкновенно употребляется ровный бокъ лодыжки, называемый «толъ»; этотъ бокъ въ игрѣ называется старшимъ. Чьи лодыжки больше обращены кверху условной стороной, тотъ беретъ всѣ лодыжки, къ которымъ прибавляютъ еще нѣсколько паръ, и, сгребши въ руки, бросаетъ ихъ на столъ; потомъ смотритъ и считаетъ, сколько въ группѣ парныхъ лодыжекъ, обращенныхъ одной стороной. Сколько ихъ будетъ въ группѣ — всѣ онѣ выиграны. За первымъ по очереди бросаетъ другой. Десятокъ лодыжекъ цѣнится копѣйка, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ—грошъ. Въ зимнее время по вечерамъ у мальчишекъ главная игра—игры въ лодышки.

Пѣшки. Цилиндрическая палочка толщиною съ мизинецъ десятилѣтняго мальчика разрѣзывается ножемъ въ пѣшки вышиной съ четверть вершка, числомъ около 15; потомъ всѣ эти пѣшки по срединѣ раскалываются и изображаютъ собой половинныя шашечки, какими играютъ на шахматной доскѣ. Предъ началомъ игры двое или трое мечутъ жребій такимъ же образомъ, какъ и при игрѣ въ лодыжки; но выигрываются пѣшки слѣдующимъ образомъ: если стоятъ рядомъ двѣ пѣшки, обращенныя кверху одной стороной, игрокъ, зацѣпивши указательный или средній палецъ правой руки за большой палецъ, щелкаетъ пѣшку, которая и должна ударить о другую парную пѣшку: если ударилась пѣшка о другую, то послѣдняя, какъ выигранная, кладется игрокомъ въ сторону; а если не ударилась, продолжать дальше до слѣдующей очереди не въ правѣ, а бьетъ уже слѣдующій; такъ равно не въ правѣ игрокъ продолжать игру до слѣдующей очереди и тогда, когда которая нибудь изъ двухъ дѣйствующихъ пѣшекъ ударится въ стороннюю пѣшку. Конечно это зависитъ отъ умѣнья игроковъ и положенья самыхъ пѣшекъ. Для того, чтобы пѣшки не стояли въ одной грудѣ, а нѣсколько въ сторонѣ одна отъ другой, они игрокомъ должны быть разсыпаны умѣючи. Такимъ образомъ, игра по очереди продолжается игроками до тѣхъ поръ, пока не останется ни одной пѣшки. Потомъ игроками считаются всѣ пѣшки, кто сколько ихъ выигралъ, посредствомъ извѣстнаго уже щелканья. Кто выигралъ больше противъ причи-

тающагося по раздѣленіи всѣхъ пѣшекъ на число играющихъ количества, тотъ даетъ другимъ недостающее число пѣшекъ, оставляя при себѣ только причитающееся на его долю количество, и за это даетъ принявшему по лбу щелчки такимъ же образомъ, какъ ударялись при игрѣ, пѣшки, при каждомъ ударѣ приговаривая: «мало не выигрывай!» Предположимъ, играютъ трое, а всѣхъ пѣшекъ 24; слѣдовательно, на каждаго игрока причитается 8 пѣшекъ; если, напримѣръ, одинъ выигралъ 12 пѣшекъ и другой 9, то третій выигралъ только 3; первый даетъ выигравшему 3 пѣшки и своихъ 4, и даетъ за это по лбу 4 щелчка, а второй, выигравшій 9 пѣшекъ, даетъ третьему же 1 пѣшку и одинъ щелчекъ.

Эстафета и почта. Одинъ изъ мальчиковъ, привязавши палку къ веревкѣ и взявши послѣднюю въ лѣвую руку, бѣжитъ верхомъ на палкѣ, постегивая ее свободнымъ концомъ веревки, которую беретъ въ правую руку. Другіе мальчики отъ двухъ до четырехъ человѣкъ, взявши въ руки свою веревку, бѣгутъ рядомъ, а за нимъ одинъ изъ мальчиковъ съ концомъ веревки въ рукахъ бѣгутъ за ними, понукая ихъ. Первый изображаетъ эстафету, а послѣдніе—почту.

Игры мальчиковъ и дѣвочекъ съ движеніями. Спрятки. Передъ игрой нѣсколько мальчиковъ мечутъ между собой жребій, кому искать спрятавшихся мальчиковъ. Метанье жребія производится слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ мальчиковъ держитъ въ рукѣ вертикально палку и каждый беретъ ее въ руку, кладя руку на руку. Такимъ образомъ, кулаки поднимаются выше и выше. Кому пришлось взять палку за верхній конецъ, тому и искать спрятавшихся. Быть можетъ, вверху еще останется пустой конецъ, тогда конецъ покрывается по очереди нижними руками. Долженствующій искать у спрятавшихся станетъ на условленномъ мѣстѣ гдѣ нибудь въ углу зданія, такъ какъ самая игра производится около зданій, и, прижавшись въ уголъ лицомъ, долженъ стоять до времени; прочіе разбѣгаются въ разныя стороны, чтобы спрятаться отъ стоящаго въ углу. Когда всѣ спрятались, даютъ свистъ, означающій, что играющіе уже спрятались. Стоящій въ углу, услышавши свистъ, отвертывается и идетъ искать, озираясь кругомъ, чтобы не занялъ его мѣсто кто нибудь изъ спрятавшихся. Если найдетъ кого изъ спрятавшихся или увидитъ его на мѣстѣ, мѣсто его занимаетъ тотъ, котораго онъ нашелъ или увидѣлъ. А если спрятавшійся, улучивъ минуту, успѣетъ тайкомъ про-

браться къ его мѣсту и займетъ его—опять долженъ отправить должность искателя старый. Въ эту игру играютъ ребятишки и дѣвченки и называется она по вотски «чимали».

Горѣлки. Двѣ взрослыя дѣвушки берутъ другъ друга за руки, а третій (обыкновенно парень или, за неимѣніемъ его, дѣвушка же) стоитъ впереди ихъ задомъ; дѣвушки бѣгутъ впередъ, не желая быть пойманными парнемъ, а парень гонится за той, которую считаетъ легче поймать или хлопнуть по спинѣ. Которую дѣвушку парень поймалъ или хлопнулъ по спинѣ, той стоять въ другой разъ на мѣстѣ парня; въ противномъ случаѣ, долженъ бѣгать за дѣвушками опять парень.

Скаканье черезъ веревку. Два мальчика берутъ веревку длиною около трехъ сажень и отошедши другъ отъ друга, слегка натягиваютъ веревку и машутъ ей то въ ту, то въ другую сторону, а третій мальчикъ черезъ веревку перескакиваетъ такъ, что и не задѣваетъ за веревку ногой.

Забавы молодежи: 1) *качели*, въ употребленіи только на недѣлѣ св. Пасхи; 2) *скаканье* на доскахъ; 3) *катанье съ горъ* на масляной недѣлѣ на корытахъ, политыхъ снизу водой, на лубянкѣ и на салазкахъ и 4) *катанье съ шестовъ*. Забавы эти, какъ употребительныя на Руси и извѣстныя давно, не требуютъ описаній.

Занятія маленькихъ дѣвушекъ. Дѣвочки, собравшись у одной изъ подружекъ, дѣлаютъ изъ разныхъ лоскутковъ куклы, стряпаютъ лѣтомъ гдѣ нибудь во дворѣ изъ глины перепечи, шанежки, пирожки и проч. и, настряпавши довольное количество, кто принимаетъ названіе гостьи, а кто—хозяйки и воспроизводятъ дѣйствіе пріема и угощенія гостей.

Мальчишки лѣтомъ дѣлаютъ *ходули* и учатся на нихъ ходить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ автора сего описанія случай приводилъ видѣть и *фокусы*, которые заключаются въ слѣдующемъ:

1) *Узнать который изъ трехъ кружковъ задѣтъ и кѣмъ именно.* Этотъ фокусъ исполняется съ помощью товарища, съ которымъ ранѣе уговариваются о способѣ исполненія фокуса. Фокусникъ чертитъ на стѣнѣ мѣломъ три кружка, стоящіе вертикально въ равномъ разстояніи одинъ отъ другого и говоритъ присутствующимъ при фокусѣ; «вотъ здѣсь три кружка. Я войду въ сѣни—и мнѣ нельзя будетъ

видѣть сквозь стѣнъ что здѣсь дѣлается. Задѣньте кто нибудь одинъ изъ этихъ трехъ кружковъ и я узнаю, который изъ нихъ задѣтъ и даже скажу, кто задѣлъ». Сказавши это, онъ выходитъ. Товарищъ его не спускаетъ глазъ съ кружковъ. Вотъ одинъ изъ находящихся въ комнатѣ задѣлъ кружокъ и отошелъ въ сторону; товарищъ фокусника видитъ это и не теряетъ изъ виду того, который задѣлъ кружокъ. Фокусникъ входитъ въ избу.... съ товарищемъ переглянулся. Товарищъ, какъ только фокусникъ посмотрѣлъ на него, дѣлаетъ условные знаки: если задѣтъ верхій кружокъ—почешетъ немножко свой лобъ, если средній—грудь, а если нижній—животъ, и по этимъ знакамъ фокусникъ знаетъ, который кружокъ задѣтъ. Если почесалъ лобъ, значитъ, задѣтъ верхній кружокъ, если грудь—средній кружокъ, а если животъ—нижній. Теперь нужно ‚узнать› который человѣкъ задѣлъ кружокъ. Фокусникъ здоровается съ каждымъ присутствующимъ въ комнатѣ за руку, спрашивая его: «какъ поживаешь, другъ?» или что нибудь въ этомъ родѣЕсли здоровается съ тѣмъ, который задѣлъ кружокъ, товарищъ его издаетъ какіе нибудь звуки, напримѣръ, зѣвнётъ, или плюнетъ, или высморкается, и по этому фокусникъ знаетъ который задѣлъ, и тогда, поздоровавшись со всѣми, садится на лавку, зоветъ задѣвшаго кружокъ и говоритъ, смотря ему въ глаза: «плутовски твои глаза! ты задѣлъ». Чтобы не привлечь на себя вниманія присутствующихъ при фокусѣ, товарищъ фокусника дѣлаетъ знаки и произноситъ разнообразные звуки. Иной, для разнообразія, держитъ въ рукѣ какую нибудь лучинку, а лучше трубку, если товарищъ взрослый. Если при появленіи фокусника, онъ, куря табакъ, трубку держитъ въ рукѣ, это означаетъ, что задѣтъ нижній кружокъ, если держитъ чубукъ, взявши его за средину—задѣтъ средній кружокъ, если же трубка во рту, не поддерживается рукой, значитъ, задѣтъ верхній кружокъ. Конечно хорошее исполненье фокуса зависитъ отъ умѣнья и часто повторять фокусы тоже нельзя.

2) *Черезъ столъ запятнать углемъ ладонь лѣвой руки.* Для этого никакихъ товарищей—помощниковъ не требуется. Фокусникъ идетъ къ печкѣ и, вынимая изъ печки уголь, незамѣтно для присутствующихъ чернитъ углемъ ноготь средняго или безымяннаго пальца. Взявши въ правую руку уголь, подходитъ къ столу и, показывая ладонь лѣвой руки, говоритъ: «смотрите, на ладони никакого пят-

нышка нѣтъ. Вотъ я положу руку подъ столъ и буду поддерживать его ладонью, чтобы онъ, какъ я ударю углемъ, не шевельнулся. Углемъ брошу въ столъ и через него ладонь руки запятнается». Сказавши это, онъ лѣвую руку кладетъ подъ столъ, и взявши въ правую руку уголь, бросаетъ имъ въ столъ противъ той руки, которая находится подъ столомъ и чрезъ мгновеніе показываетъ ладонь лѣвой руки,—на ладони оказывается черное пятно, которое получилось отъ зачерненнаго ногтя пальца пригнутаго къ ладони. Этого никто изъ присутствующихъ не замѣчаетъ.

и 3) *Надѣть на лучину, взятую зрителемъ за оба конца, кольцо.* Фокусникъ беретъ у одного изъ зрителей кольцо и завертываетъ его въ свой платокъ на глазахъ зрителей; потомъ беретъ лучинку или вицу длиною около трехъ четвертей, даетъ ее зрителю, держа въ рукѣ за средину. Когда зритель возьметъ лучинку въ руки за оба конца, фокусникъ даетъ ему въ зубы одинъ изъ угловъ платка съ завернутымъ кольцомъ, отпускаетъ лучину и держитъ платокъ въ рукѣ. Чтобы придать фокусу магическое значеніе, фокусникъ говоритъ: «разъ два, три», затѣмъ, дунувши въ платокъ, обращается къ зрителю: «ну, отпускай кольцо!»; зритель отпускаетъ, фокусникъ сдергиваетъ платокъ съ лучины и потряхиваетъ платкомъ, — кольцо на лучинкѣ. «Вотъ диво» говоритъ зритель: «какимъ образомъ кольцо очудилось на лучинкѣ?». А секретъ въ слѣдующемъ: въ платкѣ фокусника зашито кольцо. Взявши у зрителя подобное же своему кольцо, онъ для примѣра завертываетъ зашитое въ платокъ кольцо, между тѣмъ кольцо зрителя уже въ лѣвой рукѣ его, и взявши лучинку, продѣваетъ ее въ кольцо и беретъ лучинку съ кольцомъ за средину. Зритель, когда фокусникъ держитъ лучинку въ кулакѣ, беретъ лучинку за оба конца; фокусникъ даетъ ему въ зубы платокъ съ кольцомъ и отпускаетъ руку; кольцо же покрывается платкомъ, слѣдовательно, не видно зрителю.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ *).

Лѣтоисчисленіе. Инородцы нынѣ ведутъ лѣтоисчисленіе по русски; только нѣкоторые, прозябающіе въ грубомъ невѣжествѣ, ведутъ его еще отъ какихъ нибудь важнѣйшихъ событій, памятныхъ для нихъ. Въ частныхъ случаяхъ говорятъ: назадъ тому годъ, два, три и т. д. Годъ называется *аръ* и раздѣляется на 12 временъ, соотвѣтствующихъ 12 мѣсяцамъ христіанскаго лѣтосчисленія, начиная съ 1-го весенняго мѣсяца. Мѣсяцы эти слѣдующіе: 1) *куака́ толызь* «вороній мѣсяцъ». Это названіе объясняется тѣмъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ на дорогахъ можно видѣть воронъ, ищущихъ лужицъ напиться изъ нихъ воды; 2) *ошъ толызь* «бычій мѣсяцъ», соотвѣтствующій апрѣлю, когда изъ лужицы напивается уже и быкъ; 3) *тулысъ* или *куаръ толызь* «весна, листовый мѣсяцъ»; 4) *инъ-вожд̀-толызь* «мѣсяцъ божества Инъ вожо» 5) *Сиздылъ па́лъ* «осенняя сторона», когда со второй половины этого мѣсяца (іюля) жары смѣняются уже прохладой, особенно по ночамъ, а вода начинаетъ холодѣть. Мы должны замѣтить, что начало мѣсяца въ вотскомъ времясчисленіи совпадаетъ обыкновенно съ 15—20 числомъ; 6) *сизьылъ* «осень»; 7) *кваръ-у се́нъ* «опаданіе листьевъ»; 8) *коньы ву́днъ* «приходъ бѣлки». Приходомъ бѣлки считается принятіе векшей настоящаго цвѣта, годнаго для мѣха, когда наступаетъ время стрѣльбы этихъ звѣрковъ; 9) *шуръ кынмо́нъ* «замерзаніе рѣкъ»; 10) *толъ суръ* «зимнее пиво»—время зимнихъ пирушекъ, совпадающее со святками; 11) *толъ-шо́ръ* «средина зимы». Это соотвѣтствуетъ времени памяти преподобной Ксеніи (24 января); русскіе считаютъ съ этого времени другую половину зимы, поэтому преподобную Ксенію называютъ *Аксиньей*

*) Во время печатанія предыдущихъ страницъ авторъ прислалъ дополнительныя свѣдѣнія о бытѣ Вотяковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній включены въ соотвѣтствующія мѣста, другія не могли быть размѣщены, такъ какъ отдѣлы, къ которымъ они относятся были уже напечатаны, и приводятся здѣсь. *Ред.*

полузимницей и 12) *Тулысъ-пáлъ* «весенняя сторона», когда со второй половины мѣсяца начинаются оттепели.

Въ недѣлѣ считается тоже семь дней и самые дни называются какъ и русскими. но только съ измѣненіями ударенiй, которые слышатся всегда на послѣднемъ слогѣ; впрочемъ, воскресенье называется *арня-нунáлъ* «недѣли день». Сутки раздѣляются на 11 частей, именно: 1) *чукнá* «утро»; 2) *чукна-сіиськонъ-дыръ* «время завтрака»; 3) *кунаэ̀-торъ* «средина обѣда или полдень»; 4) *джытъ пáлъ-сіиськóнъ* «паужинъ»; 5) *джытъ* «вечеръ»; 6) *акшанъ-дыръ* «время Акшана (божества)», т. е. сумерки; 7) *уйинъ* «ночь»; 8) *кэлонъ-дыръ* «время сна»; 9) *уйторъ* «средина ночи или полночь» и 10) *султонъ-дыръ* «время пробужденія», соотвѣтствующее утреннему пѣтлоглашенію и 11) *югытáнъ* «разсвѣтъ». Время ночью опредѣляется по пѣнію пѣтуховъ и по звѣздамъ. Въ этомъ отношеніи между звѣздами болѣе замѣчательны: 1) *кузьбыжо-кизилй* «созвѣздіе съ длиннымъ хвостомъ» (большая медвѣдица или седмизвѣздица). Эта же звѣзда еще называется *іыръ іылъ-кизилй* «созвѣздіе надъ головой» потому что созвѣздіе это, какъ говорятъ, въ полночь стоитъ надъ головой; 2) *джекъ-кунъ кизилй* «ножки стола» (поясъ Оріона); 3) *зоринчà кизилй* (сиріусъ). По положенію этой звѣзды знаютъ приближеніе утра; 4) *исникутъ-кизилй* «изношенный лапоть» (сѣверный вѣнецъ) и 5) *серъпужъ кизили* «рѣдкое рѣшето» (плеяды).

Семейныя печати (подэмъ пусъ). Въ прежнія времена, когда инородцы были противниками всякаго образованія, грамота у нихъ состояла въ рубежахъ, дѣлаемыхъ на лутошечныхъ палочкахъ и въ разныхъ знакахъ, похожихъ на китайскія буквы и имѣвшихъ каждый особое названіе и форму. Такіе знаки были подобіями очертаній какихъ нибудь предметовъ, но въ этихъ очертаніяхъ кривыхъ линій, въ виду неудобствъ при вырѣзываніи имѣющимися у вотяковъ орудіями—ножемъ или топоромъ, старались избѣгать. Они существуютъ и теперь и имѣетъ ихъ каждый домохозяинъ, какъ семейную печать; называютъ ихъ сами вотяки *подэмъ пусъ*, а русскіе—*тамгáми*. Вотъ изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ: < *узэньги*, ⅂ *кыметъ*, *синйкъ* «вилы», *курегъ-пыдъ* «куричья ножка» *маджесъ* «грабли» и проч. Нынѣ знаки эти вырубаются топоромъ или вырѣзываются ножемъ на бортяхъ,

ульяхъ и на бревнахъ, заготовляемыхъ для строеній и вездѣ, гдѣ нужно обезопасить собственность отъ захвата чужими; эти знаки также ставятся вотяками на межахъ своихъ полосъ, при огородахъ и дорогахъ. Знаки, поставленные при огородахъ и дорогахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что пространство, заключающееся между ними, должны содержать въ исправности тѣ семейства, которымъ принадлежатъ знаки. Еще недавно такіе знаки имѣли значеніе собственноручной подписи и печати и на нихъ основывались дѣла при совершеніи актовъ и дѣловыхъ бумагъ; нынѣ въ бумажныхъ дѣлахъ ихъ замѣняетъ уже рукоприкладство, сдѣланное грамотнымъ по довѣрію или личной просьбѣ неграмотнаго, за что последній платитъ рукоприкладчику 5—10 коп. При другихъ случаяхъ они имѣютъ прежнее значеніе.

Женскія грамотки. Между женщинами у инородцевъ въ большомъ употребленіи такъ называемые *салáмы*—носылки или посланія, которыми служатъ обыкновенно лоскутки ситцу или холста. Если кого изъ родственницъ нужно увѣдомить о какомъ нибудь важномъ и при томъ радостномъ событіи, напримѣръ, о новорожденномъ, съ приглашеніемъ въ гости, то лоскутокъ вручается какому нибудь попутному съ просьбой передать его просимому лицу съ приглашеніемъ въ гости. Лоскутки-грамотки обыкновенно избираются такіе, которые уже извѣстны приглашаемымъ, чтобы придать посылкѣ болѣе значенія. Передающій саламъ и слова приглашающихъ получаетъ угощеніе кумышкой какъ гость; но должно замѣтить, что лоскутки-грамотки посылаются только со знакомыми и непремѣнно съ единоплеменниками. Если лоскутокъ посылается съ хорошимъ знакомымъ или родственникомъ, то такой знакомый или родственникъ за передачу салама и за приглашеніе въ гости получаетъ особенное угощеніе, и за таковое угощеніе считаетъ непремѣннѣйшею обязанностію подарить хозяйкѣ при угощеніи монету около 5 коп. Монету хозяйка принимаетъ на правый рукавъ платья и благодаритъ гостя за подарокъ, а иная пропоетъ еще милому гостю пѣсенку о предметахъ, касающихся гостя; а если раздобрится и если гость словоохотливъ,—принесетъ бутылку съ лучшей кумышкой и подаетъ ему сряду нѣсколько рюмокъ таковой. Угощающая гостя молодушка, по полученіи отъ гостя въ даръ монеты, считаетъ обязанностію покло-

ниться гостю въ ноги, чѣмъ и поселяетъ въ гостѣ хорошее мнѣніе о себѣ и гость отзывается о ней съ хорошей стороны, говоря, что угостившая его молодушка будетъ хорошею хозяйкой, что она скромна, кротка, не горда и т. п.

Вновь открытыя божества и другія миѳическія лица. Между божествами и другими сказочными существами, поименнованными нами прежде, не послѣднее мѣсто въ вотской миѳологіи занимаютъ слѣдующія вновь открытыя лица: 1)

Лудз—богъ поля. Слово лудъ означаетъ поле; но чтобы отличить поле отъ божества, введено другое слово «бусы», означающее тоже поле. Этому божеству приносится жертва въ Лудъ-кенерѣ (лудъ-поле, кенеръ—огородъ, т. е. полевой огородъ—мѣсто жертвоприношенія); 2) *Прйтча*—духъ зла или демонъ, наводящій на человѣка, особенно на дѣтей, страхъ съ болѣзнію; онъ же и богъ внезапныхъ болѣзней. 3) *Лудз-шайтанз*—полевой бѣсъ; 4) *Мунчопочетка* или *Мынчо-муртз*—банный бѣсъ; 5) *Обинь Муртз*—бѣсъ находящійся въ ямѣ овина; 6) *Порпй* — богъ морозовъ. Если во время стужи зимой трещатъ стѣны строеній, то говорятъ, что стрѣляетъ Порпи (Порпй ыбылъиськѐ). Это слово заимствовано изъ общаго названія черемисъ (поръ-черемисинъ пи-сынъ; отсюда Порпи—сынъ черемисина). Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что у черемисовъ въ древнія времена былъ сильный богатырь, получившій извѣстность между народами финскаго племени; по смерти духъ его блуждаетъ вездѣ, ища встрѣчи съ подобными себѣ духами и впослѣдствіи сталъ стрѣлять во время сильныхъ морозовъ отъ ружья, заряженнаго стужей и 7) Тэтэресъ-уромъ. Это существо представляется какимъ-то бѣсомъ съ гусиными лапками. О немъ мы слышали въ селеніяхъ, лежащихъ около Глазовско-Сарапульской границы. По повѣрью, Тэтэресъ-уромы живутъ въ липовыхъ дуплахъ; слѣды ихъ похожи на слѣды гусей. Притчѣ приносится въ жертву черная или сѣрая утка на томъ мѣстѣ, гдѣ человѣкъ, испугавшись, получилъ болѣзнь. Мынчо Мурту и Обинь-мурту жертвъ, кажется, не приносится, но они служатъ предметомъ страха; поэтому ходить въ баню одному поздно вечеромъ и сушить овинъ въ полночь, считается дѣломъ если не опаснымъ, то, по крайней мѣрѣ, страшнымъ.

Привидѣніе (пэртмаськонъ). Всякій знаетъ, что привидѣніе на

слабонервныхъ наводитъ неописанный страхъ. Чтобы исчезло привидѣніе, слѣдуетъ только, по существующему повѣрью, пятиться задомъ въ сторону привидѣнія и обнять его обѣими руками. Церковный сторожъ—вотякъ намъ разсказывалъ, что въ церковь былъ принесенъ покойникъ и оставался тамъ ночью. Были уже сумерки; въ церкви кромѣ одного сторожа не было никого. Сторожъ пошелъ за огарками свѣчей къ клиросу и обратно долженъ былъ проходить мимо покойника. Прошелъ онъ покойника и оглянулся назадъ. Вдругъ представилось ему такое видѣніе: изъ гроба всталъ въ бѣломъ саванѣ мертвецъ и побѣжалъ за сторожемъ... Сторожа обдало какъ холодной водой. Однако онъ не упалъ совсѣмъ духомъ, а вспомнивши разсказъ, которымъ совѣтовалось привидѣніе обнять назадъ руками, онъ сталъ пятиться задомъ... Шагнулъ раза три и обнялъ привидѣніе сзади руками. Привидѣніе исчезло.

Пуговка съ солдатской шинели. Чтобы не могъ заговориться колдунъ, ружье слѣдуетъ зарядить пуговкой съ солдатской шинели. Колдуны отъ дроби заговариваются, а отъ пуговки съ шинели не могутъ. По разсказамъ инородцевъ, Казанская царица предъ взятіемъ Казани, заговорившись отъ дроби и пуль, стояла на городской стѣнѣ и показывала солдатамъ половыя части, говоря: «вотъ вамъ Казань!».

Лай собаки (пуны утӧнъ). Собака лаетъ на нѣсколько различныхъ ладовъ; такъ, напримѣръ, на волковъ лаетъ совершенно иначе, чѣмъ на человѣка; на вора тоже въ другомъ тонѣ. Кто привыкъ различать тоны и напряженія голоса собаки, тотъ безошибочно опредѣлитъ причину лая.

Шапка (ызьы). Извѣстно, что при молитвахъ, возсылаемыхъ воображаемымъ божествамъ, вотяки шапокъ не снимаютъ. Чтобы познакомиться со значеніемъ шапки во время молитвы авторъ настоящей статьи распрашивалъ нѣкоторыхъ инородцевъ, почему попы ихъ во время молитвы стоятъ въ шапкахъ, и въ результатѣ получилось слѣдующее: 1) старики прежде молились въ шапкахъ и говорили, что вотская молитва безъ шапки не угодна Богу; 2) безъ шапки будешь молиться—Нюлэсъ-Муртъ будетъ сердиться; 3) при молитвѣ жрецъ безъ шапки, все равно какъ безъ головы и проч.

Вѣтка или сучекъ, который держатъ жрецы при молитвѣ, должны

изображать собой подобіе креста, т. е. при стволикѣ должны быть, по крайней мѣрѣ, двѣ вѣточки, идущія одна въ правую, а другая въ лѣвую сторону отъ одного колѣна. Безъ вѣтки молитвы все равно, что не молитвы, такъ говорили старики.

Секты. Начало просвѣщенію вотяковъ, по преданію, положилъ преподобный Трифонъ, мощи котораго въ настоящее время почиваютъ подъ спудомъ. О преподобномъ Трифонѣ въ Поломско-Балезинской сторонѣ мы слышали такой разсказъ. Преподобный Трифонъ, говорятъ, работалъ на Каменномъ Задѣльи (по тракту между Поломомъ и Балезиномъ), гдѣ, между прочимъ, тесалъ камни на мельничные жернова. Отъ рабочихъ онъ переносилъ всякаго рода насмѣшки: лили на него помои, толкали его, плевали на него и т. д. Однажды на берегу рѣки Чепцы, Трифонъ, послѣ разныхъ насмѣшекъ надъ нимъ, скатилъ жерновъ въ рѣку и тутъ совершилось чудо: жерновъ не утонулъ, а лежалъ на водѣ, какъ на твердой землѣ. Трифонъ сѣлъ на жерновъ и поплылъ внизъ по теченію рѣки. Пораженные этимъ чудомъ, насмѣшники обратились къ нему съ такими словами; «воротись, отче Трифоне!» Трифонъ сказалъ на это: «оставайтесь съ Богомъ!» Особенное вниманіе на просвѣщеніе вотяковъ христіанскою вѣрою было обращено Казанскою Конторою инородческихъ дѣлъ, учрежденною для обращенія иновѣрцевъ въ христіанство. Въ Глазовскомъ уѣздѣ священникъ Ѳедоръ Ившинъ одинъ окрестилъ болѣе 2,000 Вотяковъ и основалъ 10 приходовъ. Апостольскіе труды Ившина были сопряжены съ опасностью для жизни, и въ одно время толпа вотяковъ чуть не сожгла его съ домомъ. По разсказамъ самихъ инородцевъ обращенію ихъ предковъ въ христіанство способствовали особенно льготы, которыя даровались новокрещеннымъ, именно: освобожденіе отъ рекрутской повинности и податей; проповѣдь же христіанская въ устахъ проповѣдниковъ мало имѣла силы, а причиной этому были неразумныя толкованія истинъ вѣры на вотскомъ діалектѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ принятія христіанской вѣры, между инородцами возникли религіозныя смуты, которыя окончились тѣмъ, что большая часть инородцевъ приняла названіе *вылепырысевъ* (выле—во вновь, пырысь—входящій, отсюда слово: вступающій въ новую вѣру). Основателями такой секты и главными

дѣятелями въ ней были ворожцы—*тунаси* и жрецы. Остающимся въ христіанской вѣрѣ вылепырыси, особенно жрецы ихъ, говорили, что за отступленіе отъ старой вѣры и принятіе новой не вылепырыси будутъ наказаны жесточайшимъ образомъ, что жизнь ихъ будетъ переполнена бѣдствіями; земля ихъ не будетъ производить удовлетворительныхъ урожаевъ хлѣбовъ, люди будутъ умирать отъ различныхъ болѣзней. Секта вылепырысевъ требовала; 1) не носить никакихъ пунцовыхъ ситцевъ, кумачу, пестряди синей, какую носятъ русскіе; 2) для обуви не употреблять ни сапоговъ, ни башмаковъ, ни русскихъ лаптей; 3) всякую одежду, какую воспрещаетъ носить секта, если таковая у кого найдется, бросать въ лѣсъ или сжигать на огнѣ; 4) съ русскими никакихъ сношеній не имѣть и проч. Послѣдователи этой секты по первому же слову жрецовъ запрещенную одежду бросали въ лѣсъ, которая бѣдными потомъ подбиралась. Чтобы привлечь въ свою секту болѣе послѣдователей, жрецы распускали слухи, что имъ были видѣнія боговъ, требующихъ уничтоженія цвѣтнаго платья подъ страхомъ наказаній. Ворожцы и жрецы толковали, что вылепырысямъ не надо будетъ и одежды, каковую замѣнитъ пухъ, которымъ покроется тѣло, что для каждаго человѣка достаточно будетъ на пропитаніе въ годъ нѣсколько *ючйсовъ* (колья, на которыя вѣшаютъ снопы) числомъ около 30.

У вылепырысевъ ворожцы были свои; они пользовались большимъ авторитетомъ какъ прорицатели, и въ тоже время нѣкоторые изъ нихъ слыли за вегиновъ или вѣдунъ-муртовъ т. е. колдуновъ, насылающихъ болѣзни на людей и скотъ, но обыкновенно они не были любимы; угощаемы же были только ради страха. Если умиралъ колдунъ, его отвозили въ усыпальницу немедленно и погребеніе поручалось однимъ церковнымъ сторожамъ-могильщикамъ. Съ погребеніемъ колдуна прекращался всякій страхъ порчи и болѣзни, которыя при жизни колдуна приписывались бы ему. Колдуны раздѣлялись на нѣсколько категорій, между которыми были болѣе страшные: 1) насылающіе болѣзни по вѣтру 2) портящіе посредствомъ притворныхъ ласокъ и трепаній по спинѣ и 3) наговаривающіе на напитки. Ласки слывущаго за колдуна боялись хуже ножа и, въ случаѣ болѣзни, обращались къ колдуну же. Если при жизни колдунъ былъ страшенъ, то духъ его блуждалъ по землѣ

и по смерти, наводя страхъ на живыхъ. На могилу такихъ вколачивали осиновый колъ въ глазъ вершиной, который, по повѣрью, полагаетъ конецъ блужданьямъ духа мертвеца. Вся одежда, оставшаяся послѣ смерти колдуна невымытою, бросалась въ лѣсъ. Впрочемъ, не только колдуна, но и прочихъ, не слывшихъ при жизни колдунами, черная т. е. нечистая одежда бросалась и бросается въ лѣсъ или ближайшій логъ. Мѣста эти нынѣ называются *куяськонами.* По умершимъ справлялись тризны въ кругу семьи и кости съѣденныхъ животныхъ бросались всѣмъ селеньемъ въ одно мѣсто и назывались *Лыкуянъ.* Въ настоящее время Куяськаны и Лыкуяны существуютъ еще въ прежнемъ видѣ. Въ первыхъ увидите остатки одежды, бураки, чашки, ложки, лубяжки и проч., а въ послѣднихъ—кости. Куяськоны есть и при нѣкоторыхъ ключахъ и рѣчкахъ, пользующихся извѣстностью присутствія при нихъ Кутыся—поражателя коростой. Здѣсь, если не успѣли еще растащить собаки и хищныя птицы, увидите яйца, крупу въ тряпкахъ и проч., которыя были брошены въ жертву Кутысю съ просьбой объ избавленіи отъ коросты.

Нынѣ послѣдователи секты вылепырсевъ встрѣчаются весьма рѣдко; слѣды ихъ еще свѣжи только тамъ, гдѣ нѣтъ русскихъ. Посмотрите лѣтомъ во время страды на жнецовъ вотяковъ; если увидите на мущинахъ и женщинахъ цвѣтныя платья, скажите, что слѣды вылепырсевъ уже изчезли; напротивъ, если въ одеждѣ преобладаетъ бѣлый цвѣтъ, значитъ, слѣды секты еще не совсѣмъ стерлись. Это—несомнѣнное доказательство остатковъ секты. Кромѣ вылепырсевъ возникали и другія секты; но онѣ существовали недолго. Такъ, напримѣръ (помнитъ это хорошо и Яковъ Степановъ—вотякъ изъ поч. Сушкова, Шарканскаго прихода), въ 1840 годахъ пріѣзжалъ изъ Глазовскаго уѣзда въ Сосновскій край основатель секты *Липопоклонниковъ* т. е. боготворителей липы (онъ, вѣроятно, былъ возстановитель прежней религіи). Пріѣзжій былъ ворожецъ—вотякъ, пропитанный до мозга костей суемудріемъ, и заставлялъ своихъ единоплеменниковъ бросать обычаи жертвоприношенія: это - де вредитъ ужасно карману, заставляя употреблять послѣднія средства на пріобрѣтеніе животныхъ для жертвы... Собрались вотяки толпами и новый проповѣдникъ избралъ мѣсто поклоненія на полянѣ среди лѣса, гдѣ стояла липа.

Туда приносили только кумышку и пиво. Тогда онъ объявилъ липу священнымъ деревомъ, велѣлъ стать всѣмъ на колѣни и воздать поклоненіе священному дереву. Кто не кланялся, получалъ по спинѣ ударъ вицой. Чтобы познакомить читателя ближе съ этой сектой, мы передадимъ вкратцѣ разсказъ вышеупомянутаго Степанова. «Пріѣхалъ изъ Глазовскаго уѣзда», говорилъ намъ Степановъ, «ворожецъ и сталъ проповѣдывать *новую* вѣру, которую онъ предпочиталъ въ томъ отношеніи, что она не требуетъ никакихъ жертвъ. Вотяки послѣ совѣщаній рѣшились принять новую вѣру и проповѣдникъ назначилъ изъ каждой деревни по два человѣка учениковъ и возложилъ на нихъ говорить молитвы передъ священникомъ или боготворимымъ деревомъ. Затѣмъ избрали небольшую поляну, среди которой стояла липа и собрались туда мущины и женщины для молитвы; послѣднія брали съ собой въ стклянкахъ и кумышки. Пришедши на мѣсто, ученики стали передъ липой, а прочіе столпились около дерева. По окончаніи молитвы, когда ученики, по повелѣнію ворожца-проповѣдника сказали *аминь*, всѣ пали на землю внизъ лицомъ, а кто, разсѣянный, забывалъ слѣдовать примѣру прочихъ—получалъ по спинѣ ударъ прутикомъ или вицой отъ стоящихъ сзади учениковъ. Послѣ молитвы женщины угощали кумышкой съ пѣснями. Пирушка ни, больше, ни меньше назначеннаго основателемъ секты времени не продолжалась. Принявшіе такую вѣру не должны были имѣть никакого сообщенія съ прочими, чтобы «не оскверниться». Если въ домахъ ихъ былъ какой нибудь иновѣрецъ, не принадлежащій къ сектѣ ихъ—послѣ него жгли верескъ.

Поучивши два дня и назначивши изъ каждой деревни по два ученика, основатель секты отправился во свояси и, кажется, послѣ и не былъ. Ученики его, любящіе выпивать, праздники назначали чаще и отъ этого экономическое состояніе народа начало приходить въ упадокъ; такъ, напримѣръ, во время посѣвовъ и полевыхъ работъ праздники останавливали работу иногда на цѣлую недѣлю, между тѣмъ прочіе работы оканчивали заблаговременно. Отъ этого у липопоклонниковъ пошли неурожаи, а за неурожаями начался упадокъ благосостоянія.

Различные способы гаданія. Ранѣе мы сообщили вкратцѣ о двухъ способахъ гаданья вотскими ворожцами; нынѣ нами открыты еще нѣсколько способовъ гаданья. Ворожецъ беретъ иголку съ ниткой и

небольшой кусокъ хлѣба; садится за столъ и, воткнувши иголку въ кусокъ хлѣба, беретъ нитку въ правую руку и приподнимаетъ нитку тихо, осторожно, чтобы кусокъ хлѣба не покачнулся ни въ которую сторону; кусокъ же хлѣба виситъ отъ стола въ вышинѣ двухъ—трехъ дюймовъ, а чтобы избавиться отъ дрожанія руки, локтемъ руки, держащей иголку, опирается о столъ.

Затѣмъ смотритъ въ которую сторону кусокъ хлѣба будетъ ударять; а для удобства опредѣляютъ страны свѣта углемъ, мѣломъ и проч.—и говоритъ куску: «если потерянное найдется, ударяй въ сторону того или другого предмета» или:» если скотина потерялась и не найдется—стой на мѣстѣ»; также «въ которой сторонѣ потерянное, ударяй въ ту сторону», т. е. велитъ куску ударять въ тотъ предметъ, который будетъ принятъ за виновную сторону; если кусокъ ударяетъ въ названный предметъ—отвѣтъ полученъ утвердительный.

При гаданіи ворожецъ сосредоточивается на одной мысли. Если на столѣ нѣтъ никакихъ знаковъ, опредѣляющихъ страны, то ворожецъ, чтобы получить удовлетворительный отвѣтъ, велитъ куску ударять въ правую или лѣвую или же въ переднюю стороны. Если, напримѣръ, явился домохозяинъ съ просьбой поворожить о томъ, найдется ли потерянная скотина или въ которой сторонѣ ее слѣдуетъ искать, ворожецъ говоритъ куску хлѣба: «если скотина въ томъ полѣ—ударяй въ ту сторону, если въ другомъ—въ другую» и т. д. Какой результатъ получается отъ ворожевья—объ этомъ ворожецъ объявляетъ и все дѣло оканчивается.

Другой способъ ворожбы таковъ: ворожецъ беретъ цѣльный коровай хлѣба на пальцы правой руки на подобіе того, какъ держатъ крестьяне во время чаепитія блюдечки; опирается локтемъ о столъ и слѣдитъ внимательно за движеніемъ коровая. Утвердительный отвѣтъ даетъ коровай хлѣба тогда, когда онъ будетъ поворачиваться въ которую нибудь сторону, а отрицательный отвѣтъ получается, когда коровай остается недвижимъ. Третій вновь открытый нами способъ ворожбы состоитъ въ томъ, что ворожецъ беретъ въ руку перстень и, повертывая его на всѣ стороны, чрезъ нѣсколько времени объявляетъ о результатѣ.

Курбонъ. Подъ этимъ словомъ принято называть семейное жертвоприношеніе божеству Воршуду въ случаѣ какого нибудь несчастья

въ семейной жизни, напримѣръ, нездоровья. Въ такихъ случаяхъ приносится въ жертву чаще баранъ. Курбонъ приносятъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ еще за новорожденныхъ.

Жертва старикамъ (умершимъ). Умершихъ стариковъ инородцы боготворятъ не менѣе другихъ воображаемыхъ божествъ; они, умершіе, по повѣрью ихъ, могутъ насылать различныя болѣзни на живыхъ; поэтому иногда болѣзни приписываютъ ихъ вліянію; такъ равно, если скотина вслѣдствіе какихъ нибудь причинъ придетъ въ состояніе паралича, говорятъ, что здоровья лишили умершіе старики (кулэмъёсъ кутъйзы). Чтобы предотвратить какое нибудь несчастье, инородцы обѣщаютъ умершимъ старикамъ жертвы, надѣясь этимъ умилостивить умершихъ стариковъ. За умершихъ въ кругу семьи приносятся въ году частныя жертвы нѣсколько разъ, а послѣ смерти стариковъ, кромѣ семейной жертвы, приносится еще жертва всей деревней въ домѣ потомковъ старика. Для жертвы старику избирается обыкновенно старая лошадь. Молодые люди, питающіе отвращеніе къ кoнинѣ, жертвы не ѣдятъ; старики же считаютъ непремѣнною обязанностію ѣсть мясо коня до сыта, чтобы умершій старикъ, которому приносится жертва, не питалъ къ нимъ какого нибудь неудовольствія. О различныхъ обрядахъ при жертвоприношеніи мы здѣсь говорить не будемъ, такъ какъ они уже нами описаны прежде, а помѣстимъ здѣсь только то, что представляетъ для насъ еще совершенную новость при жертвоприношеніи всей деревней. Послѣ различныхъ обрядностей за столомъ и ѣды мяса кладутъ на полъ подъ одинъ изъ концевъ стола лубянку, а къ краю стола ставятъ зажженную восковую свѣчу. На лубянку кладутъ всѣ кости коня и, главное, черепъ. На этотъ черепъ каждый, участвовавшій въ яденіи жертвы, кладетъ мѣдную монету отъ 1 до 5 коп., каковыхъ набирается около 50 коп. Къ черепу ставятъ стаканъ съ кумышкой и буракъ съ пивомъ, — и жертвоприношеніе окончено. Лубянку увозятъ въ лѣсъ на *Лы-куянъ*, т. е. на то мѣсто, гдѣ прежде бросали кости животныхъ, принесенныхъ въ жертву. Это жертвоприношеніе называется, какъ и описанное уже, *виро*, но прежде описанное приносится въ конюшнѣ объ избавленіи скота отъ болѣзней, а въ избѣ — старикамъ, какъ родоначальникамъ, отъ которыхъ остались и имѣніе, и скотъ, и потомки. Самое жертвоприношеніе совершается ночью.

Жертвы умершимъ. Во многихъ деревняхъ намъ передавали слѣдующее: умершимъ старикамъ обязательно приносить въ жертву лошадь—мерина, а старухамъ-женщинамъ—корову; прочимъ приносится въ жертву утка въ кругу своей семьи.—По разсказу, одинъ ушелъ въ солдаты и чрезъ нѣсколько лѣтъ получили объ немъ извѣстіе, что онъ болѣе не вернется. Это дало домашнимъ солдата поводъ принести ему въ жертву утку. Черезъ нѣсколько времени солдатъ возвращается на родину и говоритъ, что при возвращеніи его на родину передъ нимъ часто были видѣнія летящей утки.

Въ 1884 году, осенью, пишущій эти строки заѣхалъ ночевать къ вотяку въ дер. Тылой, Сосновскаго прихода, Сарапульскаго уѣзда, и при входѣ въ избу засталъ всю семью за столомъ. Было уже около полуночи.

— Что поздно ужинаете? обратился я къ хозяину дома съ вопросомъ вмѣсто обычнаго привѣтствія: хлѣбъ да соль! (по вотски: нянь да слалъ!)

— Умершимъ утку даемъ, — отвѣтилъ хозяинъ и прибавилъ: «обѣщаніе было по случаю болѣзни семейныхъ».

Я, нуждаясь въ свѣдѣніяхъ для этнографическаго матеріала, спросилъ его снова:

— Какимъ умершимъ даете: старикамъ или молодымъ?

— А кому требуется.

— Какъ это кому требуется?

— Какъ тебѣ сказать! Мы даемъ всѣмъ умершимъ,—старикамъ ли, молодымъ ли—объ этомъ не говоримъ.

— Я слыхалъ, отвѣтилъ я, что старикамъ и старухамъ дается жертва особо отъ молодыхъ.

— Дается,—это есть, да теперь-то не знаемъ кому дать, а дать-то надо непремѣнно: обѣщаніе было.

— По какому случаю было обѣщаніе?

— Въ семьѣ начали жаловаться на хворость; ну и пообѣщали, какъ дѣлали прежде старики.

Хозяинъ, видимо, разговаривалъ со мной не совсѣмъ охотно, а прочіе семейные его смотрѣли на меня не очень привѣтливо, вѣроятно думая: чего де онъ допрашиваетъ такъ? Ужъ не хочетъ ли завести какое бумажное дѣло?—Чтобы успокоить ихъ, я сказалъ, что спрашиваю изъ одного пустаго любопытства, а

не изъ желанія повредить имъ чѣмъ нибудь; причемъ сказалъ, что вотскіе обычаи мнѣ извѣстны какъ свои пальцы, что я знакомъ отчасти съ обычаями Елабужскихъ и Малмыжскихъ Вотяковъ и, изслѣдуя эти обычаи, въ результатѣ получаю между обычаями тѣхъ и другихъ большое различіе.

— Какъ иначе? Живутъ вѣдь не въ одномъ мѣстѣ, отвѣчалъ хозяинъ на вышеозначенныя мои слова. Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ о жертвоприношеніяхъ умершимъ или, правильнѣе сказать, за умершихъ. Утромъ при пробужденіи, дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ засталъ обувающимися въ *русскіе* лапти. Въ комнатѣ было тихо, только хозяинъ изрѣдка перебрасывался словами со старшими сыновьями о занятіяхъ въ наступившій день. Вотъ дѣти обулись и умылись и каждый сталъ предъ икону и сдѣлалъ нѣсколько поясныхъ поклоновъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ подобныхъ молитвъ намъ не приводилось встрѣчать. Это дало мнѣ поводъ вступить въ разговоръ съ хозяиномъ.

— Умны у тебя робята: молятся Богу! сказалъ я ему, желая вызвать какое нибудь слово, по которому можно бы судить о способахъ просвѣщенія инородцевъ христіанскою вѣрою; но слова мои хозяинъ почему-то пропустилъ мимо ушей, а повторить ихъ я считалъ дѣломъ неприличнымъ.

Жертва за убитаго звѣря. Каждый охотникъ считаетъ непремѣнною обязанностію принести Нюлэсъ-Мурту въ жертву утку за пойманнаго звѣря. Нѣкоторые попавшагося въ капканъ звѣря убивать приглашаютъ другихъ; иначе, по повѣрью, звѣрь не будетъ попадать.

Расходы жениха. Чтобы судить во что обходится свадьба вотяку, мы перечислимъ по категоріямъ только тѣ расходы, которые производитъ женихъ до вѣнца, а на самую свадьбу расходы составляютъ особенную сумму. Начинаемъ съ сватовства:

1) Въ калымъ за невѣсту среднимъ числомъ . .	50 р.	— к.
2) На подарки кредитными билетами	12 »	— »
3) Серебряныхъ рублевиковъ екатерининскихъ временъ 4	6 »	— »
4) Серебряныхъ рублевиковъ николаевскихъ временъ	40 »	— »

5) Мелкаго серебра: полтинниковъ, четвертаковъ и проч.	18 р.	—	к.
6) Красной бумаги невѣстѣ для полотенецъ 5 ф.	2 »	—	»
7) На вино	10 »	—	»
8) На угощеніе гостей, для чего женихъ колетъ корову или быка	20 »	—	»
9) 5 паръ кутторовъ невѣстѣ	— »	80	»
10) Поясъ	— »	50	»
11) 7 паръ особенныхъ кутторовъ	1 »	50	»
12) Шалей 20	17 »	—	»
13) Буски (ожерелья)	— »	40	»
14) На прочіе расходы	10 »	—	»
	188 р.	20	к.

Къ этой суммѣ еще мы должны приложить сумму расходовъ на разные предметы во время свадьбы, среднимъ числомъ 80 рублей. Всего стоитъ свадьба Вотяку средняго состоянія 268 руб. 20 коп.

Обряды при рожденіи дѣтей. Выше мы описали, между прочимъ, и обряды при рожденіи дѣтей; но эти обряды обыкновенно исполняются только между семейными до прихода гостей для поздравленія съ новорожденнымъ; по приходѣ же гостей отецъ новорожденнаго садится въ шапкѣ за столъ и предъ нимъ женщины ставятъ бутылку съ кумышкой и рюмку; кладутъ меду, коровай хлѣба съ солью и горбушку хлѣба съ масломъ. Въ молитвѣ, между прочимъ, отецъ проситъ новорожденному здоровья, счастья, силы; если у него много сыновей и новорожденный также сынъ, то обѣщаетъ его въ солдаты, говоря, что надо и Царю человѣка. По окончаніи молитвы на горбушку накладываетъ масла, выпиваетъ рюмку кумышки и ѣстъ горбушку хлѣба съ масломъ; потомъ отъ коровая отрѣзываетъ другую горбушку и даетъ ее прочимъ. Окончивши такой обрядъ, онъ выходитъ изъ-за стола и начинается пирушка-*кабакв.* За столомъ въ это время безпрерывно обѣдаютъ гости—мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами.

Обряды при потеряхъ. Если, напримѣръ, у кого потерялись деньги и слѣды преступленія скрыты, то потерпѣвшій приглашаетъ въ свой домъ своихъ односеленцевъ и въ знакъ невиновности предлагаетъ

каждому съѣсть съ ножа кусокъ хлѣба, положеннаго на икону, и перебирать въ рукахъ волчьи жилы и различныя травы, которымъ, по повѣрью, приписываютъ силу покоробить вору жилы и вообще дѣйствовать на организмъ его какъ ядъ. Авторъ настоящей статьи былъ самъ свидѣтелемъ исполненія обряда при потерѣ денегъ однимъ вотякомъ за селомъ Большепургинскимъ. У этого вотяка потерялись деньги и слѣды преступленія были скрыты, поэтому потерпѣвшій всякіе розыски считалъ безполезными. И вотъ, по существующему издревле обычаю, онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ односеленцевъ, въ числѣ которыхъ долженъ былъ быть и воръ, такъ какъ на посторонняго, какъ полагалъ потерпѣвшій, думать было нельзя. По приглашенію потерпѣвшаго всякій спѣшилъ къ нему придти, такъ какъ не придти значило бы показаться явнымъ воромъ. Вотъ, поэтому, каждый односеленецъ поспѣшилъ, не теряя времени, доказать свою невиновность при самомъ потерпѣвшемъ. Когда собрались односеленцы, хозяинъ-потерпѣвшій предварительно обратился ко всѣмъ съ извиненіемъ, прося ихъ не судить его за отрываніе отъ занятій и какъ бы за подозрѣніе ихъ въ кражѣ; у вора, говорилъ онъ, одинъ грѣхъ, а у потерпѣвшаго—тысячи, такъ какъ онъ можетъ думать на всякаго. Послѣ этого онъ взялъ съ божницы икону (кажется, святителя Николая), положилъ ее на столъ, искрошилъ въ небольшіе куски хлѣбъ и разложилъ куски по иконѣ; потомъ принесъ откуда-то (вѣроятно, изъ чулана) волчьи жилы и еще какія-то растенія и сѣмяна (названія ихъ авторъ забылъ) и положилъ ихъ рядомъ съ иконой. Приготовивши все это, онъ помолился, взялъ ножъ и воткнулъ конецъ его въ кусокъ хлѣба; поднесъ хлѣбъ ко рту и съѣлъ; затѣмъ перебралъ въ рукахъ волчьи жилы, сѣмяна и растенія и отошелъ въ сторону. Это значило, что деньги его не украдены имъ самимъ или, вѣрнѣе, онъ хлопочетъ не даромъ: деньги у него дѣйствительно потерялись. За нимъ стали подходить къ столу одинъ за другимъ и прочіе и слѣдовали его примѣру. Черезъ часъ послѣ этого всѣ односеленцы разошлись. Потерпѣвшій былъ твердо убѣжденъ, что если въ числѣ съѣвшихъ съ ножа хлѣбъ и перебравшихъ въ рукахъ жилы и проч. былъ воръ, то онъ долго не проживетъ. Естественно, что если въ присутствіи всѣхъ собравшихся у потерпѣвшаго кто отказался бы ѣсть съ ножа хлѣбъ и перебирать въ

рукахъ жилы и сѣмяна, то онъ тѣмъ навлекъ бы на себя явное подозрѣніе въ кражѣ денегъ и его всякій бы могъ назвать воромъ, такъ какъ отказъ есть прямое доказательство виновности: не съѣлъ куска хлѣба съ ножа и не пребралъ въ рукахъ жилы и проч. — значитъ, боялся смерти какъ воръ. Боясь смерти и вообще дурныхъ послѣдствій отъ съѣденнаго съ ножа хлѣба, краденное, если кража совершается односельцами, въ случаѣ различныхъ угрозъ и слуховъ о волчьихъ жилахъ, подбрасываютъ хозяину немедленно; впрочемъ, отъявленные воры повѣрья о жилахъ считаютъ басней.

Воровъ открываютъ ворожцы еще такимъ образомъ: ворожецъ, идетъ къ колодцу или на ключъ съ ведромъ; изъ перваго ведра воду выливаетъ на землю, изъ другаго — тоже, а третье ведро несетъ домой; принесенной воды наливаетъ въ чашку и опускаетъ въ нее серебряную монету, иногда еще и уголь; пошептавши слова заговора, заставляетъ потерпѣвшаго смотрѣть въ чашку. Послѣдній, если смотритъ въ чашку, то, говоритъ, видитъ въ водѣ черты лица вора и поэтому узнаетъ, кто укралъ деньги или что нибудь потерянное. Такой замѣчательный ворожецъ былъ, какъ разсказываютъ, около границы Глазовскаго уѣзда и къ нему обращались потерпѣвшіе чуть не со всѣхъ сторонъ.

Сожженіе Воршуда. Заштатный священникъ села Шаркала, о. Александръ Анисимовъ, разсказывалъ намъ, что въ 1860 годахъ въ деревнѣ Сюрсоваѣ его прихода былъ сожженъ имъ, о. Анисимовымъ, Воршудъ въ куалѣ вотяка Лоріона Никитина, но на его мѣсто появился опять такой же Воршудъ.

Но, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей желательно будетъ знать подробнѣе о самомъ предметѣ, называемомъ вотяками Воршудомъ. Воршудъ—это берестяная коробка съ серебряной монетой копѣекъ въ 20 или просто оловянная или свинцовая, круглая какъ монета пластинка величиною съ четвертакъ, съ изображеніемъ какого нибудь предмета на обѣихъ сторонахъ. Вотъ эта-то коробка и есть символъ божества Воршуда. Въ старину такія пластинки у бѣдныхъ служили вмѣсто денегъ, носимыхъ нынѣ дѣвушками на татьяхъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ татьи съ такими пластинками можно видѣть и теперь; называются они *дэндоръ*. У нѣкоторыхъ племенъ къ монетѣ или замѣняющей ее дэндоркѣ присоединяются: ложка, хвостикъ

звѣрка, зола и проч., и самыя коробки у нѣкоторыхъ бываютъ лубяныя. Воршудъ хранится въ куалѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать куала, въ переднемъ углу или на стѣнѣ, гдѣ устраиваются нарочно полочки. Если же куала перестраивается, то Воршудъ на время перестройки приносится въ избу и ставится на полку, что выше божницы. Такое то божество и было сожжено о. Анисимовымъ въ означенное нами выше время. Впрочемъ, для ясности, мы передадимъ читателямъ разсказъ самого священника о. Анисимова, какъ слышали отъ него сами.

«Вотякъ Ларіонъ Никитинъ», разсказывалъ о. Анисимовъ, «по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ заходилъ ко мнѣ часто и въ это время, пользуясь случаемъ, я наставлялъ его въ православной христіанской вѣрѣ, дѣлалъ ему увѣщанія бросить окончательно всѣ старыя обычаи. Онъ долго оставался при своемъ мнѣніи, что бросить старыя обычаи совсѣмъ нельзя: это не поведетъ къ лучшему, такъ какъ единоплеменники будутъ смотрѣть на него непріязненно. Наконецъ, онъ выразилъ согласіе отстать отъ нѣкоторыхъ чистоязыческихъ обычаевъ, сопряжённыхъ съ жертвоприношеніями воображаемымъ миѳическимъ божествамъ, и я взялъ съ него слово предать сожженію находящійся въ куалѣ его Воршудъ, который нельзя было терпѣть еще потому, что онъ пользовался почтеніемъ какъ икона и находился на мѣстѣ иконъ. Вскорѣ послѣ этого мнѣ случилась поѣздка въ деревню Сюрсовай для исправленія требъ; мнѣ сопутствовалъ причетникъ. Пріѣхавши въ деревню и исправивши требы, я съ преднамѣренною цѣлію ушелъ къ Ларіону Никитину и никого изъ постороннихъ не засталъ. Время, какъ видите, благопріятствовало вполнѣ, и я, пользуясь такимъ случаемъ, обратился къ Ларіону Никитину съ требованіемъ привести въ исполненіе данное имъ слово.

— Какъ хочешь, бачко! сожжешь, такъ сжигай хоть сейчасъ: я не противъ этого,—сказалъ Ларіонъ.

— Ну такъ веди меня въ куалу.

— Айда!

Я, сопровождаемый Ларіономъ и причетникомъ пошелъ въ куалу, гдѣ находился обрекаемый огню Воршудъ. Пришли къ куалѣ. Причетникомъ моимъ, виндмо, овладѣла трусость—и онъ не вошелъ въ куалу; я, перекрестившись, ступилъ за порогъ и пошелъ

къ полкѣ, гдѣ находился Воршудъ. Въ это время, какъ нарочно, среди куалы дымился костеръ, разведенный вѣроятно для варки кушаньевъ. Я взялъ съ полки коробку (въ ней кромѣ дэндорки и золы не было ничего), подошелъ къ огню и положилъ на него коробку. Коробка запылала и Воршудъ былъ сожженъ. Предавши сожженію этотъ боготворимый предметъ, я вышелъ изъ куалы и сказалъ Ларіону по поводу сожженія Воршуда нѣсколько словъ. Что чувствовалъ онъ при сожженіи Воршуда—не знаю.

Черезъ нѣсколько времени я узналъ, что Воршудъ въ куалѣ Ларіона Никитина опять появился. У означеннаго Ларіона былъ сынъ Андрей; его во время сожженія Воршуда не было дома. Когда онъ вернулся домой и узналъ, что сожженъ Воршудъ, то, говорятъ, выразился такъ: «счастливъ попъ, что меня не было дома! а не то я бы зналъ какъ поступить съ нимъ».

— Зачѣмъ у тебя опять появился Воршудъ? спросилъ я Ларіона при первомъ свиданіи съ нимъ.

— Я не радъ, бачко, что сожегъ: семейные ругаютъ, сосѣди бранятъ, посторонніе смѣются, отвѣтилъ мнѣ на это Ларіонъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что Воршудъ привезенъ изъ того племени, къ какому принадлежалъ Ларіонъ.

Снопы-матки (мумы культо̀). Обычай связывать на послѣднихъ полосахъ снопы-матки существуетъ и у русскихъ. Самые снопы, числомъ два, имѣютъ символическое значеніе родоначальниковъ семьи. Обрядъ этотъ совершается на послѣдней полосѣ въ каждомъ изъ двухъ полей: въ озимовомъ—на ржаной полосѣ, въ яровомъ—на овсяной. Естественно, что окончить страду всѣмъ въ одинъ день нельзя: у кого много семейныхъ оканчиваетъ раньше, у кого мало—позже; кто оканчиваетъ раньше, считаетъ обязанностію, по заведенному обычаю, помочь несправившимся съ работою, чтобы за это помогли самимъ, когда встрѣтится нужда въ помощи, по обыкновенно помогаютъ другъ другу родственники и то только одинъ день и въ тотъ самый, въ который по расчету, жатвы должны окончиться. Мы сказали, что самый обрядъ совершается на послѣдней полосѣ; полоса для этого, въ виду дожинокъ, всегда оставляется изъ лучшихъ единственно для матокъ-сноповъ. Когда она дожинается, хозяинъ старшій въ семьѣ, дѣлаетъ два пояска необыкновенной толщины и длины и кладетъ ихъ на землю. Когда пояски

для матокъ уже сдѣланы, никто отдѣльныхъ поясковъ для своего снопа не дѣлаетъ, а всякъ свои горсти кладетъ въ двѣ грудки, изъ которыхъ должны составиться два снопа-матки. Пока не дожнется полоса и не будутъ связаны снопы—царствуетъ тишина, нарушаемая только шуршаньемъ соломы; и вотъ, когда хлѣбъ сжатъ, хозяинъ связываетъ снопы-матки и кладетъ на нихъ серпы жнецовъ; потомъ, помолившись въ восточную сторону, говоритъ: «пусть такимъ же образомъ Господь сподобитъ начать и кончить полевую страду и въ слѣдующемъ лѣтѣ». Позакусивши хлѣба, снопы несутъ на головахъ и ставятъ къ кольямъ, но ихъ вмѣстѣ съ прочими не вѣшаютъ, а стоятъ они на своемъ мѣстѣ до уборки. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ при связываніи сноповъ говорятъ: «Ватка кузё лэсь, Кузонъ кузёлэсь, Муско кузёлэсь узырзэ татцы кертъисько». (Вятскаго купца, Казанскаго купца, Московскаго купца богатство связываю сюда т. е. въ снопы).

Обряды. *При начатіи жатвы.* Жнецы, выжавши горсть хлѣба на первой полосѣ, кладутъ таковую на землю и берутъ въ руку комокъ земли; раздавливаютъ комокъ и потираютъ землей руку, чтобы во время страды не болѣли руки и не былъ бы, такъ называемый, скрипунъ. Другіе въ первый разъ серпъ берутъ въ руку остріемъ и срѣзываютъ такимъ образомъ съ трудомъ нѣсколько соломинокъ, чтобы въ страду не порѣзать руки.

Главные обряды при началѣ жатвы заключаются въ слѣдующемъ: хозяйка дома покрываетъ столъ скатертью, кладетъ на нее цѣльный коровай и хлѣба яичный блинъ; ставитъ солонку съ солью, бутылку съ кумышкой и при ней рюмку; хозяинъ надѣваетъ на голову шапку, беретъ въ руку еловую вѣтвь и садится за столъ въ передній уголъ; отрѣзываетъ ножемъ отъ коровая горбушку, беретъ ее въ правую руку вмѣстѣ съ вѣткой и начинаетъ молитву, поглаживая лѣвой рукой бороду, взявши таковую въ кулакъ. Молитва его начинается такъ: ȯстэ, ȯстэ, Инмарѐ Кылдышнѐ (или Кыдчине)!.. Пересьёсы—атайёсы̇! дядьёсы (имена)! милемды̇ энъ куштѐ; таты̇ръ колдъ-и кадь нянь сётъ.... (Благослови, благослови, Господи!... старики отцы, братья, насъ непокидайте! урожай дайте полный какъ полонъ этотъ коровай хлѣба....). Послѣ молитвы горбушку хлѣба даетъ семейнымъ и тѣ, отщипывая отъ нея по крошкѣ, съѣдаютъ; потомъ беретъ рюмку съ кумышкой и говоритъ: остэ, Инмаре остэ!

Изъ другой рюмки отвѣдываютъ по немногу и прочіе семейные. По окончаніи этой молитвы всѣ идутъ съ серпами въ поле.

На полосѣ хозяинъ говоритъ опять: атайёсъ! дядяёсъ! пересьёсъ! Энъ куштэ; тысамъ юмесъ медъ капчи араломъ (отцы! братья! старики (умершіе), не покидайте! хлѣбъ въ налившихся зернахъ пусть выжнемъ мы легко); затѣмъ наклоняется и срѣзываетъ одну горсть серпомъ три раза.

При началѣ сѣнокоса. Пришедши на покосъ, хозяинъ говоритъ: «остэ, Инмаре! чебѐръ медъ ветло̀мы турнаса; азьла̀нь тачѐ турынъ медъ пото̀зъ. Пересьёсъ! милемды энъ куштэ тазь и ыиктъ уте во̀рдэ.... (благослови, Господи! пусть будемъ во время сѣнокоса здоровы; пусть и въ будущее время трава ростетъ хорошо. Старики (умершіе), насъ не покидайте,—такъ же храните насъ и впередъ! Послѣ такой молитвы, онъ наклоняется и начинаетъ косить. Если въ чьей нибудь семьѣ есть молодушка—идутъ туда снимать съ нея шортъ-дэрѐмъ т. е. верхнее холщевое платье со сборками, чтобы во время страды не было ей жарко. Если шортъ-дэремъ не будетъ снятъ—молодушка не имѣетъ права работать въ одной сорочкѣ т. е. она сама не можетъ исполнить обряда снимания съ себя шортъ-дэрема. Молодушка, предвидя надъ собой такой обрядъ, беретъ кумышки и поитъ ею всѣхъ участвующихъ при обрядѣ. За угощеніе водкой дарятъ ее деньгами отъ 1 до 5 коп. Кромѣ молодушки кумышки берутъ и другія женщины для угощенія мущинъ. Покосивши около часа и попировавши въ общемъ кругу, идутъ домой и ходятъ изъ дома въ домъ ѣсть завариху съ масломъ.

При пожарахъ. Кто знаетъ заговоръ или слова противъ огня, тотъ, по приглашенью, беретъ въ буракѣ или ведрѣ воды и обходитъ съ ней горящее строеніе три раза, читая про себя слова заговора; затѣмъ воду изъ сосуда выливаетъ на огонь. Послѣ этого, по повѣрью инородцевъ, пожаръ утихаетъ. Про одного тушителя пожаровъ намъ разсказывали, что онъ, обошедши пожаръ три раза, бросилъ на средину его яйцо—и тѣмъ положилъ пожару конецъ. Слова заговоровъ составляютъ секретъ знахарей, да и сами знахари весьма рѣдки.

Чтобы вернулся сынъ изъ солдатской службы. Отецъ въ кругу своей семьи обѣщаетъ принести въ жертву двухъ или больше же-

ребятъ. Если обѣщанное не исполняется до возвращенья сына, то приносится жертва уже по прибытіи солдата на родину. Въ дер. Ворчинѣ намъ говорили, что вотякъ той деревни, посуливши двухъ жеребятъ, одного съѣлъ до возвращенья сына, а другого—по возвращеніи.

Одержимый какою нибудь болѣзнію бросаетъ къ столбамъ воротъ крупу изъ горсти или какой нибудь посудины, говоря: Иннаре—Кылдысинэ! тъиньта мыжъ—мѐ кушты инъй: кеньыръ палькъисько. (Господь всевидящій! отъ этого мыжа *) освободи ужъ меня: крупу бросаю). Послѣ этого, по повѣрью, больной выздоравливаетъ.

Внезапное чувство боли. Кто почувствуетъ внезапно боль въ какой нибудь части тѣла, тотъ плюетъ въ лѣвую сторону три раза и говоритъ: синтэмъ кылъ!.. кэсъ чагъ!.. кэсъ межысъ (**). Притчаѐдъ, котырядъ (слѣпая горячка!.. сухая лучинка! сухой шестъ Притча (божество) при тебѣ).

Если около деревни и полей и лѣсовъ появится множество волковъ обѣщаютъ всей деревней Нюлэсъ—Мурту въ жертву двухъ жеребятъ съ утками, и такую жертву ѣдятъ въ лѣсу одни мущины.

Такъя-куштонъ (снятіе татьи) Молодушка до снятія съ нея татьи считается еще какъ бы дѣвушкой, поэтому дѣвушки приглашаютъ ее на игры и посидѣлки какъ свою подружку, ни мало не стѣсняясь ея мужа. Окончательное же лишеніе дѣвичьей свободы наступаетъ со времени снятія съ нея татьи и замѣны таковой подургою. Женщины—сосѣдки, въ виду беременности молодушки или безъ таковой, по истеченіи примѣрно одного года, идутъ къ ней съ преднамѣренною цѣлью и силой снимаютъ съ головы ея татью—дѣвичій уборъ. Молодушка, если успѣла прежде догадаться, бѣжитъ изъ комнаты въ сосѣди и татья остается на головѣ ея до слѣдующаго раза; но обыкновенно бѣжать удается рѣдкимъ, такъ какъ женщины начатый обрядъ стараются всѣми мѣрами привесть

(*) Слово «мыже» мы не могли перевести на русскій языкъ; оно, кажется, означаетъ должность въ принесеніи жертвы.

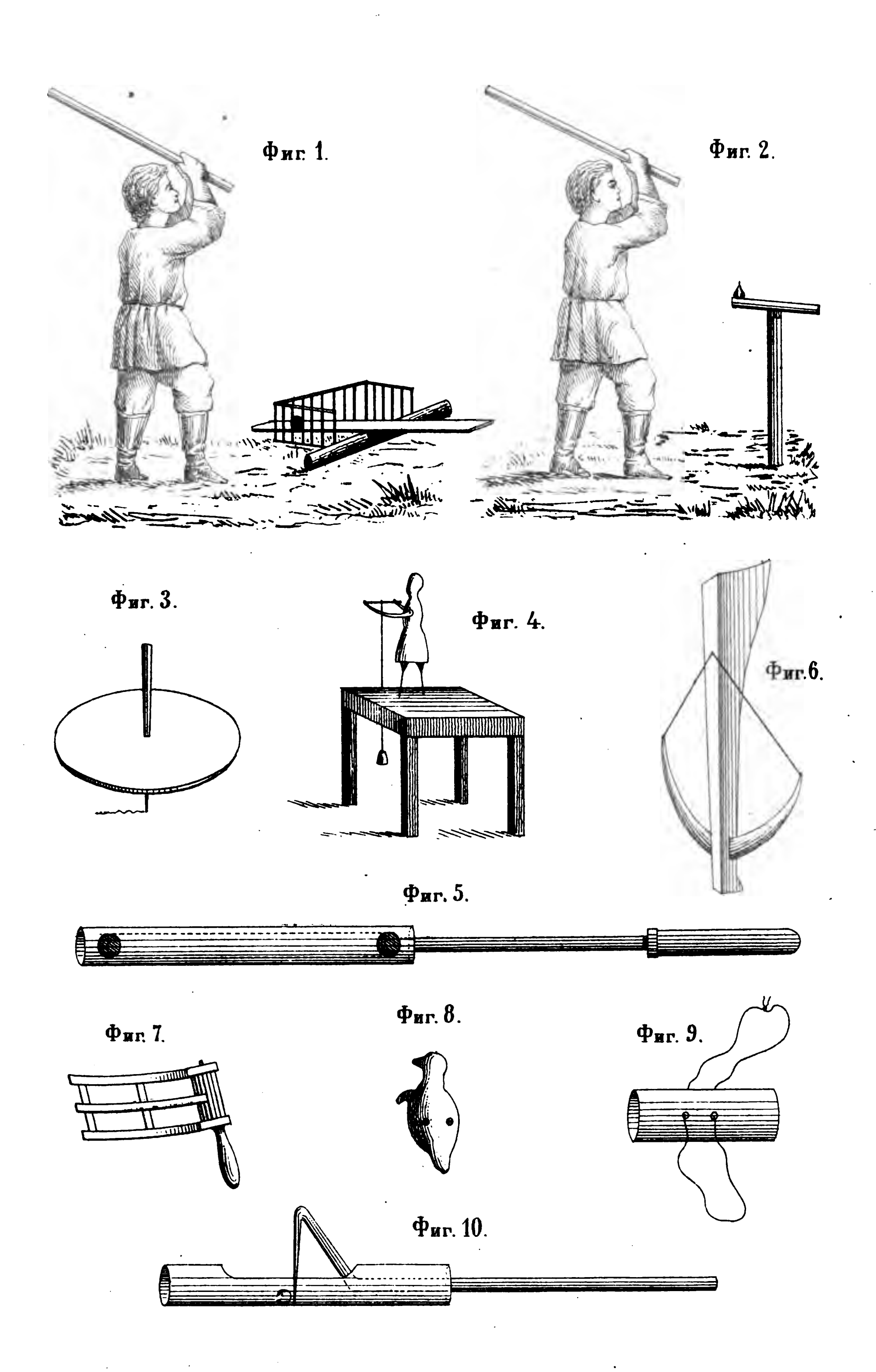
(**) Межысъ—это шестъ съ заостреннымъ концемъ. Онъ употребляется, чтобы узнавать степень тепла въ скирдѣ хлѣба; для этого втыкаютъ заостренный конецъ въ скирду и, подержавши съ минуту, вынимаютъ; если конецъ шеста нагрѣлся—значитъ внутри скирды жаръ, къ устраненію котораго слѣдуетъ принять мѣры, безъ чего скирдѣ угрожаетъ опасность сгнить.

въ исполненіе. Когда татья будетъ снята, надѣваютъ вмѣсто нея подургу и это считается символомъ перехода молодушки въ разрядъ женщинъ. Молодушка, особенно если мужъ ей не очень милъ или, быть можетъ, она не любима имъ ,отходитъ въ сторону куда нибудь въ отдѣльную комнату и тамъ причитаетъ: нэнэѐ! дядяѐ! таберѐ куштъйды угъ; малке эй-а медà яра; таберѐ ныль—іыры бырйзъ... (матушка, батюшка (родные) теперь уже бросили; видно, не нужна теперь стала; теперь дѣвичья голова погибла). Если же она довольна судьбой, то дѣлаетъ только видъ будто грустить; а иныя выговариваютъ женщинамъ, что онѣ снимаютъ татью прежде времени какъ будто за провинность: свекровка въ свою очередь утѣшаетъ ее, говоря, что когда нибудь надо же бросить татью. Другія свекровки бросать рано татью сами не даютъ: пусть де еще ходитъ дѣвушкой. Женщинъ послѣ снятія татьи кормятъ обѣдомъ.

Замѣченныя опечатки и погрѣшности.

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*	*Стран.*
продолжится	продолжается	6
ставить	ставитъ	7
деревни	деревнѣ	66
повѣрья животныхъ	повѣрья о животныхъ	70
см. ноевъ ковчегъ.	—	73
жолтая	желтая	75
статьѣ	книгѣ	95 и 99
проклятые	проклятыя	115

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.